Юрий Сушко

Марина Влади

обаятельная «колдунья»

Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта красивая женщина с удивительной судьбой давно стала «нашей», очень близкой и родной, несмотря на французское гражданство. И дело не столько в русских корнях. Марина Влади была женой великого русского барда Владимира Высоцкого. Многие годы она, как самый близкий ему человек, разделяла его сложную судьбу, душевную боль и чаяния. О Марине Влади написано множество книг, но впервые все самое ценное, интересное и значимое собрано воедино. В итоге автор представляет читателям созданный им образ иной Марины Влади — нежной, хрупкой, легкоранимой женщины, умеющей и любить, и прощать…

- Юрий Сушко
  -
  - «Мой вишневый сад»
    -
    -
  - «la Ragazza in Vetrina» — «Золушка в витрине»
  - «Jours D`Amour» — «Дни любви»
    -
    -
  - «Le Lit Conjugal» — «Королева пчел»
  - «Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий…»
  - «Я знаю, что это — ты…»
  - «Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!»
    -
    -
  - «Марина, ты письмо мне напиши, по телефону я тебе отвечу…»
  - «Да, у меня француженка-жена, но русского она происхожденья…»
  - «Соглашайся хотя бы на рай в шалаше…» — II
  - «Дом хрустальный на горе для нее!»
  - «Все остальное — Франция, Париж…»
  - «Elles deux» — «Их двое»
  - «А ты… одна ты виновата в рожденьи собственных детей»
  - «В гости к Богу не бывает опозданий…»
  - «Женщина, преследуемая смертью…»
  - «Я просто умею любить…»

- Влади Марина (Vlady Marina)
  -
  - Фильмография
  - Театральные работы
  - Библиография
  - Действующие лица
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Юрий Сушко
Марина Влади, обаятельная «колдунья»

— …Я?.. В Россию?!. Девочка моя, ты сошла с ума. О чем ты говоришь? — Мама мягко улыбнулась. — Да как тебе в голову могло прийти такое? Полвека прошло, вся жизнь….

— Вот именно поэтому, мамочка. — Марина встала из-за стола. Медленно прошлась по комнате, остановилась рядом с Милицей Евгеньевной. — Именно поэтому… Представь себе, ты вернешься в свою молодость. Ощутишь себя юной, здоровой, беспечной, с головой окунешься в воспоминания, переживешь те самые чувства, которые ты испытывала тогда…

— О нет! — Мама протестующе подняла руку. — Только не это. Я не враг себе самой. Не дай боже еще раз такое пережить…

— Мамочка, неужели тебе не хотелось бы вновь войти в тот зал в Смольном, в котором ты танцевала? Помнишь, ты рассказывала о своем выпускном бале, ты танцуешь перед государем императором…

— Никогда не стоит возвращаться туда, где ты уже был однажды счастлив. Ничего не повторяется дважды. Мы возвращаемся другими и видим все по-другому. И обыкновенно наступает разочарование, поверь. Неужели с тобой такого не бывало?

— Нет, — улыбнулась Марина и присела на диванчик рядом с матерью.

Мама прикоснулась к ее плечу:

— Ну вот, это еще раз подтверждает, какая ты у меня еще совсем маленькая, молоденькая… женщина.

— А я уже обо всем договорилась, распланировала чуть не по дням. Вначале мы бы полетели в Москву на открытие кинофестиваля. Обычно русские делают это чрезвычайно помпезно, с шиком и размахом… Потом бы поехали поездом в Петербург. Это всего-навсего одна ночь. Затем…

— А что там сегодня, в Смольном? В 17-м, насколько я помню, там располагался штаб Петроградского военно-революционного комитета.

— Ой, я точно не знаю… Что-то вроде мэрии, Городского совета, кажется. Нет, точно не скажу… Прости.

— А Адмиралтейскую иглу ты видела? По-прежнему сияет?

— Конечно.

— Ну хоть это хорошо. Ты же помнишь, что твой прадед был адмиралом, когда-то заседал в самом Адмиралтействе.

— Я помню, мамочка…

«Мой вишневый сад»

Маша. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные…

А. Чехов — «Три сестры»

— Помнишь, Катюш, — бабушка предпочитала называть Марину вторым, домашним, именем, — я тебе «Бородино» Лермонтова читала? Как там Михаил Юрьевич о полковнике писал? «…Слуга царю, отец солдатам». Помнишь?.. Ей-богу, это о твоем дедушке, мамином отце.

Энвальды — потомки древнего рода викингов — верно служили российскому престолу. Так повелось еще со времен Петра Великого. Празднуя победу под Полтавой, царь Петр устроил в своем полевом шатре пышный обед, куда пригласил даже пленных шведских офицеров. Знаешь, какой тост тогда провозгласил Петр? «Пью за здоровье моих учителей в военном искусстве!» И указал на шведов. А потом предложил им поступить на службу в Российскую армию. Желающих оказалось немало, тем более что их король Карл подло бросил свое разбитое войско на произвол судьбы, а сам сбежал…

Вот так, Катюша, дедовы предки навеки остались в России. За двести с лишним лет эти земли стали им родиной, а Энвальды, сохранив свою скандинавскую фамилию, — православными, исконно русскими людьми… Дедушка твой, Евгений Васильевич, был натуральным русаком. Блестящий офицер, красавец, романсы пел изумительно… Устоять перед ним было невозможно. Но, — бабушка даже приосанилась, — посватался он ко мне. Так мы, Верженские, и породнились с Энвальдами…

Нес службу Евгений Васильевич достойно. Перед войной с японцами он был уже полковником, командовал Воронежским полком. А жили мы тогда в Харькове…

— Почему?

— Что «почему»? Там был расквартирован полк.

— Но почему же тогда Воронежский, а не Харьковский? — не унималась дотошная девочка.

— Катюш, я знаю, что в географических науках ты разбираешься. Воронежский — это наименование полка. Вот ты —

Полякова-Байдарова, но живешь не в Польше и не в Крыму, у Байдарских ворот, а во Франции…

— Да, поняла я, поняла, прости, бабушка.

— Ладно, почемучка. Давай-ка попьем чайку.

— С безе?

— А как же мама?

— А мы ей не скажем…

(Всякие сладости и мучное для дочерей Поляковых-Байдаровых находились под строжайшим запретом. Мама готовила своих девочек к балетной сцене, надеясь, что их успехи превзойдут ее собственные. Нарушительниц табу ожидала суровая кара — несколько часов дополнительных занятий у станка в домашнем танцевальном классе. Коварная соседская девчонка Танюшка Фролова тайком таскала им конфеты и пирожные, а потом следила, как кое-кто из сестриц за обе щеки уплетал запрещенные сладости, только Маринка, вредина, стиснув зубы и чуть не плача, упрямо отказывалась от дармового угощения. «А однажды она даже назвала меня толстой булкой, — жаловалась искусительница, — и пригрозила, что расскажет все маме, если я буду и дальше носить им шоколад».)

— Ладно, с безе так с безе, — бабушка улыбнулась своей любимице. — Никому не расскажем… Кстати, эти пирожные я научилась печь еще в России. Все, кто бывал у нас в гостях, мои безе обожали, называя их «поцелуйчиками»… Евгений Васильевич опекал молодых офицеров, зачастую приглашал их к нам, а уж на Рождество и Пасху — обязательно. Свои именины офицеры-холостяки тоже, как правило, справляли в нашем доме, такую традицию твой дед завел в полку.

Существовали и другие правила, которые боже сохрани было нарушить. Скажем, к солдатам дети должны были обращаться только на «вы». Сам полковник, подобно своему кумиру Александру Васильевичу Суворову, кушал из одного котла с солдатами. Ровно в полдень командир появлялся в общем зале, читал молитву и усаживался за стол вместе с солдатами. И главное — никто не знал, за какой именно стол сядет полковник. Поэтому повара и интенданты старались, чтобы все столы накрывались одинаково хорошо. В еде Евгений Васильевич, кстати, не был привередой, но одного терпеть не мог — подгоревшую кашу. Поэтому на полковой кухне готовили только в особых медных котлах с двойным дном, с глицерином от пригара.

В офицерской среде существовал один закон: мы — одна семья. Хотя люди в полку служили самые разные — и по национальности, и по вероисповеданию. Большинство почему-то

— выходцы из польской шляхты, но и кавказцев тоже хватало — осетины, армяне, грузины…

Семейство наше считалось обеспеченным. Посуди сама, командиру полка полагалось жалованье около 500 рублей.

— Это много? — заинтересовалась Марина.

— Довольно прилично. Ну как бы тебе объяснить? Почтальон, к примеру, за труды получал около двадцати рублей в месяц. Но ты учти, Катюш, что на свои, а не на казенные деньги мы снимали дом, из своего жалованья Евгений Васильевич должен был содержать и денщиков, и повара, и кучера, и даже шофера. Кстати, у твоего дедушки было одно из первых авто в Харькове! Но ведь какие это было рубли — золотые! С золотым покрытием в 110 процентов, и без всякой нынешней инфляции, прости господи!

А летом все воинские части, которые стояли в городе (восемь полков, чуть ли не армия), выдвигались в лагеря в Чугуево. Целых три месяца там проводились учения, всякие военные игры. Все солдаты и офицеры жили в палатках. Только командиры полков — в отдельных домах вместе со своими родными. Семья наша была большая — шестеро дочерей и столько же сыновей. «Чертова дюжина», — говорила бабушка и невесело улыбалась.

* * *

Из педагогических соображений мудрая мама, рассказывая девочкам о своем папеньке, генерале Энвальде, предпочитала умалчивать о некоторых особо выдающихся особенностях натуры Евгения Васильевича. Хотя годы спустя эти живописные подробности ей самой стали казаться простым ребячеством, забавными и милыми шалостями, нежели дурными наклонностями, пусть даже не всегда невинными.

В юные годы, вопреки семейной традиции, молодой человек, оказывается, вовсе не собирался строить головокружительную военную карьеру. Его куда сильнее манила сцена, и он всерьез собирался в артисты. Евгений был большим весельчаком, неплохо пел, играл на гитаре, увлекался декламацией. Но пойти против воли родителя, даже при дворе почитаемого генерала, наследник все же не посмел. Служил успешно, военные науки постигал прилежно и уверенно продвигался по ступеням армейской лестницы.

Тем не менее несостоявшийся служитель Мельпомены судьбе все-таки противился и даже в летних военных лагерях умудрялся сооружать большущие амфитеатры с настоящей сценой, где по

выходным, чуть ли не еженедельно, ставились любительские спектакли, проводились концерты для солдат и господ офицеров. Милица, кстати, впервые появилась на сцене именно в таком амфитеатре и позже танцевала там не раз. Но вот выступать перед обывателями в городском театре считалось недостойным дочери офицера.

Она по-доброму вспоминала отца и, посмеиваясь, позже признала, что он был неисправимым гулякой и баловником. Папа имел обыкновение время от времени исчезать из дома на несколько дней вместе с друзьями, подружками и компанией цыган, после чего, снедаемый угрызениями совести, обиженный на весь белый свет, он непременно возвращался в семью, чаще — на руках извозчика. Кучер передавал подгулявшего господина Энвальда выездному лакею, тот чистил его скребницей для лошадей, отмывал, стриг-брил и переодевал во все чистое. Окончательно пришедший в себя Евгений Васильевич, подумав-подумав, посылал денщика с отдельным поручением к знакомому ювелиру — за дорогими украшениями. И только потом, пристыженный, являлся перед рассерженной женой, дарил драгоценности и горькие слезы искреннего раскаяния. Она, тая от нежных слов и подарков, а особенно — от безумной любви к своему шальному и неугомонному супругу, прощала ему все на свете…

Правда, однажды, узнав, где на сей раз гуляет муж, переоделась вакханкой и в сопровождении знакомых нагрянула в этот вертеп, где закатила такой бурлеск, что все завсегдатаи ахнули: кто такая?! Откуда взялась такая красавица?! К тому же, по всему видать, не из низшего сословия?!. Присмотрелся и Евгений Васильевич. Боже, узнал! Моментально протрезвевший, схватил жену в охапку и — домой! Так его кутежи и кончились.

— А что потом? — перебивали маму девочки.

— А потом началась война… Мы провожали отца с его полком на вокзале. Нам строго-настрого было запрещено плакать, мама все повторяла, что ни женам, ни дочерям русских офицеров-дворян не пристало лить слезы, провожая отцов, братьев и мужей на фронт. Если уж плакать, то только ночью, в подушку… Все мои четверо старших братьев тоже отправились на фронт в первый же день войны. В тылу остались лишь двое младших, которые еще учились в кадетских корпусах.

Воронежский полк воевал отважно. В конце 1914 года, в день святого Николая Угодника, то есть в День ангела государя императора, наши солдаты захватили в плен целую австрийскую дивизию. Отец потом с гордостью говорил, что это был их подарок царю. После этого Евгению Васильевичу приказали

принять командование дивизией и присвоили звание генерал-майора. А император наградил его Георгиевским крестом первой степени.

— Георгиевский крест… — вздыхала тогда бабушка. — Высшая воинская награда… А в феврале крест был поставлен уже на всей нашей судьбе…

Наступал 1917-й, год Великой Смуты.

Милица уже была выпускницей самого в ту пору престижного Смольного института благородных девиц. Она с гордостью перечисляла имена своих однокурсниц, которые носили звучные дворянские фамилии, были из генеральских семей, а если уж из штатских — то никак не ниже ранга действительного статского советника. Высокородных девиц готовили к придворной и светской жизни. Чему обучали? Предметов было немало — русская словесность и география, математика и история, иностранные языки, музыка, танцы, рисование. Обучали также хорошим манерам, этикету, а еще давали уроки домоводства. Поначалу девочки тут начинали учиться с шестилетнего возраста, а оканчивали курс уже 18-летними девицами. Позже срок обучения был несколько сокращен.

Именно в 1917-м Милице довелось танцевать в Смольном перед императорской семьей. Как она завидовала заветной шестерке лучших выпускниц, счастливым обладательницам «шифров» — золотых вензелей в виде инициалов императрицы Екатерины II, который положено было носить на белом банте с золотыми полосками… Кто мог подумать, что ее курс станет последним выпуском Смольного института?..

Вспоминая мамины новеллы, Марина позже скажет: «Расцвет ее юности пришелся на революцию… Она была среди тех, кто, воодушевившись новыми идеями, вывесил в день восстания красные лоскуты на окнах. Потом она видела, как грабили евреев-суконщиков, и на всю жизнь запомнила, как отливающие разными цветами огромные куски ткани валялись, размотавшись по всей улице. Потом убили ее любимую классную даму — и она, как и многие другие девушки, в страхе бежала за границу…»

Генерал Энвальд настороженно воспринял переворот, произошедший в феврале 1917 года. Впрочем, он по-прежнему оставался верен воинской присяге, которую некогда давал ныне разваливающейся Российской империи. Но вскоре у него произошел конфликт с военным министром, «временщиком» Александром Керенским. Дивизия Энвальда, перед отправкой на фронт выстроенная под ружье перед вокзалом, вынуждена была ждать нового «спасителя Отечества» с рассвета и до самого полудня. Когда Керенский все же соблаговолил прибыть на

станцию в царском вагоне, генерал вместо приветствия отчеканил: «Государь всегда прибывал вовремя, минута в минуту, а вы, Александр Федорович, заставляете солдат на морозе ждать вас столько часов. Я с любовью служил царю и Отечеству. Вам служить я не буду» — и подал в отставку.

Близким он говорил: «Несчастным быть — проще всего. Когда это у нас, в России, перевороты, революции делали честных людей счастливыми? Всегда на крутых поворотах в первачи выбиваются не самые лучшие, а самые пронырливые и расторопные — те, кто смог оттолкнуть бежавших по внутреннему кольцу…» К этому Евгений Васильевич придет несколько позже, а пока его, возвращавшегося с передовой, больше всего тревожила судьба родных, остававшихся в Питере. Он не знал, что тяжело заболевшую тифом Милицу и остальных детей жена везет ему навстречу. Она стремилась увезти семью как можно дальше из этой страны, от крови и революции. Провидение вмешалось. В дороге несчастные беженки совершенно случайно, на каком-то полустанке, встретили Евгения Васильевича. Генерал тут же забыл и о присяге, и о воинском долге, бросил все и занялся только спасением больной дочери и заботами обо всех остальных. Затем они изменили прежний западный маршрут, добрались до Новороссийского порта и последним английским кораблем ушли от российских берегов. Только через неделю «белогвардейский десант» высадился на живописном греческом острове Корфу, который аборигены называли Керкира. По преданиям, именно здесь, спасаясь от врагов и шторма, разыгравшегося в Ионическом море, нашли себе убежище Ясон и аргонавты…

# # #

Любовь Андреевна. Ведь я родилась здесь, здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом.

А. Чехов — «Вишневый сад»

Условия островной жизни для пришельцев, конечно, были не приведи господи. Какое там «золотое руно»? От хронического

голода, бесконечных болезней и непривычного климата семья Энвальдов в одночасье потеряла восьмерых детей. Милице удалось выжить, как она считала, только благодарю тому, что она «любила танцевать». Да-да, именно так — ее спасли танцы, хореографический талант. Поначалу Милица плясала перед местными жителями на площадях, и те вознаграждали способную девочку-подростка хлебом и плодами своих фруктовых садов. Потом, перебравшись на континент, Энвальды осели в Югославии, в городе Субботица, на границе с Венгрией. Глава семейства с немалыми трудностями устроился дворником при местной сербской церкви. Он подметал двор, улицу, а в положенные часы звонил на колокольне. Он не чурался никакого, даже дворницкого, труда. Куда больше удручало его вынужденное изгнание из России.

По вечерам, когда поредевшая семья собиралась вместе, они тихонько пели. Рассказывая об эмиграции, мама обычно вспоминала песню «Молитва офицера», которую любили петь уцелевшие беглые белогвардейцы:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.

Тогда мы оружье свое боевое,
Награды, что взяты в бою,
Глубоко зароем под хладной землею
И славу схороним свою…

В день святого Николая Угодника, 19 декабря 1925 года, через одиннадцать лет после того памятного сражения Воронежского полка с австрийцами, в Субботице разразился сильный снегопад.

— Прямо как у нас дома, в России! — радовались соседи.

А Евгению Васильевичу пришлось взяться за лопату и метлу. Покончив со снегом, он отправился на колокольню. Уже начиналась литургия, и вот-вот должен был раздаться звон колоколов. Но, добравшись до звонницы, отставной генерал только и успел, что в последний раз взглянуть на площадь, тяжко

вздохнуть и умереть. Паралич сердца.

Колокола потом звонили в его память. Евгения Васильевича Энвальда похоронили с воинскими почестями, принятыми в сербской армии, на православном кладбище в Субботице. Он завещал, чтобы его останки перевезли в Россию, но только «после окончательного падения коммунизма».

Повзрослев, Милица покинула ставшую чужой постылую Субботицу и перебралась в Белград, где устроилась выступать в ночных клубах. Тогда многие из сверстниц торопились перейти границу между юностью и взрослой жизнью. Жизнь требовала: неси, девица, свой крест. Крест, сработанный из свинца безнадежья и ржавчины разочарований. Жить и нести на себе этот крест? Жить и знать, что жизнь не удалась? Жить, обманывая себя тем, что живешь ради высоких целей? Зачем? Этот простой вопрос разбивал вдребезги все прежние помыслы о жертвенности и непременной женской мужественности.

И что теперь? Она уже выросла и осознает, что раньше или позже… нет, лучше не думать об этом. Сначала должен появиться он, самый сильный, самый красивый, самый-самый… И вот тогда она потеряет голову от любви…

Он пригласил ее на танец. Вел ее уверенно, ей приятно было ощущать на талии его крепкую руку. Молодой человек представился:

— Владимир Поляков.

Потом они сидели рядом за столиком и разговаривали. Она слушала его рассказы, напомнившие ей былины о похождениях Еруслана и Ивана-царевича.

Единственный наследник владельца знаменитых самарских самоварных заводов даже в мыслях не имел продолжать процветавшее дело отца. Для начала он окончил юридический факультет Московского университета и Московскую же консерваторию по классу вокала. Обладатель хорошего голоса, Владимир быстро стал солистом филармонии, но одновременно еще и танцевал в опере Зимина.

— Милица, вы мне можете не поверить, но, хотя и вокал, и балет я ужасно любил, однако футбол мне нравился еще больше, я даже выступал за сборную Москвы. Но вы еще не знаете главного: перед вами — чемпион по стипль-чезу!

— Это еще что такое?

— Ну как же! Steeple-chase — бег с препятствиями! Правда, на ипподроме такие дистанции тоже обычно практикуют, но на бегах я только делаю ставки. И нередко успешно.

— Не слишком ли много увлечений для одного человека? По-моему, вы чересчур разбрасываетесь, Владимир, и… любите

прихвастнуть…

— О чем вы говорите, милая Милица! Нет, конечно, нет! Но я вам хотел сказать: у вас очень интересное лицо… Я вас сейчас нарисую. Вы позволите?

В руке у него, как у фокусника из рукава, тут же возник карандаш. Он разгладил салфетку и несколькими уверенными штрихами быстро набросал изящный девичий профиль.

— Это я?

— Нет, вы — лучше! Я же только учусь.

— Вы еще и учитесь?

— Сейчас уже нет. Но прежде учился, и очень много. И в Императорском техническом институте, и в Военной школе аэронавтики. Ведь я один из первых российских дипломированных пилотов. Хотите, мы с вами пролетим как-нибудь над Парижем?

— Вы живете в Париже?

— Да, уже лет десять, еще с войны… Можно я вас поцелую?

— …

Славный город Белград. Поистине белый, светлый, теплый, праздничный, словно созданный для рождения романтических увлечений. Как замечательно, что он случайно оказался здесь, забрел в Панчево в этот пригородный кабачок, чтобы опрокинуть рюмку-другую вкусно пахнущей сливовицы… Но совершенно не случайно, что он встретил эту удивительную стройную девушку, которая так задорно отплясывала в самом центре зала, что самому захотелось закружиться с ней в танце.

Едва он пригласил ее, обнял за плечи и талию, сделал первый танцевальный шаг, едва затеял разговор за столиком, и сразу понял, что безоглядно влюбился в ту, которую родители назвали прекрасным старославянским именем Милица. Потом они долго гуляли по местным узким улочкам, болтали о пустяках и о главном, вспоминали о жизни в России и целовались на каждом шагу. Славный город Белград…

— Так, значит, ты еще с войны живешь в Париже?

Владимир засмеялся:

— Ну да! Вернее, и в Париже тоже. Когда началась мировая война, я сразу собрался на фронт. Думал, буду военным летчиком. Но, увы…

— Сказали, что не годен?

— Да нет, — Владимир даже обиделся. — Меня, как единственного сына вдовы (отец к тому времени уже умер), по закону …

— А, знаю, знаю, не имели права призывать, тем более в действующую армию.

— Откуда тебе это известно?

— Я как-никак все же дочь генерала, — напомнила Милица.

Но что для бравого авиаторы были эти законы? Конечно, молодой Поляков отыскал лазейку. В 1915 году он, с немалыми трудностями и приключениями добравшись до Парижа, стал волонтером французского военно-воздушного флота. Оставшиеся дома друзья называли Владимира неисправимым романтиком, кто-то — авантюристом, другие считали анархистом…

В одном из воздушных поединков с германским летчиком Poliakoff (теперь его фамилия уже писалась именно так) был тяжело ранен и сбит. Французское правительство наградила героя Военным крестом.

— …Потом в Сен-Рафаэле я окончил центральную авиационную школу, — продолжал он пересказывать Милице свою одиссею, — а когда меня демобилизовали, пошел работать на авиационный завод. Но это совсем неинтересно.

Тем более что именно тогда в ателье знаменитого мастера Антуана Бурделя Владимир уже всерьез занялся скульптурой, лепкой бюстов, увлекся рисунком, даже выставлялся в престижных салонах. Он водил знакомство со всеми видными художниками Монмартра, с которыми кутил в «Куполе». Гуляли, как правило, широко, безрассудно, но красиво. Поляков гордился своим дружеским прозвищем Владимир Щедрый.

Но сцена его по-прежнему манила. Поляков начинает с пения в ресторанах, принимает участие в вечерах и благотворительных концертах, которыми увлекались многочисленные русские эмигрантские организации — артистическое общество, союз студентов, офицеров и т. п. Он гастролирует, выступает в оперных театрах Парижа, Монте-Карло, Латинской Америки. Кроме оперных арий, в его репертуаре появились также русские и цыганские романсы. К моменту встречи с Милицей Владимир Васильевич уже был солистом театра «Русская опера» князя Церетели.

После венчания молодожены отправились в Париж. Милицу приняли в труппу прославленного театра «Гранд-Опера», а Поляков по-прежнему продолжал выступать на сцене и гастролировать с концертами. Однако разразившийся экономический кризис разрушил все их мечты и планы. Парижанам, лондонцам, жителям Монте-Карло, как и остальным европейцам, стало не до музыки и балетов.

Пришлось Владимиру Васильевичу вспомнить свои былые инженерные навыки, и он устроился работать на завод холодильных установок в парижском пригороде Клиши. Что такое Клиши? Clichy-la-Garenne — коммуна в департаменте О-де-Сен, в

верховьях Сены. Места весьма живописные и примечательные. Не зря же во времена Меровингов здесь располагалась резиденция короля Дагоберта, а позже — королевские охотничьи угодья. Чета Поляковых довольствовалась маленькой квартиркой в рабочем квартале Клиши.

* * *

Отцу очень хотелось сына. Но в счастливом браке у супругов Поляковых одна за другой рождались дочери, которых награждали русскими именами — Ольга, Татьяна, Елена. 10 мая 1938 года на белый свет появилась Марина. В ее метрику записали: «De Poliakoff-Baidaroff Marina Katrin».

(«Байдарова» Владимир Васильевич позаимствовал у своей бабушки-татарки, когда в Париже обнаружился еще один исполнитель цыганских романсов, его полный тезка Владимир Поляков.)

К рождению Марины отцу девичьего семейства было уже под пятьдесят, а маме — чуть-чуть за сорок. Родители уже окончательно покинули профессиональную сцену. Но не искусство. Владимир Васильевич активно занимался организацией званых вечеров, концертов, фольклорных песенных и танцевальных праздников для многочисленной русской колонии, выступал сам. Мама давала еще и частные уроки хореографии.

Благодаря бабушке, которая наконец-то перебралась в Париж, в доме общались исключительно на русском языке. До шести лет Марина вообще не знала ни слова по-французски. Бабушка много рассказывала внучкам о России, о себе, дальних и близких родственниках. Как вспоминает Влади, она «учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне навсегда окрепло…».

На семейном столе неизменно присутствовали традиционные российские блюда — борщ, лапша, котлеты с гречневой кашей, суп с куриными потрошками. По вечерам основательно, со смаком, чаевничали, обязательно с домашним вареньем и отливавшим янтарем медом. Но, конечно, пироги, блины и прочие вкусности для девочек оставались под строжайшим запретом. Не дай бог ослушаться — марш к станку!..

Семья у них, утверждала Марина, была замечательная, гостеприимная, радушная. Но, безусловно, богемная. В небольшой квартирке постоянно толклись самые разные люди.

Приходили-уходили, выпивали, закусывали, дамы кокетничали, обмахиваясь изящными китайскими веерами, мужчины галантно пыжились, топорщили усы и набивали свои курительные трубки душистым английским табаком. Загорался зеленый глаз радиоприемника, несравненный Морис Шевалье пел «Париж остается Парижем», художники хвастались своими картинами, кто-то читал стихи, другие в лицах показывали свежие театральные байки. Нешуточные страсти загорались по поводу последних политических событий. Наиболее беспечные заявляли, что в Польше немцы ведут обычную колониальную войну, которая Франции никак не может коснуться. Но тут же очевидцы рассказывали, что на Елисейских Полях доморощенные фашисты в кровь избивали продавцов левых газет, рабочих, требовавших создания Народного фронта, и евреев. Владимир Поляков авторитетно заявлял, что Гитлер ни за что не остановится и непременно будет мстить всей Европе за Версаль. Новая мировая война уже стояла на пороге и стучалась в двери кованым сапогом.

В июле 1940-го пал Париж, над Триумфальной аркой взвился флаг со свастикой, и миллионы французов, в том числе, конечно, и семья Поляковых-Байдаровых, оказались «под немцем».

«Я помню запах войны, — говорила Марина. — Для меня это запах немецких сапог… Прекрасно помню один день. Мне было всего четыре годика… Мы с мамой выходили из магазина, когда увидели в конце улицы немецкие танки, медленно въезжавшие в наш квартал на окраине Парижа. Я так испугалась, что вырвалась из рук матери и бросилась к стоящему на тротуаре военному. Крепко обхватив его за ногу, я прижалась щекой к его хромовому сапогу. Мне казалось, что этот сильный, красивый человек в военной форме должен защитить меня. Оторвав от танков свои полные слез и ужаса глаза, я подняла их вверх… и, о боже! Это был немецкий офицер, который быстро-быстро заговорил что-то непонятное на своем отрывистом, гортанном языке. Эти звуки до сих пор далеким эхом отдаются у меня в ушах. Я люблю немецкую культуру, оперу, музыку, но и сегодня я не могу равнодушно слушать немецкую речь…»

Для гитлеровцев, понимала девочка, мы были ничто, и только поэтому они на нас не обращали внимания. «Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время. И американцы потом бомбили… Голод… Моя мать похудела на 30 килограммов… Она ничего не ела, все отдавала детям… И были очень суровые зимы в то время. У нас не было отопления, спали одетыми, в пальто… У отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный, кто в семье ел мясо, потому что он трудился на

складе-холодильнике в Клиши и, кроме того, подрабатывал садовником. Он мне давал кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец не был коммунистом, он был анархистом. Но родители очень переживали за Россию…»

В годы войны германские оккупационные власти предложили инженеру Полякову работу, связанную с авиастроением. Видимо, о его изобретении закрылок для самолетов им стало что-то известно. Владимир Васильевич под надуманным предлогом отказался. Отец, говорила Марина, очень боялся, что немцы воспользуются его техническими разработками, и сжег все свои чертежи. Удивительно, но его не тронули.

«la Ragazza in Vetrina» — «Золушка в витрине»

«Ирина. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушает нас, как сорная трава… Текут у меня слезы. Это не нужно… Работать нужно, работать…»

А. Чехов — «Три сестры»

«Я не проснулась однажды утром с решением, что буду актрисой! — заверяла Марина. — Но и не избрала эту профессию случайно — меня к ней сознательно готовили. Конечно, мне повезло — я не провела годы простой статисткой. Благодаря моим родным еще ребенком работала на радио и в дубляже. Меня это очень развлекало, но я еще и гордилась тем, что зарабатывала деньги. Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы заниматься чем-то другим. Кроме того, это был способ избавиться от бедности…»

Впервые она вышла на сцену в два с половиной (!) года. Родители готовили представления сначала в православной церкви в Клиши, потом в русской консерватории в Париже, а накануне мама три дня кряду пекла пирожки для гостей. Маринка тянулась к угощению, танцевала и пела. «Что танцуешь, Катюня?» — «Польку-полечку, мамуня…» Мама позвала отца, и они с интересом стали наблюдать, как их кроха точь-в-точь повторяет все танцевальные па и помнит наизусть тексты песенок, с которыми перед публикой уже выступала восьмилетняя Елена.

«Ну как? — родители посмотрели друг на друга. — Дебют? Дебют!»

Чтобы танцующую Марину было лучше видно зрителям из задних рядов, ее ставили на стол. Девчушка пела и танцевала:

— Что танцуешь, Катенька?
— Польку, польку, маменька.
— Что за танец, доченька?
— Самый модный, маменька…

Потом русская община в Париже на Рождество устроила

домашний концерт. Семейство Поляковых-Байдаровых в полном составе блистало в одном из номеров. Марина в нарядном сарафане и ярком платочке изображала матрешку и звонко подпевала родителям и старшим сестрам, которые исполняли частушки. В качестве гонорара Марине досталась красивая кукла, с которой она потом долго-долго не могла расстаться.

С девяти лет Марина уже начинает пробовать свои силы на радио. В своей первой радиопьесе она играла вместе с самим Франсуа Перье, популярнейшим актером театра и кино. Когда в 1963 году они встретились на съемках фильма «Драже с перцем», то хохотали до слез, вспоминая Маринины мучения со всеслышащим микрофоном и то, как она вздрагивала, едва раздавалась грозная команда режиссера: «Тишина в студии!» Чуть позже начинающей актрисе уже доверили роль ведущей одной из детских передач. Потихоньку она начинает приобщаться и к кино — ей поручают дубляж иностранных фильмов…

Все та же зловредная соседка Поляковых, Танька Фролофф, завидовала нарядам Марины, в которых она выступала перед гостями: голубое платье с синим бантом на поясе, серебряные туфельки… Но танцевала эта красотка, по мнению соседки, непристойно: «Все время пыталась задрать юбку выше головы и постоянно подмигивала мужчинам. А взрослые хлопали и хвалили ее… Она всегда была очень раскованна. А мама ее все твердила, что ее дочь станет известной актрисой…»

Следом за старшими сестрами Марина поступила в хореографическое училище при театре «Grand Opera». Уже умудренные горьким опытом, они предупреждали ее: манеры у тамошних балеринок кошмарные, так что держи ухо востро. Действительно, очень скоро соученицы попытались верховодить и помыкать Мариной, называя ее не иначе, как «sale Russe» — «мерзкая русская». «Но ничего, я сильная, — успокаивала сестер Марина, — и их луплю». Недаром же папа, воспитывая ее как мальчишку, в свое время давал ей уроки бокса! Но, сознавая свое физическое превосходство, она все же старалась не перебарщивать и не применяла силу бездумно. Правда, сознавалась Марина, как-то чуть не задушила одну девчонку, которая посмела вновь обозвать ее «грязной русской». Я повалила ее на землю и могла бы убить, если бы не дворник…

Марина не отрицала, что росла гордой, самоуверенной и дерзкой, и для близких, наверное, была невыносима. Не всегда считалась с мнением матери, отца, была разбалована до такой степени, что когда ее просили вынести мусор, могла нахально ответить: «Нет!», глядя прямо в глаза. Но только один-единственный раз получила пощечину от мамы за очередной

отказ, и однажды отец наказал ее, когда она не хотела идти в школу.

Несмотря на природную пластику, гибкость и грацию, она прекрасно понимала, что второй Анной Павловой ей никогда не бывать. Для профессионального балета она, конечно, была слишком крупной девочкой.

Но, как часто бывает, палочкой-выручалочкой и стартом артистической карьеры стал случай…

У Жана Жере все было готово к началу съемок — от декораций до исполнительницы главной роли, и даже девушка с хлопушкой вызубрила свои слова и в любой момент была готова воскликнуть перед камерой: «Дубль номер один!» — но актриски на эпизодическую роль младшей сестры героини по-прежнему не было. Режиссер нервничал, весь график съемок летел к черту, продюсер недовольно фыркал чуть ли не в лицо. На правах первой актрисы Одиль Версуа решила рискнуть:

— Может быть, попробуете мою сестру?

Так состоялся дебют юной Марины на большом экране. «Сниматься в фильме в одиннадцать лет — это не совсем работа, — рассказывала счастливая девочка. — Мой первый фильм в Риме был для меня скорее приключением и чудесными каникулами, я успевала покататься на велосипеде и на роликах, а в перерывах объедалась цыплятами, пиццей, пирожными — всем, чем меня угощали. Киностудия „Чинечитта“ казалась мне парком развлечений».

Приглядывать за дочерью было поручено отцу. Но, завершив «дневную смену», Владимир Васильевич, дождавшись, когда Марина уснет, на цыпочках тихонько подходил к двери — и исчезал в казино, которое, как на грех, располагалось прямо под балконом снятой для Поляковых квартиры. Утром, когда он возвращался, похожий на нашкодившего ребенка, Марина уже собиралась на съемки. Им было достаточно обменяться взглядами. У нее уже тогда проявлялся мужской характер, и в свои юные годы она запросто отчитывала отца, не переставая при этом его обожать и боготворить.

Затем Марину пригласили на съемки в английскую картину «В жизни все устраивается». Название фильма оказалось пророческим. Она сама чувствует: да-да, в жизни мадемуазель де Полякофф действительно все устраивалось. «Меня отчислили из школы „Оперы“, — беспечно сообщала она подружкам. — На этом и закончилось мое образование».

Первый успех вдохновлял на новые победы, крепла вера в свой бесспорный талант и обязательный успех.

«Уважаемый господин! Узнала, что вы ищете для фильма

„Утро будет поздним“ девушку с бюстом, — храбро писала она известному режиссеру Леониду Могаю[1] в свои неполные 12 лет. — У меня его пока нет, но я сыграю хорошо. Если вы захотите, можно подложить что-нибудь — и вы не пожалеете!..»

Марина признавалась: «Что касается бюста… то он у меня появился. Из костлявой плоской соплячки я преобразилась во вполне зрелую, высокую, ростом в 175 сантиметров, женщину. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой…»

Она восхищалась собой? А как, представьте, восхищались ею!.. Сверстники хороводились вокруг, юноши постарше уже бросали опасные взгляды, похотливые любители «лолит» просто изнемогали от желания и не находили себе места.

…Ванная комната была выложена черным кафелем, блюдцевидная посудина цвета морской бирюзы была утоплена в пол, лежа прямо у ног. Зеркало — в полный рост. Вот ее отражение — юное лицо, крепкая грудь, точеные бедра, длинные ноги. Кто бы объяснил, почему этим телом бредят те, кто именует себя сильным полом? Да и как они могут так себя называть, если готовы рабски поклоняться ей… Иногда у нее создавалось ощущение, будто весь мир вращается вокруг нее. Вся жизнь, весь смысл, все войны, все победы и поражения — все из-за нее, колдовской затейницы.

Но она не позволяет никому ничего лишнего, запретного, она занята собой и воспринимает жадные взгляды постольку-поскольку. В отличие от кокетки Дениз, которая иногда секретничала с ней, рассказывая о своих похождениях с мальчиками. Ее рассказы воспринимались как небылицы. Марина уверена, что подружка больше врет, фантазирует, чем говорит правду, пытаясь таким глупым образом утвердиться, считая ее целомудренной задавакой и глупышкой.

В четырнадцать лет она заключает очень выгодный контракт с кинокомпанией «Чинечитта» и переезжает в Рим. В титрах итальянских картин актриса пока значилась просто как «Марина». Русская фамилия, да еще двойная, продюсерам казалась слишком длинной, с трудом воспринимаемой, а потому — незапоминающейся. Думай, девочка, думай!

Свои «римские каникулы» она воспринимала как сказочный сон: «Целыми днями я бродила улицами… босиком, с распущенными волосами, в брюках и расстегнутой блузке, без бюстгальтера. Чувствовала себя богиней, привлекающей всеобщее внимание…»

При этом она не боялась никого и ничего. «Физиологическая перемена совпала с переменой образа жизни, — говорила

Марина. — Я покинула семейное гнездо и бесстрашно ринулась навстречу новой жизни и карьере. Стала самостоятельной… Чувство свободы, обретенное мной, я понимала, прежде всего, как возможность „взрослой“ жизни».

…То утро началось необычно. Горничная сообщила, что синьор режиссер ждет ее на завтрак в ресторане. Что за причуды, гадала Марина, спускаясь по лестнице, прежде такого еще никогда не бывало. Завтрак с мэтром?

За столиком он сидел один. Когда Марина подошла, вместо приветствия режиссер молча протянул ей пачку сигарет: кури, не прячься. Она машинально взяла сигаретку, щелкнула зажигалкой.

— Твой отец умер.

«Когда теряешь отца в таком юном возрасте, земля буквально уходит из-под ног, — вспоминала Марина. — Я очень тяжело переживала его смерть. Сразу ощутила себя взрослой, из-за чего конфликт с мамой, для которой я оставалась все еще ребенком, стал неизбежен… Теряя в моих глаза авторитет, она ужесточила тиранию, превышавшую все пределы. Мне запрещалось пить, курить, есть. Могла только спать и учить роль. Мама была очень недовольна моими крупными плечами и старалась держать меня впроголодь. Когда я возвращалась домой после 16-часового рабочего дня, слишком усталая, чтобы идти в ресторан, мне всякий раз подавали два малюсеньких пирожка с творогом — деликатес! А я хотела жрать! Это была неутоленная страсть. Порой я затягивала мать в ресторан, где набивала живот спагетти… Обожала есть все подряд, до такой степени, что когда ощущала, что больше в себя уже не впихну, выбегала в туалет опорожнить желудок, чтобы потом все начать сначала!!!»

Мама, как строгий цербер, каждый день сопровождала дочь на студию, присутствовала на съемках от начала до конца, не оставляя ее без своего внимания ни на минуту. Однажды Марина не выдержала и вспылила:

— Мама, уйди! Разве ты не видишь, что мешаешь мне работать?! Я бы хотела работать без твоих замечаний.

Милица Евгеньевна, мгновение помедлив, поднялась и, не произнеся ни слова, покинула съемочную площадку. Ради того, чтобы утихомирить нервы, она проделала весь путь в 25 км от студии «Чинечитты» до центра Рима пешком. Больше на съемочной площадке она не появлялась. Марина после, конечно, корила себя: «Я тогда не понимала, что лишила ее величайшей радости — видеть меня за работой. Думаю, что мама, наблюдая за моей карьерой, как бы брала реванш за свою серую и скромную жизнь».

Владимира Полякова-Байдарова похоронили в офицерском

каре на русском православном кладбище Sainte-Genevieve-des-Bois. В память о нем Марина взяла себе творческий псевдоним — Влади, под которым ее и узнал весь киномир.

Конечно, Марина отдавала себе отчет, что все эти ее итальянские фильмы не являлись шедеврами кинематографа и были обречены на скорое забвение. Но вот ведь парадокс: сами картины стирались в памяти зрителей, но яркий образ их героини оставался. «Я играла главные роли, — без тени смущения говорила Марина, — меня узнавали на улицах, и я была этим очарована. Как-то меня пригласил на пробные съемки сам Орсон Уэллс, представляете? Он, правда, так и не снял тогда тот фильм, но между нами сразу возникли дружеские отношения».

В отличие от многих других актрис, юных дарований, кинозвездочек, Марина живо интересовалась работой настоящих мастеров кино. Узнав, что где-то рядом, в соседнем павильоне работает легендарный французский режиссер Жан Ренуар (он снимал тогда «Золотую карету» с Анной Маньяни в главной роли), она, ловя свободную минуту, стремглав мчалась туда: «Упрашивая машиниста, я пряталась за декорациями и смотрела, как Ренуар руководит съемкой. Это зрелище меня просто завораживало, благодаря ему я стала многое понимать в своей профессии».

«Jours D`Amour» — «Дни любви»

«Вечный город» дышит историей? Чувственный Рим дышит любовью!

Марина сидела в траттории и наблюдала за забавой, которую придумал хозяин заведения Марио в надежде завлечь как можно больше посетителей. В огромный, наверное, ведерный, тяжелый бокал с водой он опускал апельсин и предлагал всем желающим аккуратно положить на сверкающий оранжевый бок плода монетку. Удержится лира хоть пару секунд — получай бесплатную выпивку! Нет — монета соскользнет в воду и достанется хозяину. Желающих испытать судьбу было немало. Но монет на дне бокала гораздо больше.

«Вот так, наверное, и счастье — все время выскальзывает из рук, — думала девушка, милый грустный философ. — И вообще, существует оно? Если и существует, то не долее чем миг, поймать который трудно. Полного, бесконечного счастья, пожалуй, не существует. Счастье — это только мгновения жизни…»

Едва увидев Марину на пробах, жгучий красавец Марчелло Мастроянни[2] совершенно потерял голову Название их фильма «Дни любви» он воспринял буквально и, повторяя по-итальянски, как заклинание: «Giorni D'Amore! Giorni D'Amore!», следовал за своей очаровательной партнершей по пятам не только на съемочной площадке, но главным образом вне ее — в гостинице, в ресторане, в кафе, в лифте, да где угодно, лишь бы подальше от всевидящего ока кинокамеры, слепящих юпитеров, лишних соглядатаев и вечно насупленного синьора Джузеппе, постановщика картины.

— Как этот человек собирается снимать комедию? — возмущался Марчелло. — У него же нет чувства юмора! Кстати, сколько тебе лет, Марина? Всего пятнадцать? — Он тут же приходил в восторг. — Так это здорово! У нас завтра очень интересная сцена. Мой Паскуале должен поцеловать свою Анжелу. Ты умеешь целоваться?.. Да нет, это делается не так!.. Марина, пойми, мы всего лишь репетируем… Ты же хочешь стать настоящей актрисой? Вот и представь: старина де Сантис[3] командует: «Дубль номер три!» Нет, опять не так! Давай попробуем по-другому. Я уверен, у тебя получится…

«Марина не была красавицей. Но было в ней нечто такое, — вздыхал профессиональный киногерой-любовник, — что сражало любого мужчину с первого взгляда». Друзья Марчелло похохатывали: «Наш сердцеед, похоже, сошел с ума — он носит девчонку на руках!»

Неизвестно, вернее, известно, чем бы закончились уроки профессионального мастерства по классу «искусство флирта», но пыл Марчелло да и Марины тоже умело остужала бдительная старшая сестра Ольга, которая, по счастливому стечению обстоятельств, тоже принимала участие в «Днях любви».

Этот фильм был первой цветной европейской картиной. «Я понимала, какую ответственность возлагает на меня де Сантис, — признавалась Марина, — и это меня очень воодушевляло. Многие мне просто завидовали. То удовлетворение, которое я получила, было куда важнее популярности, узнавания на улицах… Благодаря „Дням любви“ я открыла для себя то кино, которое полюбила навсегда».

Несмотря на то что жанр своей картины де Сантис обозначал как комедию, его фильм, как и прочие, имел некий политический смысл. Во всяком случае, коллеги режиссера по компартии были уверены в том, что ему удалось без прикрас показать безрадостную жизнь тружеников-земледельцев юга Италии. Основную часть съемочной группы составляли, кстати сказать, коммунисты.

В то время политические воззрения Марины Влади были весьма расплывчаты, туманны, они были не радикальными, но с присутствием «детской болезни левизны». Словом, в голове был некоторый сумбур, как у отца. Тем не менее она с азартом участвовала в акциях протеста по «делу Розенбергов», казненных по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза, бегала на демонстрации, подписывала какие-то гневные петиции, разбрасывала листовки и даже дралась с полицией. Откровенно говоря, ей просто по душе были веселые и бесшабашные молодые итальянцы, именовавшие себя коммунистами, то, как здорово они пели и, не боясь ничего и никого, клеймили позором все, что им претило.

Что же касается Мастроянни, Марина не считала нужным скрывать: «Да, я нравилась Марчелло. Но позже мы стали как брат с сестрой».

Но очередное сердечное увлечение Марины стало серьезнее. Она не могла поверить своему счастью — «Я познакомилась с Марлоном Брандо![4] Я была не просто его фанаткой, два года я сходила от него с ума. По нескольку раз смотрела все его фильмы, которые показывали в Риме. По воскресеньям, в мой единственный свободный день, регулярно просматривала четыре-пять картин с Брандо, одно присутствие которого на экране ввергало меня в невыразимый экстаз».

Она давала волю своим эмоциям. Во время демонстрации фильма «Viva Zapata!», не контролируя себя, вцепилась в мамину

руку и так вертелась в кресле, что опрокинула целый зрительский ряд — человек 15 полетели на пол кувырком. Марина пыталась подражать его манерам, неспешной походке, имитировала «фирменные» позы Брандо, небрежно опираясь плечом о стену с кислой миной. А каждое утро перед выходом из дома страстно целовала огромный портрет Марлона, который украшал стену в ее комнате. Даже в совпадении начальных слогов его и ее имени девочка видела указующий перст судьбы.

«И вдруг… я встретила его на каком-то приеме в Риме, — рассказывала Марина. — Он приехал, одетый в черный плащ и широкополую шляпу, выглядел прямо по-королевски. Я застыла на месте, не смея поднять на него глаза. Но все-таки верила, что он меня заметит. Он поздоровался с несколькими знакомыми, пожал им руки и подошел… ко мне, чтобы пригласить на танец. Я чуть не умерла. Мы танцевали несколько минут молча, потом он сказал: „Тут можно скиснуть. Пойдем куда-нибудь!“ Я вышла за ним и только тогда обратила внимание, что выше его ростом. Но это не имело никакого значения. Мы гуляли, выпивали в маленьких кафе…»

— Ты мечтаешь продолжать сниматься в кино? — Он покачал головой и прикоснулся к ее щеке. — Я должен предупредить тебя, mon cher (я правильно говорю?)… Не мною сказано, что искусство требует жертв… — Он медленно, как бы лениво, заглянул ей в глаза и улыбнулся. — Ты понимаешь?

— Я догадываюсь, — чуть слышно пролепетала она; шампанское уже не казалось ей таким безумно вкусным, а партнер таким неотразимым.

— Конечно, ты же умница, я знаю. Увы, девочка моя, это правда жизни. Она мало кому нравится. Кино, как покрывало, скрывает низменные страсти. И если ты действительно хочешь достичь успеха… — он притянул ее поближе к себе, — я, по всей вероятности, смогу тебе помочь.

Потом они танцевали и обнимались прямо на улице до трех часов утра. Наконец Брандо проводил Марину к дому на Виа Маргутта, где она жила.

Она помнила каждую деталь их романтической прогулки: «Все соседские коты, которых я систематически подкармливала, наблюдали за нами с удивлением — ведь еще не подошло время их кормежки! Мы подошли к дверям, а они оказались заперты, и ключа у меня не было. Я позвала маму Окно отворилось, мама выглянула и бросила мне ключ.

— Мама, ты что, не видишь, с кем я?

Мама, хорошо зная предмет моего увлечения, только и сказала: „Но он такой маленький!“»

Следующим вечером они вновь встретились, долго бродили по Риму, потом еще раз и еще. Каждая прогулка казалась Марине фантастическим путешествием. Но внезапно Марлон пропал. Ей сказали: срочно уехал. Уехал? Куда? В Америку? В Англию? Зачем? На сколько? Можно ли ему позвонить?.. Она перестала есть и пить, похудела, осунулась. Ей даже хотелось умереть. В этот момент подоспело приглашение от Андре Кайатта сыграть главную роль в его фильме «Перед потопом», и Марина вернулась в Париж. Но чувствовала себя по-прежнему ужасно, закрывалась в своей комнате, плакала, била посуду. Однажды пришлось даже выламывать дверь. Позже врачи объяснили маме: у девочки сильный приступ депрессии, нужен покой и только положительные эмоции. Вы понимаете, мадам? Только положительные…

Неожиданно позвонил Он: «Приезжай. Я болен».

«Я сломя голову помчалась к нему, — позже каялась Марина. — Действительно, он лежал в постели и выглядел неважно. „Ты будешь меня лечить“, — заявил он. Было ясно, что вылечить его могла только женщина. Он притянул меня и обнял. Наконец-то! Я готова была отдаться ему тотчас же! Когда он уже расстегивал мне лифчик, зазвонил телефон. Какой-то приятель интересовался, чем он занят. Я услышала его ответ по-английски: „Как раз собираюсь лишить девственности одну соплячку“. В ту же секунду мое желание остыло. Я встала, надела блузку и вышла. Больше я никогда с ним не виделась. Он звонил мне много раз, но я холодно просила, чтобы он оставил меня в покое. Испытывала адские муки, но уступать не хотела. О компромиссе не могло быть и речи! Мужчины — негодяи, а их тон, манеры, выражения просто отвратительны!..»

(Позже, когда до Марины стали долетать слухи о бисексуальности Брандо, они вызвали у нее легкое чувство злорадства. Впрочем, к сексуальным отклонениям Влади относилась спокойно. Во время съемок «Принцессы Клевской» она утешала рыдающего Жана Марэ, которого бросил друг, и была тронута его горем: «Я тогда осознала, что мужская пара столь же мучительно переживает разрыв, как и любая другая».)

Уроки Брандо в будущем ей пригодились: «Я не позволяла никому себя оскорблять, никогда. У меня нет какого-то своего метода. Просто когда человек начинает трудиться, делать карьеру, как я, в тринадцать лет, приходится надеяться только на себя… Я была такой твердый орешек, как меня называл один приятель. Мама, конечно, была рядом со мной, но ведь не всегда. Чаще я была предоставлена самой себе. Так очень быстро начинаешь понимать, как надо вести себя, чтобы люди тебя не

задевали. Я с легкостью научилась отделываться от тех, кто мне не нравился, от тех, кто просто надоедал мне…»

«Соплячка» в свои пятнадцать уже могла себе позволить приобрести роскошный особняк с усадьбой в парижском пригороде. Maisons-Laffitte, всего в получасе езды от центра французской столицы. 15-комнатый дом, окруженный лужайками, березками, зарослями жимолости и огромными старыми липами…

С малых лет она тяготилась унизительной нищетой, стыдилась условий, в которых жила семья: «Для меня самым главным было одно — выбраться из этой убогой квартирки, в которой мы ютились всемером, без ванной…» На осуществление своей мечты она израсходовала весь гонорар, полученный за 12 картин в Италии, в которых она снималась, снималась, снималась без конца и отдыха, по пятнадцать часов в день. Магазины с модной одеждой и обувью она обходила стороной, спагетти предпочитала всем остальным блюдам. На счету была каждая лира. Опытные юристы, слава богу, подсказали верный ход: при покупке дом был оформлен сразу на всю семью — мать и сестер, что помогло избежать чрезмерных налогов.

Милица Евгеньевна была счастлива: карьера Марины складывалась самым удачным образом, остальные дочери за ней тянулись, а дом… Дом для нее служил символом благополучия, успеха и был надежной гарантией безбедного будущего. Марина замечала: «Мама просто помолодела, повеселела и стала душой семьи и усадьбы, куда все мы возвращались, поверяя ей все свои радости и печали. Она понимала нас лучше всех, и такое счастливое взаимопонимание длилось целых 19 лет, до самой ее смерти». Ощущая себя старосветской помещицей, она с любовью обустраивала имение, обихаживая «вишневый сад» Поляковых на свой лад, как некогда в бабушкиной усадьбе под Курском: щедрый травяной покров, над головами порхают щебечущие птицы, для которых соорудили удобные кормушки, по подворью вольготно разгуливают куры и многочисленные собаки.

На центральной аллее парка сохранили скульптуру красавца-коня, оставшуюся от прежних хозяев — ранее в Мэзон-Лаффит обретались профессиональные тренеры скаковых лошадей, наездники и жокеи. Старые конюшни тоже пригодились под хозяйственные нужды.

Безусловно, Марина еще не знала, не могла да и, откровенно говоря, не хотела знать всей изнанки этого мира, где за золоченой мишурой праздника скрываются зависть, тщеславие, страх, блудливая похоть. Но догадывалась, что на планете «Кино» выживает лишь сильнейший. Видела, что нередко успеха

добиваются, торгуя оптом и в розницу телом и душой. И в то же время чувствовала, что стоит проявить слабость — и ты тут же превратишься в вещь, бессловесную, безропотную, покорную тварь. Наивный ангел уже выпорхнул из ее души, как бабочка из сачка энтомолога, алчного любителя гербариев.

Роль Лилианы Нобле в фильме «Перед потопом» стала крупным профессиональным успехом Марины Влади. Prix Suzanne Bianchetti, приз великой Сюзанны, который во Франции присуждают самой яркой и многобещающей актрисе года, ей вручала сама Симона Синьоре.

«Слава кружила мне голову, — вспоминала Марина. — Тогда мне казалось все возможным. Но все же в то время у меня хватило здравого смысла, чтобы понять: в нашей профессии каждый день все начинается заново».

Non stop! «Иногда месяцами я работаю по пятнадцать-двадцать часов в сутки… В четыре утра, на рассвете я заканчиваю в Амстердаме ночную съемку в картине „Золушка в витрине“, а в одиннадцать — уже во Франции, в Шамборском замке, где переодеваюсь в пышное парадное платье принцессы… И это правило, а не исключительный случай. Если учесть, что я очень люблю работать и работаю с полной отдачей, нетрудно понять, какое место в моей жизни занимают премьеры, фестивали, а какое — повседневный, напряженный труд… На всех итальянских студиях нас, актеров, эксплуатировали нещадно…»

Конечно, ей нужна была надежная опора со стороны тех, кто — Марина иногда хихикала — все еще мнит себя сильным полом. Но почему же женщины добровольно соглашаются на вторые роли в жизни? Ведь мужчины — это большие дети. Так говорит мама, а еще раньше утверждала бабушка. Большие дети, для которых женщины есть лишь игрушки?.. Я — игрушка? Какая чушь…

Незаметно для себя она уснула, и сон без сновидений смыл с души горечь обид, и наступившее утро вернуло все на свои места: солнце, море, весну, маму, воспоминания об отце, как обычно, улыбающемся, готовом к любым испытаниям судьбы.

# # #

Вы очень хорошо знаете также, что я Вас люблю гораздо больше, чем Вы того стоите, и отношусь к Вам лучше, чем Вы ко мне!.. Зачем же всю жизнь все сваливать на меня… Если

Вы так слепы и не умеете разобрать хороших отношений, то не мне Вас от этой слепоты лечить. Иногда люди слепы, потому что это для них удобнее!

Л. Мизинова — А. Чехову

Париж:, 14 января 1899 года

— А знаешь, моя мама тоже когда-то училась в Санкт-Петербурге, в Смольном институте.

Марина недоверчиво посмотрела на Робера: «Ты шутишь?»

— Да нет же, клянусь, это — чистая правда. — Оссейн даже перекрестился. — Она родилась в Киеве, а потом ее родители перебрались в Петербург. Мамин дедушка был состоятельным, богатым человеком, банкиром. А в Питере он прикупил еще и доходные дома. В общем, жили Миневские до революции весьма неплохо. Деду, конечно, было все равно, кто у него квартировал, но для студентов-вольнодумцев всегда делал скидки. Он к ним как-то благоволил, заходил запросто, чаевничал, винцом угощал обязательно, вел всякие политические разговоры. Может, был человеком широких взглядов, таким либералом, а может, чуял, к чему все тогда в России катилось. А перед Первой мировой, мама рассказывала, все дедовы квартиранты куда-то исчезли. Поговаривали, что они вслед за своим Лениным отправились в Швейцарию.

— А дальше? — спросила Марина.

— Что «дальше»? Революция. Деда, естественно, арестовали. Но вот тут началось самое интересное. — Робер по привычке сделал многозначительную театральную паузу. — Комиссар, который вызвал его на допрос, оказался одним из тех его студентов-квартирантов. Благодарным человеком оказался. Узнал деда, помог ему выправить документы и вместе с семьей отправиться из России в Румынию. Вот так мамина семья оказалась в Европе…

В этот момент дверь в комнату внезапно распахнулась и заглянула сестра.

— О, а наши голубки, оказывается, здесь уединились и воркуют себе…

Марина обернулась к сестре и досадливо махнула рукой: «Элен!» А Робер покраснел.

Позже он вспоминал: «Когда я впервые увидел Марину, она была совсем ребенком… Я хорошо знал ее старших сестер: уважал ум и такт Ольги… дружил с Элен Валье, играл в театре „Старая

голубятня“ вместе с Одиль Версуа… Одиль как-то пригласила меня в гости. Едва переступил порог, сразу обратил внимание на Марину, которой в ту пору было всего 11 лет. Но при этом талантливая девочка уже успела дебютировать в кино… Она была похожа на ангела! Золотые локоны, лучистые глаза, белоснежная кожа! Такая хрупкая, эмоциональная, нежная! Но какие могут быть взаимоотношения между взрослым мужчиной и ребенком?..»

Какое-то время они не виделись, пока Оссейн не зазвал Одиль вместе с сестрами в свой театр «Ренессанс» на спектакль «Веревка», в котором он был занят в главной роли. После представления девушки шумной стайкой впорхнули к нему в гримерку и засыпали комплиментами. Оссейн не отводил глаз от Марины — из «маленькой мышки» балеринки она уже превратилась в настоящую красавицу. «Я был на десять лет старше, но при ней робел и краснел, словно мальчишка», — сознавался Робер.

Когда сестры Поляковы удалились, актриса, работавшая с Оссейном в театре, внимательно посмотрела на него и напророчила: «А ты ведь, пожалуй, женишься на Марине». — «Да ты что, ей всего шестнадцать!» — «А вот увидишь», — усмехнулась проницательная вещунья.

— …и в Париже твоя матушка встретила твоего будущего папу, — прервала затянувшуюся паузу Марина.

— Ах да, — кивнул Робер, — только не в Париже, а в Германии. Перед войной отца, как успешного студента Московской консерватории, направили на стажировку в Штутгарт и Берлин. Вот там-то он и познакомился с Анной Миневской. А счастливым результатом этой встречи стал я. Представляешь, какой коктейль во мне намешан? Папа — иранец (ну, перс, как раньше принято было говорить), мама — еврейка…

— То-то я смотрю, у нас много общего, — хитро прищурилась Марина. — Моя мама — русская дворянка со шведскими корнями, папа — из украинских цыган. Кроме того, в нашем роду были еще и татары.

— Не сочиняй, обманщица! — погрозил ей пальцем Робер.

— А вот и нет, — кокетливо нахмурилась Марина. — Прабабушка моя, удивительной, рассказывали, красоты девушка, была дочерью влиятельного муллы.

— И теперь мы оба — французы, — заключил Робер, поднес к губам Маринину руку и нежно поцеловал.

— Я — русская…

— Папа был очень талантливым скрипачом и композитором, — с гордостью рассказывал Робер. — Когда он, Аминулла Гуссейнов, сын богатого торговца из Самарканда,

приехал в Москву поступать в консерваторию, то принял православие и имя Андрей. Сочинял симфонии, балеты, писал музыку по сюжетам известных литературных произведений. Те же пушкинские «Цыгане», может, слышала? Там его музыка… Через несколько месяцев после знакомства родители отправились во Францию… Жили трудно…

— Судьба всех эмигрантов, — совсем по-взрослому вздохнула Марина.

— Ну да, — согласно кивнул Робер. — Папа зарабатывал совсем немного, все время сочинял музыку, предлагал театрам, но там постоянно отказывали. Одно время ему пришлось быть тапером в кабаках. Помню, он как-то рассказывал мне о своем первом гонораре: кто-то из клиентов заведения подарил ему шоколадную скрипку. Папа пришел домой и грустно сказал: «Вот, Аня, впервые моя музыка кормит своего создателя…» Но мама все равно верила, что он гениальный музыкант… Ей тоже приходилось много работать. Играла в эмигрантских театрах, музицировала. Правда, больших успехов не достигла и поступила в модистки шляпного ателье.

А родился я… в гостинице. Да-да, в самом обыкновенном, захудалом парижском отеле. До сих пор помню его название «Отель-де-Нарм». Из-за постоянного безденежья родители сдавали меня в пансионы, которые тогда в пригороде держали семьи русских офицеров. Я этих пансионов сменил, наверное, штук десять: Версаль, Шату, Кламар, Медон…

— О, я помню, — перебила Марина, — в Медоне была детская русская школа отцов иезуитов Святого Георгия. В свое время мама там подрабатывала преподаванием танцев. И я там тоже танцевала…

— Я, к сожалению, не видел. Наверное, меня уже там не было.

— Ну, конечно! Это ведь было уже после войны…

В этот момент в дверь кто-то тихонько постучал. Марина громко сказала: «Да!», и в комнате появилась Татьяна с подносом, на котором красовался чайник и изящные фарфоровые чашечки, которыми Милица Евгеньевна разрешала пользоваться только по большим праздникам. И — о, боже! — даже блюдечки с вишневым вареньем.

— Угощайтесь, — предложила Таня. — А то вы так увлеклись своими разговорами, обо всех забыли. Мы там играем. Шарль пришел, будет петь…

— Спасибо, Одиль, — Робер встал и принял из ее рук поднос. — Так, знаешь, вспоминаем детские годы.

Татьяна покосилась на сестру: «Все в порядке?» — и, увидев

забавную гримаску Марины, тактично удалилась.

— А знаешь, почему я кочевал из одного пансиона в другой? — улыбнулся Оссейн. — Это гениальное изобретение отца. Всякий раз, когда родителям нужно было вносить плату за мое обучение, они меня тут же переводили в другое заведение, объясняя это семейными обстоятельствами, переездом и так далее. Они же всегда копейки считали. Отец даже по улицам ходил зигзагами, то и дело меняя тротуары, как шахматный слон. Потому что деньги был должен всем: и булочнику, и мяснику, и зеленщику, и аптекарю, вот и шарахался от них… Но я, поверь, никогда не чувствовал себя в чем-то обделенным, ущербным. Даже когда было совсем худо…

— Я тоже, — негромко сказала Марина, и Роберу даже показалось, что она шмыгнула носом, но тут же неожиданно повеселела: — Нас всех Ольга вразумила, открыла глаза на то, как мы живем. Старшая сестра все-таки. Она как-то вернулась из мясной лавки, где обычно покупала фарш, завела всех нас в комнату, закрыла дверь и, вся в слезах, трагическим шепотом объявила: «Девочки, а мы — бедные!» И мы, как по команде, принялись реветь в три ручья. Конечно, мы догадывались, что не наследницы Ротшильда, раз носим платьица, перешитые из бабушкиных, и кушаем в основном котлеты с кашей, но чтобы так сразу признать себя бедными?!. Это было невыносимо!

Робер протянул руку и осторожно погладил ее по голове, потом по плечу. И, забыв убрать ладонь, вновь заговорил. Ведь Марина, Мариночка — родная душа, ей с легким сердцем можно было доверить все:

— Знаешь, у Рене Шара, одного из моих самых любимых поэтов, есть такая строка: «Долго плакать одному — не пройдет бесследно…» Я с детства был очень одинок, рос нелюдимым, друзей не было совсем… Не знал, что такое подарки и игрушки к празднику. Когда в пансион другим ребятам родители приносили разные вкусности, мне казалось, это они делают потому, что их дети больны, вот их и подкармливают. А я — здоровый, крепкий, и, стало быть, мне ничего не нужно. Так что никакой зависти или огорчений не возникало… А как я любил прогуливать занятия!

— Я тоже, — шепнула Марина.

— Забирался на самое высокое дерево и оттуда глазел на улицу: люди — как марионетки, какие-то странные звуки, неясный шум, запахи, доносящиеся из соседних дворов… Я фантазировал, мечтал, что-то придумывал. Причем только на русском языке. Первые годы я ни слова не знал по-французски.

— Я тоже, — опять чуть слышно проговорила она. Но ей хотелось, чтобы он ее услышал.

— А отец язык так толком и не выучил, — Робер, увлекшись, продолжал о своем. — Он до конца дней говорил с чудовищным акцентом. Маме очень хотелось, чтобы я знал русский в совершенстве. До сих пор помню молитву, которую она учила меня шептать на ночь. Я опускался на колени и говорил: «Отче наш…» Господи, я не забуду этого никогда. А позже мама стала обучать меня стихам. Я знал Пушкина: «Как скучно, скверно жить на этом свете, господа…» Мне кажется: лиши меня детства, я перестану существовать…

— А где вы тогда жили?

— На левом берегу Сены, на улице Vaugirard, знаешь такую? Самая длинная улица Парижа… Там у нас, на чердаке четырехэтажного дома, была малюсенькая, почти игрушечная, квартирка из двух комнат. Но, представь, даже в таких условиях маме удавалось создавать уют и иллюзию комфорта. Никаких, конечно, удобств, из обстановки — две кровати, шкаф, складной стол и… пианино. Туалет — на втором этаже. Там же была душевая. На кухне мама готовила на печке, которую топили углем. Она была замечательная кулинарка! Я и сейчас помню удивительный запах ее пожарских котлет и борща. Кстати, борщ я у нее и научился готовить. До сих пор я только сам хожу на рынок, выбираю свежие овощи. Никому не могу доверить этот важный процесс.

Марина засмеялась: «Завидую твоей жене!» — «Я не женат». — «Ну, будущей жене», — она улыбнулась. Мальчик, про себя решила Марина, робкий и неуклюжий взрослый мальчик. Не пропуская ни одной рецензии театральных и кинокритиков, она уже нахваталась специфической лексики. Оссейн, по их мнению, был «актером с отрицательным обаянием»: плечистый верзила с крупными чертами лица и тяжелым взглядом глубоко посаженных глаз. Но видели бы эти критики, *как* он сейчас смотрел на нее…

— Когда я сказал родителям, что собираюсь стать актером, они были счастливы — в доме еще кто-то станет зарабатывать… А на сцену меня всегда тянуло. В пятнадцать лет я посещал студию при театре «Старая голубятня». Потом наш педагог Таня Балашова рекомендовала меня на театральные курсы Рене Симона, куда таких, как я, голодранцев, принимали бесплатно. Моим первым театром стал «Гран Гиньоль». Но вот с кино у меня долго не получалось. Правда, недавно Роже Вадим[5] предложил мне роль в своем новом фильме… Ты, должно быть, его знаешь, он же из нашей русской колонии…

— Конечно, знаю. Он частенько бывает у нас дома, мы все с ним дружим. А что, Роже по-прежнему все еще со своей Брижит?

— Да. Они, по-моему, неразлучны. Кстати, ты на нее очень похожа…

Марина фыркнула: «Скорее она на меня!» И, покачав головой, добавила: «Кривляка…» Еще немного помолчала, а потом укоризненно сказала: «Робер, никогда не говори женщине, что она на кого-то похожа. Это мой тебе добрый совет». Он вновь — в который уже раз по счету за сегодняшний вечер? — смутился.

«Роже Вадим прославился тем, что всех своих жен делал звездами кино, — скажет Марина Влади много позже. — Да он и не скрывал никогда, что создавал Бардо по моему образцу, и она сама потом писала, что влюблена в меня и старалась во всем подражать. Ведь я же начала сниматься намного раньше ее. Можно сказать, что я открыла новую эстетику. Я не гримировалась, была естественна и безыскусна. Ни одна из актрис в те годы не появлялась в кадре без бюстгальтера под платьем, с распущенными волосами или обнаженная. Это был новый стиль. А Брижит с Роже Вадимом уже пошли по моим стопам…»

* * *

После той встречи с Мариной после спектакля впечатлительный Робер почувствовал, что эта самая «Веревка» свилась уже в петлю. Его действительно, как на аркане, тянуло к Марине. Всеми правдами и неправдами он набивался в гости к Поляковым, искал любой повод, чтобы пригласить белокурую красавицу на прогулку по парижским улицам, скупал журналы со снимками юной актрисы. «Моя гримуборная в театре пестрит ее фотографиями, — делился он своими терзаниями с друзьями. — Я готов на что угодно, лишь бы обратить на себя ее внимание».

В конце концов понял: единственный и самый верный способ — пригласить Марину на роль в кино. Приступив к экранизации пьесы своего друга, Фредерика Дара, «Негодяи отправляются в ад», Оссейн, естественно, главную роль отдал Марине.

«Он пришел к нам домой, чтобы предложить роль в фильме, своем режиссерском дебюте, — вспоминала она. — Я ничего не поняла из его рассказа, но, судя по названию, фильм должен был стать кассовым». Она не ошиблась. Начинающий режиссер тоже. И его любовная уловка оказалась удачной, и успех на долю картины выпал немалый. О дерзко красивой героине, которая лихо мчалась на коне по долинам Прованса, пресса уже стала писать как о «мадонне барокко послевоенной мелодрамы, символе рефлекторной женственности».

Съемки «Негодяев» проходили летом в курортном местечке, и в свободное время режиссер с актрисой босиком гуляли по пляжу Эспигетт. «Я был совершенно очарован, околдован, одурманен ею, — говорил Оссейн. — А она вела себя сдержанно».

Более того, однажды она заявила:

— Перестань стараться понравиться мне, Робер! Ты совсем не в моем вкусе… Впрочем, у меня есть к тебе предложение. Чтобы заполучить меня в жены, тебе надо будет чайной ложечкой вычерпать океан. Вот тогда я скажу тебе «да».

— Потребуется очень много времени, но я это сделаю, — не раздумывая, согласился Робер. Все-таки он тоже был актером.

Однако времени ему потребовалось не так уж много. Оссейн по-прежнему дневал и ночевал в доме Поляковых: «Все там дышало любовью, вкусом, утонченностью. На меня это действовало просто завораживающе. Я как будто попадал в какую-то русскую сказку: везде слышалась русская речь, музыка, песни. Мы играли в прятки, бегая наперегонки по заросшему парку… В доме всегда было полно гостей, устраивались шумные вечера с долгими застольями. Марина на них блистала… Казалось, в этом теплом оазисе я вдруг неожиданно обрел новую семью».

Вскоре режиссеру Жоржу Лампену пришла в голову светлая идея — пригласить Влади и Оссейна на съемки фильма по роману Федора Достоевского «Преступление и наказание». Марине предназначалась роль бедняжки Сонечки Мармеладовой (во французской интерпретации — Лили Марселен), а Роберу — главного злодея Родиона Раскольникова (по версии Лампена, Рене Брюнеля). Роль следователя Порфирия Петровича должен был играть беспроигрышный Жан Габен.

Вот так все и случилось: молодые люди, не откладывая, решили пожениться. Милица Евгеньевна рвала на себе волосы, умоляя дочь не совершать опрометчивого поступка: «Муж, дети, это — конец карьеры! Живи с ним, раз уж так получилось, но не посвящай ему всю себя!» Но Марина стояла на своем, ее выбор был идеален: «Творец, режиссер, актер. И так красив!.. Робер был первым мужчиной, с которым мне хотелось бы разделить жизнь… Я не могла себе представить иной жизни, как вместе с мужем и детьми. Я любила флирт и приключения, но все имело свои границы!..»

«В день свадьбы мы не снимались, — рассказывал жених, — но пришли с утра на съемочную площадку сообщить Габену радостную новость. Потом взялись за руки и побежали, смеясь, через весь Булонский лес — расписываться…»

Счастливая Марина парила в поднебесье: «Мы жили и

работали вместе. Это был чудесный диалог, совершенное слияние. Я была убеждена, что всю жизнь мы и дальше проведем вместе… Прекрасные мечты! Мне было всего семнадцать лет…»

Еще в юности Робер Оссейн поверил, что обладает чудодейственным даром царя Мидаса: все, к чему он ни прикасался, должно превращаться в золото и драгоценности. Наивный человек…

Тем не менее именно Роберу Марина была благодарна за первый опыт работы на сцене. Правда, «на первом спектакле у меня так дрожали колени и я так волновалась, что театр обернулся для меня довольно неприятным переживанием, — вспоминала она. — Каждый вечер просто умирала от страха. Во второй пьесе „Юпитер“, премьера которой состоялась в Брюсселе, добилась неожиданного комического эффекта. Мало того, что в первом акте перед моим появлением на сцену упали декорации, что меня страшно напугало и я не могла вымолвить ни слова, так во втором я, вся в огромном кружевном кринолине, опустилась в кресло — и оно разлетелось под моей тяжестью… На маленькие кусочки! Клоунское кресло! Публика лопалась от смеха. Наконец в последней сцене машинист раньше времени опустил занавес, который сбил меня с ног, и я, все в том же злосчастном платье, на коленях вынуждена была уползти назад. Публика уже просто выла от восторга!..»

Зато в кино Марина чувствовала себя более чем уверенно. Она уже завоевала себе право выбирать. Предложение кинорежиссера Андре Мишеля[6] поработать вместе на съемках фильма «La Sorcière» («Колдунья») поначалу она восприняла без особого энтузиазма.

Некий французский инженер Лоран Брюлар приезжает на север Скандинавии, в самый глухой уголок Швеции, чтобы руководить строительством дороги. Северная глубинка, лишенная благ цивилизации, околдовывает молодого искателя приключений своей патриархальностью, близостью к дикой природе, мистической верой местных жителей в могущество лесных духов — троллей. В лесных чащах Лоран встречает прелестную Ингу, внучку старой колдуньи Майлы. Когда между инженером и Ингой вспыхивает любовь, все — даже тролли — ополчились против счастья молодых людей. Словом, извечная борьба добра и зла, света и тьмы…

Имя режиссера Марине тоже ни о чем не говорило. Но Мишель оказался настойчив:

— Я совершенно уверен, что эта роль только ваша, Марина. Тем более что сюжет позаимствован у русского писателя Александра Куприна.

Вот как? Она отложила в сторону все дела и, порывшись в домашней библиотеке, отыскала старый сборник купринской прозы. Буквально за час Марина проглотила «Олесю». Затем взяла сценарий «Колдуньи», еще раз перелистала, сравнила, похихикала над несуразностями и тут же поняла, что все поправимо, но на съемочной площадке. Повесть сама по себе была кинематографична, отдельные фрагменты так и просились на экран, очень яркими были портретные описания героев, особенно ее Олеси. В какой-то момент Марина даже решила, что Куприн видел перед глазами именно ее лицо, фигуру, понимал ее нрав и характер:

«…Я невольно залюбовался ею. В ней не было ничего похожего на местных „дивчат“, лица которых под уродливыми повязками, прикрывающими сверху лоб, а снизу рот и подбородок, носят такое однообразное, испуганное выражение. Моя незнакомка, высокая брюнетка, лет около двадцати — двадцати пяти, держалась легко и стройно. Просторная белая рубаха свободно и красиво обвивала ее молодую здоровую грудь. Оригинальную красоту ее лица, раз его увидев, нельзя было позабыть, но трудно было, даже привыкнув к нему, его описать. Прелесть его заключалась в этих больших, блестящих, темных глазах, которым тонкие, надломленные посредине брови придавали неуловимый оттенок лукавства, властности и наивности; в смугло-розовом тоне кожи, в своевольном изгибе губ, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась вперед с решительным и капризным видом…»

Что касается цвета волос купринской Олеси, то… Марина, улыбнувшись, встряхнула своей золотой гривой: посмотрим… Ну и пусть ее Олеся в фильме будет Ингой, а Иван Тимофеевич, рассказывающий историю Колдуньи, станет парижским инженером. Но Марина постарается остаться именно купринской девушкой, дикаркой с целомудренной душой.

Утром следующего дня она позвонила мсье Мишелю, сказала: «Да» и вскоре с легким сердцем впервые надолго уехала от мужа на съемки в далекую Швецию. Правда, в сопровождении старшей сестры Ольги, которую Мишель пригласил быть своим ассистентом.

Марину вовсе не смутило неожиданное требование режиссера постоянно находиться в кадре в платье на голом теле. Все верно, лесная колдунья и не должна иметь нижнего белья, стесняющего движений. Хотя в фильме не было ни одной эротической сцены, тем не менее Инга Влади даже участников съемок сводила с ума. А как потом рыдали зрительницы, видя, как жестокие крестьяне забивали белокурую красавицу камнями, а мужчины влюблялись

в несравненную «колдунью» и выбирали для своих новорожденных дочерей загадочное имя Инга!

Пока Марина пропадала в своей дурацкой Лапландии, Робер места себе не находил. Но, решив проявить характер, умышленно не звонил и не писал жене ни строчки. Потом, правда, через десятые руки до него все-таки донесли информацию, что сама Марина переживает, грустит, а это плохо отражается на ходе съемок, и что режиссер якобы даже кричал на своих помощников: «Дозвонитесь, в конце концов, до ее мужа, потребуйте, чтобы он приехал! Она же просто чахнет на глазах!»

Эти слухи, с одной стороны, его радовали, но с другой, немало тревожили. Оссейн сам себе не мог объяснить, что с ним происходит. Может быть, чувствовал, что, обретая самостоятельность и независимость, Марина все дальше удаляется от него? Может быть…

Кроме того, Робера начала безумно раздражать обстановка в доме, который еще недавно он считал родным. Maisons-Laffite, ранее казавшийся ему оазисом «любви, вкуса и утонченности», теперь казался ему «бабьим царством». Я и не предполагал, сокрушался Оссейн, что в результате окажусь единственным мужчиной в этой большой и дружной женской семье! Когда он обращался к Марине: «Дорогая!», на его зов откликались сразу все ее сестры: «Да-да?» И скоро ему стало мерещиться, что он женился не на одной из сестер Поляковых, а сразу на всех четырех. Ему с Мариной никогда не удавалось оставаться наедине, у них не было каких-то только своих, сокровенных тайн, неприкасаемого «интимного пространства».

По возвращении жены из скандинавских странствий они крупно повздорили. Недолго думая, Робер развернулся, отправился на вокзал — чтобы куда-нибудь умчаться и, «выбирая натуру для будущих съемок», привести в порядок нервы. Но la Sorcière Марина оказалась мудрее, чем предполагал Робер, тут же поспешила за ним и… купила билет в соседнее купе. Дорога, как известно, способна примирить кого угодно. А уж общая работа — и подавно…

Один за другим на экраны выходят их фильмы «Простите наши прегрешения», «Ты — яд», «Ночи шпионов»… Но постепенно эти съемки все больше начинали напоминать бесконечный производственный конвейер. «Не припомню дня даже короткого отдыха за это время, — сетовала Марина, — разве что последние две недели беременности, проведенные в Швейцарии…»

«По блестящим от дождя улицам пробираются пятеро пленников, окруженные эсэсовцами в форме, которые толкают их к пляжу, — как хроникер, фиксировала она свои впечатления о

днях работы над „Шпионами“. — *Мы построены в ряд по кромке серых волн, лицом к тем, кто нас будет расстреливать. Мы чувствуем тревогу предстоящего момента, когда жизнь превратится в смерть. Мы смотрим на низкое небо, покрытое тучами, мы крепко держимся за руки. Один из нас снимает очки и аккуратно кладет в карман куртки. Мы дрожим от холода и страха. Короткий приказ, и легкий дымок поднимается над ружьями. Все кончено…*

Эпизод снимали длинной фокусной линзой, вся съемочная группа пряталась в высокой траве. На несколько часов мы оказались в шкуре этих людей, так непохожих друг на друга, но объединенных абсурдностью этой казни… Мы все переживали отчаянный страх…»

Ее новеллы тех лет, репортажные зарисовки с натуры, наброски портретов актеров, друзей, коллег, режиссеров, великих и не очень, через полвека станут главами удивительной мемуарной книги «24 кадра в секунду», дневником эпохи, одной из главных героинь которой будет она сама, Марина Влади.

В 1959 году картина «Ночи шпионов» была включена в программу первой Недели французского кино в Москве. Для Робера, радуется Марина, это большая премьера. Но куда больше волнений доставляла грядущая встреча с родиной мамы и отца. Робер, как умел, успокаивал обеспокоенную Милицу Евгеньевну: «Я постоянно буду рядом».

Первый сюрприз их ждал уже в аэропорту Домодедово.

— Я сошла с трапа старого самолета, — рассказывала родным Марина, вернувшись в Париж, — знаете, еще такой — с пропеллерами, и внизу увидела девиц сто, не меньше! И все как одна — «колдуньи»… Я оказалась лицом к лицу с сотнями моих копий: больших и маленьких, толстых, в очках, с осветленными распущенными волосами. Завизжав, они бросились ко мне. Выкрикивали мое имя. В одно мгновение я покрылась слоем губной помады — лицо, шея, руки!.. Они меня зацеловали, я была вся в помаде… Мужчины? Ну, мужчины тоже пытались, но я не давалась. О, если бы на меня еще набросились и мужчины, меня бы уже не было — разорвали бы точно! Это было жутко, я же совсем не подозревала, что в России меня знают. Обалдела просто. Нет, я не испугалась, я именно обалдела…

Слава богу, вмешались бравые милиционеры, и дальнейшего бурного разгула страстей удалось не допустить. По пути из аэропорта в гостиницу встречавший парижских гостей молодой человек из оргкомитета, сам чрезвычайно взволнованный и этим rendez-vous — свиданием, и близостью к той, о которой позволительно было только мечтать, и своими особыми

полномочиями и ответственностью, радостно лепетал о фантастическом успехе «Колдуньи» в Советском Союзе и о грандиозной славе madame Vlady: «Фильм посмотрели миллионы наших зрителей. В газетах писали о вашем русском происхождении… Вас у нас все знают, Марина Владимировна!»

Последнее — обращение, чисто русское, по имени-отчеству — ее немножко смутило, но она снисходительно кивнула: будем привыкать. Робер сидел рядом, внимательно наблюдая за пролетавшими мимо подмосковными пейзажами, и не произносил ни слова: он был еще более, чем обычно, угрюм и сумрачен. Она попыталась расшевелить мужа: «Ну, как тебе наша родина?» — «Wonderful», — почему-то по-английски отозвался он.

«Два дня я ходила по улицам, вокруг меня неизменно была толпа, меня без конца фотографировали, — пополнялся московский дневник Марины восторженными записями. — И в музеях тоже, а мне же хотелось все посмотреть… Это был шок… Мне присылали письма, в которых было вложено по пятьдесят использованных билетов. Люди писали, что они столько раз ходили на фильм с моим участием. И посылали билеты в качестве вещественных доказательств… Все российские бабы были колдуньями…»

Вчера еще чопорные, как монашки, застегнутые на все крючочки-застежки, наглухо запакованные в строгого кроя форменные платья и костюмы, окостеневшие в кольчугах-лифчиках, внезапно осмелели и уже щеголяли в легкомысленных платьицах, издалека напоминавших те, в которых Марина бегала по скандинавским чащам. Искусительница Влади, сама того не ведая, моментально соблазнила мужскую половину населения Советского Союза, одновременно раскрепостив, дав вольную, другой половине, женской.

Переполненная впечатлениями о Москве и москвичах, Марина по секрету, на ушко сообщала маме и сестрам: «Мой успех был необычайным, и Робер не мог этого вынести. Он не покидал гостиничный номер, а я одна разъезжала по приемам, пресс-конференциям. Все, что бы я там ни говорила, вызывало бурный восторг, аплодисменты…»

Так впервые Москва вмешалась в судьбу Влади, став «лобным местом», на котором схлестнулись характеры вчерашних пылких влюбленных. Позже этот город еще не однажды сыграет роковую роль в жизни Марины Поляковой-Байдаровой.

Впрочем, Оссейн объяснял разрыв не жестким состязанием амбиций, а более прозаичными причинами: «Огромное семейное гнездо Поляковых в Maisons-Laffitte… вечно полное людьми, шумом и застольем… Как в забытой русской сказке, слезы

перемежались радостью, праздник — ностальгией… Но был ли этот уютный дом с властной, волевой тещей моим? Было ли в нем место для меня? Едва я спрашивал Марину: „Ты меня любишь?“, не дослушав моего вопроса, она на сто ладов отвечала: „Да, да, да!“ Когда я почувствовал, что играю роль любящего главы семьи, которой у меня нет, я решил прервать этот спектакль, как неудачно поставленный самой жизнью… Нельзя строить отношения, когда лишь один человек готов на все ради другого, а второй… Я искренне и беззаветно любил Марину. А что она испытывала ко мне, так и осталось для меня загадкой… Мне кажется, она так и не смогла расстаться со своим детством, мамой и домом, ничего не хотела менять в своей размеренной жизни ради меня. По этой причине мы не сумели свить общее гнездо».

Марина заочно возражала: «У меня были надежды иметь шестерых детей, организовать свой театр. А он стремился только делать кино. Детей иметь не хотел… Просто мы были очень молодые… Я надеялась, что нашла человека, похожего на моего отца: сильного главу семьи с твердой рукой. Робер же вне своей профессии уклонялся от принятия каких-либо решений, и я вынуждена была быть и его женой, и его доверенным лицом, и матерью, и правой рукой — одним словом, единственной хозяйкой в доме…»

Дети? О них Робер, разумеется, упоминал, но так, походя: «Постоянно выясняя, кто прав, кто виноват, мы прожили четыре года. Но были и победы — мы вместе снялись в девяти фильмах, сумели произвести на свет двух сыновей — Игоря и Петра…»

Окончательно они расстались в один вечер, после очередной затяжной и скверной ссоры. Потом он собрал свои вещи. Марина вызвалась проводить его до моста, где ждали друзья, согласившиеся дать ему временный приют. Шли молча. Кивнули друг другу на прощание. Робер медленно перешел мост. Обнялся с друзьями, потом обернулся — она так и стояла одна, как ему показалось, одинокая и растерянная…

Милица Евгеньевна, скорее всего, тайком торжествовала: сбылись ее печальные пророчества относительно непродолжительности замужества дочери. Сестры отнеслись к изменениям в супружеской жизни Марины по-разному. Ольга, например, ругала младшенькую, говорила, что она поступает поспешно и глупо. Елена была уверена, что лучшая партия Марину еще ждет впереди…

«Колдунья» сделала Марину звездой, трезво оценивал расстановку сил Оссейн, а я же продолжал отрабатывать в кино прочно закрепившийся за мной образ сомнительной личности,

играл фашистских офицеров, бандитов, преступников и прочий сброд.

Правда, интерес ко всему русскому Робер отнюдь не утратил. Как-то, находясь в качестве гостя на Каннском кинофестивале, он с большим вниманием смотрел картину Станислава Ростоцкого «На семи ветрах». Фильм показался ему трогательным, чистым, война переплеталась с темой любви. А юная исполнительница роли главной героини вообще выглядела прелестно.

…После фестивальной премьеры Лариса Лужина чувствовала себя «на коне», почти Жанной д'Арк, помня при этом, что та стала народной героиней еще и потому, что оставалась Орлеанской девственницей. Но сидеть в гостиничном номере, конечно, не хотелось. Восторгаясь собственной смелостью, она спустилась в кафе. Заказала кофе. За соседним столиком сидел весьма импозантный мужчина. Быть не может, ведь это… как же его?.. Робер Оссейн, муж Марины Влади! Она же видела их в Москве! А сейчас он глядит на нее, что-то говорит, поднимает бокал. Но тут же, видимо, узнав, обращается к ней по-русски: «Мамочка, да ты же из Москвы! Из России, да?..» Он галантен, обходителен, хорош собой, осыпает удивительно красивыми комплиментами… И приглашает девушку осмотреть его апартаменты: «Тебе что — запрещено? Нельзя? А сколько ж тебе лет?» — «Двадцать один». — «Тогда можно, ты взрослая. Марина и в пятнадцать уже все умела. Пойдем?.. Не бойся, я не буду на тебя набрасываться и с ходу валить в кровать, только поцелую».

Но комсомолка Лужина категорически отказалась. Позже, возможно, жалела. Во всяком случае, Ростоцкий, узнав о несостоявшемся романе, отругал: «Эх ты, Оссейну отказала!..»

Друзья замечали, что расставание с Влади благотворно сказалось на творческой активности Оссейна. Ежегодно он выпускал как минимум по фильму — «Злодеи», «Вкус насилия», «Смерть убийцы», «Круги под глазами», «Вампир из Дюссельдорфа», не считая многочисленных ролей, сыгранных им в картинах других режиссеров.

«Если в начале пути у тебя ничего нет, ты упорно борешься за приобретение тех привилегий, которые, как думаешь, обеспечат тебе желанную свободу, — говорил Оссейн. — А когда такая свобода завоевана, понимаешь, что жизнь превращается в преумножение удобств. Личное благо не принесло мне сознания чистой совести… Жизнь похожа на механизм: дун-дун-дун… Мотор работает — и неожиданно: кряк! заело! Не остается ничего иного, как остановить мотор и разобраться, почему его ход стал холостым».

Хотя и тесен мир, но пересечений на съемочных площадках вчерашние супруги старательно избегали. Как, впрочем, и вне их. Последней картиной, в которой Влади и Оссейн работали вместе, стал триллер «Les Canailles» — «Канальи» («Сброд»). Впрочем, Робер старался не пропускать ни одного нового фильма с участием Марины, оправдывая свой интерес сугубо профессиональной необходимостью. «Золушка в витрине» показалась ему пустышкой, но вот «Ступени супружеской жизни» и особенно экранизацию чеховской «Степи», в которой Марина исполняла роль графини Драницкой, оценил очень высоко.

Он от души хохотал, когда смотрел «Очаровательную лгунью», где героиня Марины — юная Джульетта, и пяти минут не живущая без вранья, влюбляется в зрелого мужчину и дает клятву, что отныне станет говорить только правду и ничего, кроме правды. Но данное обещание так мешает ей жить… Робер едва сдержался, чтобы не позвонить своей бывшей возлюбленной и, поздравив с премьерой, съязвить: «Mon cher, твоя лгунья, действительно очаровательна, тебе даже не пришлось ничего играть».

Зато «Принцесса Клевская» понудила его окончательно признать драматический талант Влади. Европейский успех картины нельзя было объяснить лишь впечатляющей зрелищностью и душещипательным сюжетом. Пышные костюмы в таком случае остались бы лишь музейными экспонатами, а дворцовые тайны времен короля Генриха II — единицами хранения архивов. Зрителей главным образом пленила блестящая работа Марины Влади и ее партнера Жана Марэ. Околдованная Бельгия наградила Влади, как лучшую актрису года, премией «Femina»…

А позже Марину и Робера едва не объединила «Анжелика».

— «France Soir», пожалуйста. Как нет? Продано?

— Сожалею, мсье. Ни одного экземпляра не осталось. Приходите завтра.

— Завтра уже будет новая глава…

В конце 1950-х тираж и без того популярной «вечерки» — газеты «Франс Суар» взлетел до небес. Предприимчивый издатель Пьер Лазарев первым во Франции стал печатать в своей газете «фельетоны» — романы с продолжением. Авантюрная историческая эпопея Анны и Сержа Голон «Анжелика — маркиза ангелов» мгновенно покорила сердца парижан. Тут же продюсер Франко Косма сообразил, что экранизация головокружительных похождений Анжелики и ее супруга — графа де Пейрака — золотая жила, и поручил режиссеру Бернару Бордери ее «разработку».

Самым главным было — не совершить ошибку с выбором исполнительницы центральной роли. Одна за другой отпадали кандидатуры. Следом за Брижит Бардо были забракованы Катрин Денев, Мирей Дарк и Аннет Стройберг, затем приглашенная из Америки Джейн Фонда. Не устроила создателей фильма и итальянская красавица Моника Витти. Окончательный выбор пал на Марину Влади.

Но тут уже у Марины возникли сомнения: а стоит ли связывать себя кабальным (хотя и чрезвычайно выгодным) контрактом сразу на пять фильмов? «Я не хотела превращаться из колдуньи в маркизу, — говорила она. — Это же клеймо на всю жизнь! Меня смущала перспектива становиться актрисой одной роли». Да и творческий потенциал режиссера-постановщика, с ее точки зрения, оставлял желать лучшего. И, наконец, основное препятствие — Марина не испытывала никакого желания встречаться на съемочной площадке и уж тем более изображать перед камерой безумную любовную страсть к своему бывшему мужу, который собирался играть графа Жоффрея де Пейрака. Хотя, как профессионал, она без труда справилась бы с этой «сверхзадачей». И, возможно, ее Анжелика наряду с Марианной, тоже стала бы символом Франции…

Но, повторяла Влади, «меня совершенно не интересовала эта милая и красивая роль». Она предпочла иное кино: «В это время я стала работать с Годаром, так что это совсем другой мир…»

Что же до Робера, то он без раздумий с головой окунулся в красивые киноприключения и по завершении сериала «Анжелика» даже стал подшучивать над свалившейся на него популярностью: «На моей могильной плите, видимо, высекут профиль графа де Пейрака».

С годами Оссейн все больше отдалялся от кинематографа, предпочтя театральные подмостки. В конце 1960-х годов он отклонил выгодные контракты и, захватив с собой лишь бритву и зубную щетку, уехал в провинцию, знаменитую шампанскими винами. Его режиссерским дебютом в Народном театре Реймса стало «Преступление и наказание», которое положило начало так называемой «оссейнографии» — социальному и культурному феномену, особому творческому почерку, соединившему в себе элементы театра, кино, а также достижения звуко— и светотехники и еще бог весть чего. Довольно быстро ему удалось войти в число тех, кого назвали «русской гвардией парижской сцены», — наряду с Арианом Мнушкиным и Питером Бруком. «Кому, как не нам, вечным кочевникам, рисковать в столь опасном ремесле, как театр», — стал говорить Роберт Андреевич Гуссейнов.

Затем свои опыты он перенес в Париж, возглавив театр «Мариньи». На огромном помосте Дворца спорта он поставил спектакли — исторические фрески о великих персонажах — Цезаре, Наполеоне, Марии-Антуанетте, Шарле де Голле… «Народный режиссер республики», как его назвала театральная критика, поставил «Дантона и Робеспьера», «Отверженных», «Собор Парижской Богоматери», «Юлия Цезаря», «Необычный подвиг броненосца „Потемкин“» и другие представления. Особый успех выпал на долю «Человека по имени Иисус», который побил все рекорды по количеству зрителей. Идеи его постановок — Справедливость и Милосердие, Права человека и Честь, Насилие и Вера… оказались жизненно необходимыми сотням тысяч людей. «Свобода или смерть» — так назывался спектакль, поставленный им к 200-летию падения Бастилии. Дела давно минувших дней? Оссейн отвечал по-своему, превратив зрителей в членов клуба якобинцев, в депутатов Конвента. Эбер, Сен-Жюст, Карно сидели среди парижан — и трибунами становились обитые велюром кресла…

Марина с любопытством наблюдала за театральными поисками Робера. Тем более что в некоторых постановках в качестве музыканта-аккомпаниатора принимал участие их сын Пьер. Но особого восторга от «оссейнографии» она не испытывала, оставаясь сторонницей классической эстетики театра.

«Расставались мы достаточно болезненно, — подводил итог Оссейн, — но раны уже зарубцевались. Мы — близкие друзья. Иногда перезваниваемся…»

«Le Lit Conjugal» — «Королева пчел»

— …Они улетали, а мы оставались на земле. Теперь все наоборот: они там, в земле, а я вот в небесах…

Марина не узнавала Жан-Клода. В начале их знакомства Бруйе без устали шутил, балагурил, производя впечатление никогда не унывающего оптимиста. Сейчас он был грустен и сентиментален.

— Во время войны я служил на авиабазе Райяк на Ближнем Востоке. Оттуда через Иран наши летчики из эскадрильи майора Тюляна в конце 42-го года переправлялись в Советский Союз, чтобы воевать с фашистами. В первом составе эскадрильи было 14 летчиков и почти 60 авиамехаников. Увы, в их число я не попал по причине юного возраста и полного отсутствия летного опыта. Помню, мы, когда провожали их, кричали: «Вперед, райяки!» Кстати, «райяками» (по имени нашей базы) их потом называли и русские, когда в России создали эскадрилью «Нормандия-Неман»… Наши летчики были настоящими асами. Я гордился знакомством с ними. Альбер, Дюран, Лефевр… Их называли «три мушкетера», ведь они же были гасконцами…

— Как и ты? — улыбнулась Влади.

— Ну да, как и я! — К Жан-Клоду вернулось прежнее расположение духа. — Позже меня перевели в Габон, там я закончил специальные летные курсы и был зачислен в эскадрилью Артуа. Но повоевать так и не пришлось… Марина, а не выпить ли нам?

— Почему бы и нет? — Марина легко согласилась.

Едва Бруйе поднял руку, тут же подпорхнула стюардесса и, выслушав пожелания «большого босса», удалилась. Буквально через минуту она появилась вновь, уже с подносом, на котором красовалась бутылка красного вина и два бокала.

— Может быть, немного сыра? — спросил Жан-Клод.

— Конечно.

Бруйе кивнул стюардессе и поднял бокал, глядя в глаза своей соседки.

Он появился в салоне самолета, когда все пассажиры уже сидели на своих местах и дисциплинированно пристегивались ремнями безопасности. Марина мельком взглянула на нового попутчика, отметив его добротный легкий костюм, аккуратную прическу, приятный дорогой парфюм, темные глаза, доброжелательную улыбку, и не стала возражать, когда он, обратившись к ней: «Вы не против, мадам?», опустился в соседнее кресло.

Полчаса, может быть, минут сорок лета, а ей казалось, что они знакомы давным-давно. Он был внимателен, предупредителен, а главное — искренен в своей заботе о попутчице, был откровенен, рассказывая о себе, остроумен, и — слава богу! — не произносил ни слова о кино. Вначале Марину удивило и даже несколько задело это *неузнавание*, но чуть позже она поймала себя на том, что ей приятны его комплименты как женщине, а не киноактрисе, недосягаемой звезде, волей провидения оказавшейся рядом. И почувствовала, что даже случайные прикосновения локтя ее даже чуть-чуть волнуют…

Возможно, подкупило и то, с каким неподдельным интересом отнесся этот Бруйе к брошенным ею вскользь словам о том, что ее отец тоже был авиатором во время Первой мировой войны, успешно сражался с немцами и даже был награжден. Он так дотошно выпытывал подробности невероятного путешествия Владимира Полякова из России (!) в Париж, где стал волонтером, что Марина, увлекшись, принялась обстоятельно рассказывать о многочисленных талантах своего удивительного отца, которого, к великому сожалению, потеряла десять с лишним лет назад.

— Знаешь, — проговорила она, глядя на свой бокал, — всякий раз, когда я сажусь в самолет (а летать по делам мне приходится довольно часто), я почему-то всегда вспоминаю его. А каждого мужчину сравниваю с ним и вижу: не то, не то, не то…

Потом, по окончании съемок фильма «Семь смертных грехов», Жан-Клод встретил Марину с цветами, повез в какой-то фантастический ресторан и там огорошил неожиданным предложением отправиться в путешествие в Габон.

— Ты увидишь потрясающую, ошеломляющую страну. Центральная Африка, голубые лагуны Атлантического океана. Столица Либервиль — один из самых красивых африканских городов, очень похож на Майами-Бич. Ты бывала в Америке?

— Нет, но собираюсь.

— Поедем вместе, — убежденно сказал Бруйе. — Ты будешь жить в моем доме, у тебя будет все, что только пожелаешь. Я покажу тебе свою уникальную коллекцию ритуальных масок фангов, митсого и теке. Клянусь, ничего подобного ты никогда не видела! Климат и природа Габона изумительные. Большую часть территории занимает вечнозеленый лес, а на востоке возвышаются Хрустальные горы.

— Они на самом деле хрустальные? — заинтересовалась Марина.

— Почти, — улыбнулся Бруйе. — Во всяком случае, красоты необычайной. Соглашайся…

— И когда? — спросила Марина, мысленно уже сказав «да». С

лихой отчаянностью она решила: черт побери, где «Семь грехов…», пусть будет и восьмой!

— Да хоть сегодня. У меня ведь чартер. Можем отправиться в любое время. Одно твое слово, королева…

Она уже знала, что Жан-Клод, давно обосновавшийся в Африке, успешно вел бизнес, являлся совладельцем крупнейшей в Габоне авиакомпании. Знакомя его с друзьями, обычно уточняла: «Настоящий мужик… Авантюрьер… Гасконец к тому же…»

Свой основной капитал Бруйе заработал, занимаясь строительством аэродромов не только в Габоне, но и в других странах Экваториальной Африки. Тут, на Черном континенте, он слыл честным, порядочным и везучим бизнесменом. Кроме обычных грузовых и пассажирских перевозок, он добровольно взвалил на себя все хлопоты по организации летучего отряда санавиации, бескорыстно доставлявшей больных людей в центральные клиники из самых труднодоступных районов страны.

Свое двадцатипятилетие Марина встречала абсолютной победительницей. Рядом был счастливый «побежденный» летчик Жан-Клод, который считал 13 апреля 1963 года — день их знакомства — самым знаменательным в своей жизни. Подрастали сыновья. Она являлась полновластной хозяйкой громадной виллы на Атлантическом побережье. В ее подчинении — целый отряд прислуги, садовников, кухарок, шоферов, у пирса на океанских волнах мерно покачивалась роскошная яхта, на которой они вместе с Бруйе в любую минуту могли отправиться куда угодно, и в любом порту мира ее вместе со всемогущим спутником встретили бы с королевскими почестями. Потому что сегодня она уже не просто колдунья, но и королева.

Или «Le Lit conjugal» — «Королева пчел», досадливо поморщилась Марина.

— …Вы что, на самом деле видите во мне нимфоманку? — заинтересовалась Марина, прочтя сценарий «Королевы пчел», к съемкам которого собрался приступать Марко Феррери.[7] — Да эта ваша Регина настоящая стерва. Конечно, я не спорю, характер у меня самой ужасный, поэтому я спокойно играю гадких женщин. Почему нет? Но такую?!.

— Согласен, стерва, — усмехнулся Феррери. — И вы, Марина, мне подходите по всем статьям. Хотя бы потому, что сразу отгадали характер этой сучки. Я хочу обнажить перед всеми тайные стороны женской души…

— …которая мечтает об умерщвлении особи противоположного пола, — предположила Марина.

— Именно! — воодушевился режиссер. — Но в данном случае

предметом моего исследования является отнюдь не ваша, Марина, душа. Просто вы как никто способны помочь мне воплотить мои идеи. Я знаю, вы — совсем иная… — Он смешался, еще что-то невнятно пробормотал, и Марине послышалось, что Марко добавил: — Возможно, иная…

— А правду говорят, что вы ветеринар? — теперь уже Марина попыталась взять его в оборот.

— Правда, — ничуть не смутился Феррери. — По образованию я действительно ветеринар и по-прежнему очень интересуюсь животным миром. В нем так много поучительного для человеческого общества.

— Например, то, что самец непременно должен погибнуть после оплодотворения пчеломатки?

— Ну, в том числе и это. И в пчелиной семье, и в семье человеческой очень много общего…

— И любой брачный союз обречен на подобный финал?

— В той или иной степени, — развел руками уже раздраженный «допросом» режиссер. — Все браки совершенно идентичны.

— Ладно, рискнем! — махнула рукой Марина. — Я согласна.

Читая в газетах анонсы своей «Королевы», Марина чертыхалась: «Примитивы!.. Как можно было сочинить нечто подобное? Они что, фильма не видели?!» — «…Супружеская жизнь молодой пары начинается счастливо и безоблачно, между ними царит согласие, они мечтают о детях. Но с каждым днем происходит что-то совершенно необъяснимое: муж на глазах чахнет, а молодая жена все хорошеет и хорошеет. А когда она уже ждет ребенка, мужу становится настолько худо, что он уже не в силах подняться с постели…»

Профессиональное чутье ее редко когда подводило. Уже в ходе съемок она точно знала, что фильм ожидает успех. Партнер — Уго Тоньяцци — чудо! Регина у Марины получалась именно такой, какой ее видел Феррери. Друзья все же не зря называли его гением, у которого не было ни школы, ни учеников, ни последователей, настолько он был индивидуален и неповторим.

Накануне церемонии закрытия Каннского кинофестиваля, во время которой оглашались имена победителей и лауреатов, Марина разнервничалась донельзя, чего давно с ней не происходило. Дважды навещала салон маэстро Жака, официального парикмахера фестиваля, обладателя «волшебного взгляда». Мсье Дессанж, конечно, умел творить чудеса. Он трудился над ее прической несколько часов. Потом трижды она меняла туалеты.

Еще бы, ведь ей, триумфатору, обладательнице премии

лучшей исполнительницы женской роли, предстояло пройти по красной дорожке на набережной Круазетт с величием истинной королевы. Королевы стиля и «королевы пчел». По традиции каннские лауреаты одновременно становились кавалерами «Ордена искусств Почетного легиона».

(Жаль лишь Феррери, у которого сразу после грандиозного успеха на фестивале и выхода картины в широкий прокат возникли проблемы с пуританской цензурой, и особенно с Ватиканом.)

Бруйе для начала подарил жене радость романтичного многодневного морского круиза под парусами своей белоснежной яхты «Vaitiare», а потом преподнес новый сюрприз:

— Давай-ка, милая, будем потихоньку перебираться поближе к родным берегам. Я купил виллу на юге Франции.

— Жан-Клод, ты у меня — сплошное приключение, как американские горки, — только и смогла ответить Марина. — Никогда не знаешь, чего от тебя ждать в следующую минуту…

Только блаженное ничегонеделание на берегу довольно скоро сменилось унынием. Она чувствовала себя не в своей тарелке без шума-гама на площадке под беспощадными юпитерами, без удушливой пыли театральных кулис, без сплетниц-гримерш и придир-сценаристов, без громовых команд режиссеров и бесконечных интервью, без аплодисментов и цветов от поклонников, без помпезности фестивалей и банкетов. Бруйе же все это казалось никчемной, зряшной суетой, а восторженные взоры нахалов, которые жадно шарили глазами по телу его Марины, доводили его до исступления. Марина понимала состояние мужа. Он был раздражен точно так же, как в свое время Робер. Хотя нет, несколько иначе. Оссейну рядом нужна была талантливая актриса, послушная исполнительница его режиссерской воли. Хоть на съемках, хоть в постели. А отважному покорителю небесных высот Бруйе — земная хозяйка дома, хранительница очага, но вовсе не властительница съемочных площадок и сердец похотливых поклонников. «Мне невмоготу — я не могу не работать, — пыталась объяснить мужу Марина. — Это для меня очень серьезно». Но он не слышал.

Даже рождение сына Вольдемара-Владимира-Володьки-Вовки лишь ненадолго отвлекло ее от тоскливых мыслей и внесло совершенно незначительные изменения в размеренное и безмятежное существование в сладком рабстве роскоши. Тем более что бесчисленные няньки, кормилицы, прислужницы не давали ей даже пальцем без нужды шевельнуть…

Володька мирно посапывал в кроватке в тени деревьев. Марина, сидя рядом в плетеном кресле, лакомилась персиками и

лениво перелистывала свежий номер «L'Officiel»: ну, и какие ткани нам предлагают кутюрье носить в 1965 году?..

Появившийся в саду Жан-Клод молча протянул ей телеграмму. Орсон Уэллс?[8] Да! Вот так сюрприз. Мэтр приглашает ее в Испанию на съемки «Фальстафа». Роль леди Кейт Перси…

— И что ты ответишь? — Жан-Клод, оказывается, все еще был рядом.

Марина положила телеграмму на столик.

— А что я могу ему ответить? Посмотри на меня, я же сейчас больше похожа на кормящую матрону. — Она чуть приспустила декольте. — Ты когда-нибудь видел такие груди? Уэллс просто не понимает, что я, увы, сегодня не та актриса, о которой можно мечтать. Так, в подробностях, я ему и сообщу. Нет-нет и нет. Орсон — мудрый человек, поймет.

Диктуя свой ответ секретарю, Марина улыбалась: Кейт Перси… Фальстаф… На следующий день Влади получила новую телеграмму от Уэллса. Орсон был, как всегда, лаконичен, категоричен и требователен: «Кончай кормить. Приезжай через две недели. И… будь в форме!»

«В чем оно, счастье актрисы? — задавала себе вопрос Влади. И сама же пыталась найти на него ответ. Оно, пожалуй, в таких банальных вещах, как у всякого человека: получать удовлетворение от своей работы, ценить и уважать своих коллег, партнеров, ощущать свою востребованность. Неважно где — будь то завод, какое-нибудь учреждение или театр, но чувствовать, что тобой восхищаются, а главное — любить то, что ты делаешь».

Отпускать Марину одну в неведомую киноэкспедицию Бруйе отказался наотрез. Он знает, какие опасности таит жаркое пиренейское солнце и не менее горячие кабальеро. Но рабочий график оказался настолько плотным, что все время Влади и Бруйе приходилось проводить порознь: Марина пропадала на съемочной площадке, а Жан-Клод, как некогда Оссейн, сидел в гостиничном номере, злющий, как лев в клетке. Как ему хотелось прекратить весь этот киношный балаган! В конце концов он устроил жене неприятную сцену в отеле, развернулся и умчался домой.

В два часа ночи в ее номере раздался стук в дверь. Марина решила, что вернулся Клод, и уже намеревалась открыть. Но услышала не совсем трезвый мужской голос: «Это я, Орсон!» На цыпочках она вернулась в спальню и просидела в кресле до утра, не сомкнув глаз и не выпуская из рук сигареты. На следующий день, отсняв заключительные сцены, Уэллс поблагодарил всю киногруппу за отличную работу, а Марине почему-то посоветовал бросить курить, чтобы не портить голос: «Пойми, это — твое

главное сокровище». О запертой двери несостоявшийся любовник не обмолвился ни словом…

Насчет голоса Уэллс был, безусловно, прав, невинно улыбалась Марина, вспоминая, с каким трудом ей удавалось озвучание картины по-английски: «Причем это был староанглийский язык, шекспировский. Я волновалась, но, по-моему, все получилось…» Но при следующих встречах Орсон обычно глядел на нее с некоторым недоумением…

А Бруйе, чувствуя свою вину, решил-таки выполнить свое давнее обещание, и они с Мариной отправились в путешествие за океан. Тем более что в Штатах Влади ждала небольшая работа в какой-то проходной итальянской картине «Моя американская жена». Поначалу она даже думала отказаться от съемок, но согласилась, узнав, что ее партнером вновь будет Уго Тоньяцци. Съемочный процесс был организован чудовищно, паузы между сменами затягивались, и актеры были вынуждены слоняться без дела, пока горе-сценаристы дорабатывали следующую сцену. Во время одного из очередных перерывов Марина решила выяснить, что из себя представляет прославленная американская киноиндустрия, и на свой страх и риск (без всяких рекомендаций) наведалась в агентство «Уильям Моррис», которое занималось кастингом актеров. Она вовсе не собиралась покорять Новый Свет, просто было любопытно.

Тамошний «биг-босс», оглядев гостью с головы до ног, попросил: «Не могли бы вы улыбнуться, мадемуазель?»

Марина задохнулась от возмущения:

— Вы! Вы мне, звезде европейского класса, которая только что снималась у самого Орсона Уэллса, мне, матери троих детей, одной из самых красивых актрис, предлагаете просто улыбнуться?!

Сидящая рядом с боссом тощая американка с явно подтянутой кожей просипела прокуренным голоском:

— Именно вам, милочка. И вообще, не мешало бы вам сбросить два-три килограмма и заменить зубки. По-моему, они не очень ровные…

Марина, уже вне себя от ярости, вскочила, схватила шубку, шляпку и заорала прямо в лицо этой облезлой курице:

— Я вешу ровно 58 килограммов при росте 175 сантиметров, и все зубы — мои собственные! А ты шамкай и щелкай своими фарфоровыми!

После перенесенного шока Марина уже не испытывала к Голливуду ничего, кроме отвращения и ненависти.

Зато в этом же году супругов ожидало новое экзотическое путешествие на край света, в загадочную для Бруйе Россию, — на

очередной Московский кинофестиваль. И вновь, как шесть лет назад, повторилась все та же ситуация, что и несколько лет назад с Оссейном. Марина была в центре внимания, сияла от удовольствия и всеобщего восхищения, а Жан-Клод покорным болванчиком, с тяжелым сердцем, исполнял роль ее «немого» мужа.

Ему оставалось ограничиваться посещениями Большого театра. Во время пресс-конференции на 12-м этаже гостиницы «Москва» Марина Влади сообщила журналистам: «Я крайне сожалею, что в этот раз так мало успела посмотреть и, что самое огорчительное, не увидела на сцене Майю Плисецкую». Очаровательно улыбнувшись, она тут же обратила внимание газетчиков на присутствующего здесь супруга: «Зато мой муж Жан-Клод Бруйе — он по профессии гражданский летчик — видел ее в „Дон-Кихоте“ и признался мне, что плакал от счастья… Летчики, как видите, иногда тоже плачут, если, разумеется, они попадают под власть большого таланта…»

«Конечно, она очень хороша, — писал в своем отчете с пресс-конференции репортер журнала „Советский экран“, — и вместе с ее восхищенным мужем — французским пилотом — за ней, откровенно говоря, столь же восторженно следят и многие другие мужские глаза…»

Но, глядя вслед удалявшейся по окончании пресс-конференции паре, журналисты видели, как Жан-Клод, бережно придерживая жену под руку, темпераментно и отнюдь не ласково выговаривал ей что-то вполголоса…

В те дни в Москве Марина и впрямь была загружена «под завязку», являясь членом жюри фестиваля под руководством известного советского режисссера Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Единственная женщина в компании «12 рассерженных мужчин». Журналистам она признавалась: «Ясно, что это почетная и весьма трудная работа. Но такая работа здесь, в Москве, мне вдвойне приятна… Во всяком случае, я постараюсь, как это говорят по-русски, быть на уровне… Я чувствую себя в Москве как дома…»

Герасимов умело дирижировал работой жюри, склоняя коллег к тому, чтобы главный приз обязательно присудить фильму Сергея Бондарчука «Война и мир». Но я, гордилась собой Марина, билась изо всех сил, до тех пор, пока не переубедила всех членов жюри, что награду следует поделить между киноэпопеей Бондарчука и замечательной картиной венгра Золтана Фабри «Двадцать часов». После окончательного подведения итогов взмокший Герасимов, улыбаясь, сказал Марине:

— Ну, ты, оказывается, еще та штучка. Крепкий орешек.

В его устах это был изысканный комплимент.

По иронии судьбы, вскоре Влади вновь пришлось встретиться с «Войной и миром» Бондарчука, дублируя во французской версии картины Людмилу Савельеву, которая исполняла роль Наташи Ростовой.

* * *

— Марина Владимировна, — остановил Влади молодой человек, сотрудник пресс-центра фестиваля, — прошу прощения. С вами очень хочет встретиться Алексей Каплер.[9]

— ?

— Это наш очень известный кинодраматург, сценарист. Может быть, вы видели его фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»? Помните?

Марина с сомнением покачала головой:

— Нет, вряд ли. Я бы запомнила.

— Тем не менее он просит о встрече в удобное для вас время. У него к вам есть деловое предложение.

— Я, право, не знаю, — Марина заколебалась. — Такой загруженный график: встречи, приемы, пресс-конференции.

— Марина Владимировна, — молодой человек оказался настойчив, — Каплер — очень влиятельный и довольно интересный человек. В свое время у него были большие неприятности, ну вы понимаете… Алексей Яковлевич… был любовником дочери Сталина, Светланы…

— Какие же это неприятности? — засмеялась Марина. — По-моему, совсем наоборот!

— Вы меня неправильно поняли, Марина Владимировна. Сталин его за это посадил, и Каплер сидел в лагере.

Может быть, именно этот примечательный факт биографии советского киносценариста особенно заинтересовал Влади, и она выкроила 15 минут для светского свидания. Однако беседа с Алексеем Яковлевичем, вопреки ожиданиям, затянулась не на один час…

— Марина, вам что-либо доводилось слышать о такой выдающейся, на мой взгляд, женщине, как княгиня Вера Аполлоновна Оболенская?

— Конечно. Только у нас ее называли Вики. Вики Оболенская. Я не помню ее девичью фамилию…

— Макарова. Ее отец был бакинским вице-губернатором, —

подсказал Каплер.

— Да-да! После революции она, совсем еще девочкой, вместе с родителями уехала во Франции. Насколько я знаю, она была одной из самых красивых парижских манекенщиц. Потом вышла замуж за князя Николая Оболенского. Во время фашистской оккупации стала героиней Сопротивления. Боши ее казнили. После войны правительство Франции наградило Оболенскую орденом Почетного легиона.

— Советское, кстати, тоже, — уточнил Каплер. — Орденом Отечественной войны… Знаете, Марина, вы позволите меня так вас называть?.. Спасибо. Вместе с Юлией, это моя жена, довольно известная советская поэтесса, мы много занимались изучением трагической судьбы этой женщины, перерыли кучу архивных материалов… Нам французские друзья еще обещали прислать некоторые документы, воспоминания очевидцев.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Да нет, ну что вы?! — добродушно улыбнулся Алексей Яковлевич. — Пока со всеми своими проблемами я еще способен справиться самостоятельно.

— Я в этом не сомневаюсь, — поддержала беседу Марина. — Перед вашим обаянием трудно устоять.

— Вы меня опередили. Вернее, просто лишили права голоса. У меня не хватает слов, чтобы высказать вам свое восхищение…

— Алексей Яковлевич, я ведь понимаю, что вы неспроста затеяли этот разговор об Оболенской.

— Конечно! Мы с Юлей написали киноповесть «В русском Париже», посвященную судьбе Вики. Там все так переплетено — Россия и Франция, любовь и война, жизнь и смерть. На «Мосфильме» уже лежит заявка на сценарий. В главной роли своего будущего фильма я вижу только вас, Марина Владимировна.

— Спасибо.

— Поверьте моему кинематографическому опыту и природному чутью, эта картина будет иметь успех. Как вы считаете, французские продюсеры способны клюнуть на такой проект?

— Ну, я не продюсер, мне трудно судить, — осторожно заметила Влади. — Хотя мне кажется, этот проект их вполне может заинтересовать. Есть же пример Жана Древиля, который сделал, если я не ошибаюсь, уже два совместных фильма. «Нормандия-Неман» и «Третья молодость» о Мариусе Петипа, кажется, да?

— Совершенно верно, — воодушевился Каплер. — Но Вики в вашем исполнении превзойдет всех. И знаете почему? Она

любила Россию и в равной степени любила Францию. В вашей душе, по-моему, живут такие же чувства. Оболенская, которую фашисты пытались склонить к сотрудничеству, говорила: «Я русская, но всю жизнь жила во Франции. И я никогда не предам ни своей родины — России, ни Франции, приютившей меня». Немцы ее гильотинировали, вы знали об этом? После высадки союзников в Нормандии Веру перевезли в Берлин. Она отказалась писать прошение о помиловании, и в августе 1944 года в тюрьме Плётцензее ей отрубили голову…

— Да-да, ужасная судьба.

— Марина, вы — русская актриса с французским паспортом, я правильно цитирую ваше интервью?

— Не совсем. Я говорила: «Я — французская актриса с русской судьбой».

— Да, верно. Превосходно сказано!.. Может быть, еще кофе? — обеспокоился Алексей Яковлевич, не забывая о светских манерах.

— О, нет-нет, спасибо, — улыбнулась Марина. — Я сегодня и так уже… перебрала, да? Я правильно говорю? Нет?

— Нет-нет, «перебрала» — это о водке! — мило хохотнул Каплер. — Так вот, еще когда мы с Юлией писали свою киноповесть, то в роли Оболенской видели именно вас, Марина.

— Вы могли бы дать почитать мне ваш сценарий?

— Хоть сейчас. Или нет, зачем же? Я завтра пришлю к вам в номер.

— А я обещаю подумать, кого из режиссеров вам порекомендовать. У нас много прекрасных мастеров, и старых, и молодых.

— У нас тоже, — Каплер оставался патриотом.

— Да, я знаю, — согласилась Марина. — Например, Григорий Чухрай. Я до сих пор нахожусь под впечатлением его «Баллады о солдате». Вам могу сказать: я ему как-то даже письмо написала…

— Да что вы! С признанием в любви? — восхитился Алексей Яковлевич.

— Почти, — не смутилась Марина. — Я ему написала, что не знаю в мировом кино более волнующей картины, чем его «Баллада», и всякие другие слова. А потом еще о том, что мечтаю сняться у него, играть на русском или французском языках. Что это, может быть, самая большая моя мечта…

— Я, конечно, буду и с ним говорить *о нашем*, — с нажимом произнес Алексей Яковлевич, — о нашем с вами фильме. Но надеюсь и на предложения с вашей стороны…

Распрощавшись с Влади, хитрец Каплер решил спровоцировать ситуацию и как бы загодя «застолбить» идею

будущего советско-французского фильма о русской княгине — героине парижского антифашистского подполья Вере Аполлоновне Оболенской, дав пространное интервью популярному журналу «Советский экран». Визируя материал, он настоял, чтобы в тексте обязательно остались две фразы: «По нашему мнению, главную роль могла бы исполнить замечательная французская актриса, русская по происхождению, Марина Влади. Мы надеемся, что это совпадет с желанием актрисы: на Московском кинофестивале она говорила, что мечтает сыграть героическую роль…»

Хотя на самом деле Влади, говоря о своей заветной мечте, имела в виду Анну Каренину…

Но и с Оболенской что-то не заладилось на «коммунальной кухне» советского кино: потянулись неизбежные бюрократические согласования, странные проволочки, бесконечные нудные переговоры. Потом у бдительных цензоров, именуемых на студии редакторами, стали возникать вопросы о лояльности (не Влади, слава богу, а ее героини — Вики, обезглавленной фашистами!) по отношению к СССР… Словом, сценарий, а с ним и идею совместного с французами фильма благополучно похоронили в пыли архивов Мосфильмовской киностудии.

Однако неудача Каплера не остудила пыла коллег-кинематографистов, жаждущих заполучить «русскую француженку» в свои картины. Ближе других к осуществлению подобного замысла оказался Петр Тодоровский, который приступал к экранизации пьесы Александра Володина «Загадочный индус». По его мнению, Влади идеально вписывалась в роль Елены Ивановны, возлюбленной главного героя. Во-первых, красавица (другую бы его фокусник просто не полюбил). Во-вторых, учительница французского языка (тут уж вовсе не возникало никаких вопросов). Но опять не сложилось, и Петру Ефимовичу осталось лишь развести руками: «Увы и ах…»

Более удачливым оказался прыткий режиссер Юрий Чулюкин, которому даже в карнавальной суете Московского фестиваля мимоходом удалось запечатлеть Марину Влади в своей комедии «Королевская регата», где она мелькнула cameo — в роли самой себя.

Много позже Владимир Высоцкий рассказывал Марине о своих тщетных попытках встретиться с ней в те дни в Москве. Она запомнила: «По нескольку раз в день ты ходил в кино смотреть хронику, чтобы увидеть меня хотя бы на экране. Короче, ты влюблен…» Но об этом она узнает уже потом…

Отшумел кинофестиваль, а вместе с ним практически закончились и брачные отношения Марины с Жан-Клодом.

Однажды во время многолюдного светского фуршета Марина краем уха услышала обрывок разговора двух милых дам, которые судачили, обсуждая гостей вечеринки. Одну из них Влади узнала: парижская журналистка, светский хроникер Патриция Гальяно. Именно она обронила фразу: «Этот летун, наверное, мечтает держать ее под стеклянным колпаком, как прекрасную статуэтку…» Марина усмехнулась и отошла в сторону. Если это о ней и Бруйе, то тут подошло бы несколько другое сравнение. Ее зоркий киноглаз увидел иную картинку: человек покупает мощный самолет, ставит его в ангар, каждое утро подходит к своему авиалайнеру, чувственно гладит его фюзеляж, нежно касается крыльев любимой игрушки и восхищенно произносит: «Какой красавец!» Потом уходит, запирая за собой двери ангара…

Влади прекрасно знала, что Жан-Клод не хотел, чтобы она оставалась в кино. Говорила: «…И делал большую глупость. Он вполне мог стать продюсером, у него хватало денег. У него их было много. Он мог бы стать моим продюсером. Но так не случилось…»

Они жили словно в параллельных мирах, каждый из которых существовал автономно, следуя своим курсом, не соприкасаясь. Марина вновь и вновь повторяла свое: «Я всегда искала в своих мужьях нечто, напоминавшее бы мне моего отца, его надежность и защиту. Но…»

Неполных три года супружеской жизни с летчиком промелькнули, и личная жизнь Марины, казалось, окончательно потерпела фиаско. Однако отчаяния не было. Считала ли она, что жизнь кончена? Да нет, конечно! Вычеркивала ли она эти годы из своей биографии? Тоже нет, в них же было немало замечательных мгновений. Что ее ждет впереди? Она знала и верила: надо жить, все еще будет хорошо.

Конечно, годы идут. Прошлый опыт навязывает сравнения, хочешь ты того или нет. Марина невольно оценивала достоинства Робера и Бруйе. Припоминала какие-то прелестные черты Оссейна, которых не было у Жан-Клода. И наоборот.

«Мои замужества меня кое-чему научили, — говорила она. — Алхимия семейных отношений весьма хрупка и сложна. Это не дается так вдруг. Ничего не дается с первого дня: ни терпение, ни интимное познание друг друга. Невозможно немедленно все перевернуть, открыть. Я чувствую, что надо учиться быть любимой, становиться мужем и женой так, как со временем понимаешь своих родных и самое себя. Я ничего этого не знала ранее. А теперь у меня уверенность, что любовь глубже, с течением времени она становится дружбой, становится нежнее — а это самое главное… Робер Оссейн был прекрасным актером,

потом режиссером, создал свой театр… Жан-Клод — совершенно другой человек, отважный летчик, бизнесмен, полная противоположность Роберу…»

Что касается верности, то тут Марина была предельно откровенна и говорила, что мужьям своим никогда не изменяла: «Я не тигрица. И уж тем более не королева пчел…»

* * *

Отказавшись от неукротимой Анжелики ради «другого кино и другого мира», в качестве поводыря в этой иной жизни Марина выбрала основоположника «новой волны» французского кинематографа Жан-Люка Годара.[10]

Уже после первых дней съемок она поняла: работать с Годаром — и наслаждение, и мука.

— С актерами он общается странно. Во всяком случае, со мной, — рассказывала Марина. — Никакого сценария мне читать не давали. Мы приходили в какую-то комнату, где нужно было снимать очередной кусок, и Годар вставлял мне в ухо крошечный приемник-горошинку, по которому командовал: «Пойди туда, встань там, скажи то-то и то-то».

Однажды она не выдержала и сказала:

— Послушай, а зачем ты вообще берешь актеров? Лучше уж взять куклу.

Не задумываясь, Годар ответил:

— Ты знаешь, самый хороший робот — это все-таки актер.

Но Влади все равно не таила на него зла, даже наоборот — оправдывала причуды мастера, видя в нем большого ребенка: «Он привык так шутить — язвительно, саркастично, хотя на самом деле Годар — человек застенчивый, а сарказмом прикрывается как щитом».

Каждый его фильм был абсолютно автобиографичным. Кино служило для режиссера своего рода дневником, при помощи которого он улаживал какие-то вопросы в своей жизни. А жизнь была для Годара не более чем верным поставщиком материала для фильмов.

Свою картину с Влади «Две или три вещи, которые я знаю о ней» режиссер превратил в лабораторное исследование общества, под увеличительным стеклом рассматривая истории нескольких персонажей, так или иначе связанных с главной героиней — молодой домохозяйкой из парижского предместья Жюльетт Жансон, которая увлеченно занимается древнейшей профессией в мире. «Сам по себе фильм, по-моему, интересный, — говорила

Марина, — это остров, социальное произведение. В нем рассказывается о женщинах, которые занялись проституцией: одна — чтобы купить себе туалеты, вторая — чтобы заплатить за воду и газ, которые стоят безумных денег, третья таким образом копит себе на приобретение мебельного гарнитура…»

В поисках новых форм на стыке документального и игрового кино самый яркий представитель «новой волны» использовал самые причудливые метафоры. Например, анальное изнасилование для него было аналогом презренного общества потребления. Таким образом, Годар, по мнению теоретиков, возводил свой интерес к анусу в забавный ранг критики социальной теории.

Личные мотивы в «Двух или трех вещах» Жан-Люк старательно скрывал. Но в закадровых комментариях он расписывался в своей неспособности уговорить звезду фильма Марину Влади выйти за него замуж: «Раз уж каждое событие изменяет мою обычную жизнь и раз я бесконечно терплю крах в попытке наладить общение… понимать, любить, влюблять в себя…»

Столь необычным, публичным объяснением в любви Марина была смущена, поскольку сама испытывала к Жан-Люку не более чем дружеские чувства.

Правда, в их отношениях однажды возник один пикантный эпизод, который Влади восприняла как неудачную попытку вечного экспериментатора Годара смешать коктейль из несовместимых ингредиентов — реалий жизни и иллюзии кино. Во время просмотра удивительного фильма Сергея Параджанова «Тени забытых предков» (во французском прокате — «Огненные кони») Годар, сидя рядом с Мариной, вдруг нежно поцеловал ее в плечо. Она поняла этот жест как всплеск эмоций, вызванных чувственными кадрами параджановской картины.

Однако несколько недель спустя Жан-Люк Годар в упор спросил Влади: «Ты хочешь выйти за меня замуж? Только ничего не решай сразу. Я буду ждать ответа после твоего возвращения с каникул. Хорошо?» И, помешкав, вручил потенциальной невесте — нет, не тривиальное обручальное кольцо, — это было бы слишком банально. Подарком стала небольшая картина Пикассо.

— Спасибо, Жан-Люк, — улыбнулась Марина. — Я тебя ужасно люблю. Ты — замечательный друг, я счастлива с тобой работать, но ты знаешь, что у меня уже есть спутник жизни и что в любом случае я буду относиться к тебе как к брату.

С тех пор Годар не обращался к Влади ни с творческими, ни с сердечными, ни с какими-либо иными предложениями. К тому же после незадавшейся помолвки между ними возникли серьезные

разногласия (заочные) по «национальному вопросу». Марину покоробили некоторые публичные высказывания Годара, в частности: «Мой дед не был антисионистом, но был ярым антисемитом. Я так же горячо выступаю против сионизма, как мой дед в свое время выступал против евреев». Влади же еще со времен нацистской оккупации оставалась яростной ненавистницей антисемитов и любых шовинистических проявлений.

Будучи натурой деятельной и самостоятельной, Марина всегда стремилась быть в эпицентре общественной жизни: после итальянских демонстраций и митингов, в конце 1950-х уже на родине участвовала в акциях против войны в Алжире. Вместе с сестрами заботилась о беженцах и прятала оружие повстанцев в своем доме. Потом она протестовала против напалмовых атак американской авиации на беззащитных вьетнамцев…

* * *

Так сложилось, что Марина, хотя и являлась самой младшей из сестер Поляковых, с юных лет всегда, будучи прирожденным лидером, верховодила. Стремясь не отставать от старших, ей удавалось достичь большего по сравнению с ними. Но тем не менее мнения и советы сестер неизменно оставались для нее определяющими, самыми главными оценками.

Дочери Поляковых всегда старались держаться вместе, привыкли опираться друг на друга. Девичьи радости и творческие удачи каждой из сестер неизменно становились общими семейными победами. Ведь не случайно общей заглавной буквой псевдонимов сестер — Влади, Версуа, Варен, Валье — была латинская «V», то есть «Victoria» — «Победа»!

Каждая из них, в свой возраст, по настоянию матери занималась классическим танцем, училась в хореографической школе Парижской оперы, была так называемой «балетной крыской», как принято было в той среде определять будущих прим, которых на первых порах привлекали к массовым сценам. Правда, ни одна из сестер Поляковых профессиональной танцовщицей так и не стала.

Татьяна раньше других начала сниматься в кино — впервые она появилась на экране 13-летней девчушкой. Но свой творческий псевдоним — Одиль Версуа — она обрела лишь спустя пять лет, «благодаря заботам» кинорежиссера Роже Лиенхардта. Постановщика фильма «Последние каникулы» как бы все устраивало в исполнительнице главной роли, кроме ее имени

и фамилии. Дремучий русофоб настаивал, чтобы девушка подыскала себе нечто более благозвучное. С именем проблем не возникло: Одиль — так звали героиню любимой Таниной средневековой легенды. Что касается фамилии, то тут пришлось поломать голову. Подсказала «натура»: фильм снимался под Лозанной, вблизи деревушки под названием Версуа. Да здравствует Версуа!

Рассказывая о профессиональных успехах сестры, Марина непременно упоминала, что ее «крестным отцом» был не кто иной, как сам сэр Лоуренс Оливье. В 1952 году, когда Татьяна только начинала делать первые шаги на драматической сцене, в театр из любопытства заглянул выдающийся английский актер. Узнав столь примечательного зрителя, молодые актрисы старались вовсю. Вопреки ожиданиям, сэр Оливье не счел возможным для себя наведаться после спектакля за кулисы и сказать какие-то ободряющие слова начинающим коллегам. Не удостоил… Однако буквально через месяц Таня Полякова получила из Великобритании приглашение на съемки. Только там она с удивлением узнала, что роль ей досталась исключительно благодаря рекомендациям Лоуренса Оливье. Именно с его легкой руки Татьяна затем снялась подряд в шести фильмах британских режиссеров. Кстати, премию Сюзанны Бьянчетти Одиль получила на несколько лет раньше Марины и после шутила, что отныне это их фамильная награда.

С Таней охотно работали ведущие французские кинорежиссеры — Мишель Девиль, Жан Деланнуа, Филипп де Брок и, конечно, Робер Оссейн. Со временем за ней прочно закрепилось амплуа трагической, романтической, хрупкой и элегантной героини. По мнению зрителей и критиков, лучшими работами Одиль стали фильмы «Молодые любовники» и «Картуш».

На театральной сцене первой из сестер Поляковых дебютировала Милица. У нее, как и у Татьяны, тоже сразу возникли проблемы с псевдонимом. Ее древнеславянское имя казалось странным и труднопроизносимым для французских зрителей. Помог случай, а точнее — фамилия героини пьесы, которую она исполняла, — Валье. Вот и весь секрет появления в семье актрисы Элен Валье. Она работала в театре «Ателье» у Андре Барсака, исполняя роль Анны Петровны в тургеневском «Месяце в деревне». Вместе с известными актерами-эмигрантами Поликарпом Павловым и Верой Греч играла в «Вишневом саде», который шел в Париже на русском языке. Кроме работы в театрах «Capucines» и «Tabarin», в знаменитом кабаре «Pigalle», Элен также успешно снималась в кино — в известном фильме итальянского

режиссера Джузеппе де Сантиса «Рим, 11 часов», у Вуди Аллена, Клода Лелюша, Андре Кайатта, все того же Робера Оссейна. Позже преподавала актерское мастерство в консерватории в Сен-Жермен-ан-Ле. После замужества и рождения детей Элен оставила актерскую карьеру, посвятив себя домашним хлопотам.

Ольге Варен в свое время выпало сняться всего в нескольких фильмах. Потом она недолго поработала в театре, но неожиданно для всех увлеклась телевидением. В начале 1960-х годов женщина-режиссер на TV было явлением уникальным. Но она сумела быстро завоевать себе имя. Вместе с кинодокументалистом Жаном Ле Масоном снимала острые и талантливые ленты по разным социальным проблемам, ряд которых, например «Алжирская война», даже запрещался к показу, чем «жертва империалистической цензуры» весьма гордилась и оценивала этот запрет выше любых наград международных кинофестивалей. Но позже Ольга оставила телевидение и вернулась в театр. Играла в инсценировке гончаровского «Обломова», в «Горячем сердце» Островского (на французский пьесу перевел ее муж Михаил Леснов).

Достигнув к середине 1960-х годов пика известности как киноактриса, Марина Влади вновь обратилась к сцене, считая своим большим актерским недостатком отсутствие школы и слишком маленький опыт работы в театре. Разница между кино и театром, по ее мнению, примерно такая же, как между фотографией и живописью. «В кино, — считала Марина, — редко делаешь что-либо интересное, тогда как в театре, независимо от достоинств пьесы, есть еще и контакт со зрителем, складывающийся всегда по-разному, богатый самыми непредвиденными ситуациями…»

Дерзкая идея постановки на парижской сцене чеховских «Трех сестер» с участием сестер Поляковых впервые возникла еще в 1957 году. «Но тогда мы понимали, что творчески еще не созрели для ее осуществления, — самокритично признавала Марина. — Потом съемки в многочисленных фильмах… Но все эти годы мы много думали над чеховскими ролями и образами».

Лишь через несколько лет эта мечта была все-таки осуществлена, во многом благодаря настойчивым усилиям известного театрального режиссера Андре Барсака, кстати, тоже родом из России (актрисы даже называли его Андреем Петровичем).

Спектакль был по-своему уникальным — впервые в истории чеховской пьесы все главные роли исполняли именно родные сестры — Марина играла Ирину, Одиль Версуа — Татьяну, а Элен Валье — Машу. Они отработали в «Сестрах» целый сезон, дав за

год почти 300 представлений, выходя на сцену почти каждый вечер, а по субботам и воскресеньям играя даже по два спектакля. И практически каждый вечер во втором ряду в зрительном зале сидела их мама, любуясь своими талантливыми и красивыми дочерьми, которые по-прежнему оставались для нее девочками. «Я очень рада, — говорила Марина, — и тому, что осуществилась наша мечта, и тому, какой популярностью пользуется у французов Чехов».

Успех «Трех сестер» вдохновил ее, неугомонную придумщицу, на новые совместные с сестрами творческие проекты. Кстати, позже, познакомившись с Владимиром Высоцким, к своему удовольствию, Марина обнаружила, что он тоже всегда предпочитал работать «артельно», в компании близких и родных (пусть не по крови, так хоть по духу) людей.

В 1966 году Поляковы выпустили свою первую пластинку-миньон с записью русских народных песен — «Уральская рябинушка», «Дуня», «Оранжевая песенка» в сопровождении небольшого оркестра — гармошки и балалаек. Чуть позже у необычного семейного квартета появился диск-гигант со старинными русскими и советскими песнями. Прошло еще совсем немного времени — и Марина рискнула уже соло записать на фирме «Шан дю Монд» целый концерт русских колыбельных. Тираж разошелся очень быстро, а работа Влади была отмечена премией академии Шарля Гро.

* * *

…Володька вернулся из Полинезии загорелым, пышущим здоровьем и с отменным настроением, а главное — возмужавшим.

— Как отец? — поинтересовалась Марина у сына, когда чуть-чуть иссяк поток его восторженных впечатлений об этой удивительной земле. Хотя она и без того знала, что ее «авантюрьер» Жан-Клод, по всей вероятности, устав от приключений в воздушном океане, уже с головой погрузился в океан обычный, земной, называемый Тихим. Бруйе удачно продал свою процветающую авиакомпанию, а на вырученные деньги приобрел таинственный атолл во Французской Полинезии.

— Мама! — встрепенулся Владимир. — Ты не поверишь, он живет в настоящем раю! Я никогда не думал, что такое может быть на Земле. Ты видела коралловые атоллы? Это такие островки суши, похожие на огромные бублики, посреди океана. Вокруг вода, внутри вода, а на этот «бублик» садятся самолеты, там живут люди, туристы качаются в гамаках и пьют сок прямо из

кокосовых орехов. А вокруг — голубая, нет, ослепительно-бирюзовая вода…

— Он живет один?

— Нет, у него молодая жена, таитянка. Очень красивая, добрая. Мы с ней подружились и отлично ладили.

— Так чем же занимается отец? Кокосами же сыт не будешь, — произнесла Марина и едва сдержалась, чтобы не рассмеяться над своим нравоучительным тоном.

— Папа? Ну, во-первых, он построил отель на Моореа «Qia Ora», рядом стоит отцовский дом, очень хороший. Но главное его занятие — выращивание черногубых устриц, они правильно называются Pinctada margaritifera.

— Черногубых? Фу, — поморщилась Марина. — А зачем они ему? Они что, съедобны?

— Да не в этом дело! — Володька уже начал потихоньку заводиться из-за маминой непонятливости. — В раковинах живут черные жемчужины.

— Черные жемчужины? Я что-то слышала о таких, но никогда не видела, — задумчиво сказала Марина.

— Вот! — Володя торжествующе шлепнул себя по колену. — И многие еще не видели. А завтра таитянские черные жумчужины завоюют весь мировой рынок, увидишь!

— Ты в этом уверен? — осторожно спросила Марина.

— Да разве только я?! Самое главное — в этом уверен основной папин компаньон — мсье Ассаэль.

— Ассаэль? Сальвадор Ассаэль? Тот самый? Король жемчуга? — удивилась Марина.

— Ну да, он самый!

— Ну, тогда я спокойна. С этим Ассаэлем Жан-Клод точно не пропадет.

Владимир подробно рассказал о знакомстве отца с мсье Сальвадором в Сен-Тропе, где их яхты случайно пришвартовались по соседству. О том, как итальянского бизнесмена поначалу не слишком увлекла идея Бруйе заняться промышленным выращиванием черного жемчуга, который действительно не пользовался спросом, а полинезийская детвора применяла жемчужины в качестве фишек в своих играх. Но Жан-Клоду все-таки удалось убедить возможного партнера в перспективах совместного бизнеса.

Конечно, сразу никто из серьезных торговцев не хотел связываться с реализацией диковинных жемчугов. Но потом Ассаэль предложил лучшие образцы своему старому другу Гарри Уинстону, владельцу известных салонов по продаже драгоценностей, и тот согласился выставить черный жемчуг на

витрины своего магазина на Пятой авеню, для пробы назначив небывало высокую цену. И прием сработал! Черные жемчужины смели подчистую. Покупательниц на Манхэттене главным образом заинтриговала именно цена, и только потом пришло понимание их природной красоты. Зато потом экзотические полинезийские камушки вошли в число наиболее изысканных украшений… Папа контролирует добычу, а мсье Сальвадор занимается организацией рекламной кампании.

Марина с интересом слушала сына, а потом внезапно рассмеялась, словно вспомнив что-то смешное.

— Что, мама?

— Значит, все очень просто: они взяли что-то, представлявшее сомнительную ценность, и превратили это в нечто прекрасное. Помнишь Тома Сойера? Как там писал Марк Твен: «Том смог открыть великий закон, управляющий поступками людей: для того чтобы человек страстно захотел обладать какой-либо вещью, эта вещь должна достаться ему как можно труднее». Вот так и Ассаэль с твоим отцом заставили богатых американцев страстно возжелать таитянский жемчуг и платить за него бешеные деньги…

Володя поднялся из-за стола: «Я сейчас, мам» — и удалился в свою комнату. Через минуту он вернулся и протянул Марине изящную коробочку: «Это — тебе». Она раскрыла коробочку-раковину — на белоснежном шелке лежала черная жемчужина в виде большой капли…

Марина прикоснулась пальцем к кончику носа, веря, что так всегда можно вовремя остановить лишнюю слезу. Вздохнула: «Знаешь, чем подкупить свою мать…» Положила на ладонь теплый, почти невесомый камушек и пообещала: «Володя, я обязательно сделаю себе кулон и всегда буду носить его. Спасибо, дорогой…»

«Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий…»

Мне нравилось, оставшись одному, лечь, зажмурить глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и беспрестанно вызывать в своем воображении то суровое, то лукавое, то сияющее нежной улыбкой лицо, ее молодое тело… ее свежий голос, с неожиданно низкими бархатными нотками… «Во всех ее движениях, в ее словах, — думал я, — есть что-то благородное… врожденная изящная уверенность».

… И некий ореол окружающей ее таинственности…

А. Куприн — «Олеся»

Да разве мог молодой советский актер Владимир Высоцкий противостоять поголовному умопомрачению и куда-то улизнуть, не угодив под божественные чары Колдуньи, когда увидел ее в кино? Только полюбил он не колдунью, а именно ее, земную женщину, Марину. Чуть позже с неподдельным сожалением один из завистливых современников заметит, что Высоцкий своей женитьбой на Марине Влади украл самую заветную мечту всех мужчин Советского Союза. Зато, безусловно, осуществил свою.

Конечно, он был вынужден любоваться, лицезреть ее издалека, видя лишь на экране. Нет, еще и на обложке самого популярного в ту пору журнала «Юность», украшенную литографией долговязого литовца Стасиса Красаускаса: девушка-весна, русалка с распущенными на ветру волосами, похожими на стебли цветов. Да разве мыслимо было не угадать в ней Марину, черты ее живого и теплого лица?!

Безоглядной влюбленности Высоцкого в женщину-миф сочувствовали друзья, осознавая абсолютную безнадежность всех его мечтаний и грез. Никто не верил, что когда-нибудь она услышит обращенные к ней слова не песни, а мольбы:

Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как Мадонной Рафаэлевой!

Над ним подшучивали, а иногда зло посмеивались прямо в лицо: «Кто ты, и кто Она?!» Но он все равно верил и знал, что их встреча неминуемо произойдет и Марина полюбит его. Даже в ее морском имени он ощущал нежный накат неистовой любовной волны и понимал, что все обязательно случится — и тогда увидят все:

Из пены уходящего потока
На берег тихо выбралась любовь…

И ничего, ровным счетом ничего он поделать с собой не мог. Да и чьи головы не кружились, когда Она стремительно продиралась через кустарник, а сквозь разодранное о колючки платье лихорадочно дышала ее властно зовущая плоть?.. Своенравная, вольная дикарка, готовая в любой момент ускользнуть от людей в лесной чащобе, воспринималась как нечто экзотическое, но такое родное, «свое».

Многие считали Высоцкого мистическим человеком, ясновидцем, провидцем, чьи простецкие слова, легкомысленные на первый взгляд намеки сбывались, как вещие сны. А иначе и не объяснить появления имени ее, недосягаемой, в ранней песне Высоцкого о бале-маскараде, сочиненной им задолго до их непосредственного знакомства. Вряд ли благодаря лишь удачно найденной рифме («бригаде — маскараде — зоосаде — наряде — дяди — засаде — параде — Нади — христа ради — Влади»)…

Может быть, удачное расположение звезд? Да нет же. Астрологи полагали, что союз Тельца (Влади) и Водолея (Высоцкий) вряд ли реален. В женщине-Тельце преобладают высшие материнские качества земной Венеры, Богини любви, сошедшей на Землю. Гармония и покой, дом, дети, семья — вот ее приоритеты. А свободный, оригинальный, чрезвычайно независимый Водолей не предрасположен к домашнему очагу. Он постоянно в нескончаемых поисках приключений: творческие планы, друзья, охота к перемене мест, путешествиям в его жизни важнее любой привязанности… Его дом — весь мир, да зачастую у него и нет этого дома.

Только Владимир и Марина звездным законам не подчинялись, действуя вопреки любым обстоятельствам, идя напролом, как в штыковую атаку. Но по шатким лестничным ступенькам.

Во что же они верили? В черную магию, что ли? Не знаю. Будучи в зрелом возрасте, Марина Владимировна нередко

повторяла: «Я не верю ни в Бога, ни в астрологию, ни во что. Я верю в человека. Если он захочет, он все сможет… Даже сдвинуть горы. В этом секрет жизни».

Многое можно, конечно, списывать на случайные совпадения, капризы судьбы. Но как тогда объяснить историю, которая в августе 1968 года приключилась с Владимиром Высоцким в чудном граде Питере?

…В одной из коммуналок на Васильевском острове собралась развеселая молодежная компания. Бородатые геологи, румяные ребята-комсомольцы, загадочный военный летчик, сбежавший из госпиталя, где лежал после ранения на неведомой вьетнамской войне. А украшением были, естественно, загорелые прелестницы-студентки в смелых сарафанчиках.

Девушки, не мешкая, наварили ведро пельменей. Тут же появились разнокалиберные тарелки, вилки, рюмочки-стаканчики. Горчичка, перец, уксус. Явилось и пополнение с пивом и тазиком вареных раков. Не стол получился — праздник! Чего еще душе желать? Было шумно и безалаберно. Кто-то входил, выходил, кто-то просто слонялся. Юная киевлянка Лена Богатырева, гостившая у подруги, обратила внимание на парня в клетчатой ковбойке. Именно он и подкатился к ней, когда она на кухне затеяла гадание на картах.

Подсел, дожидаясь, пока я закончу, вспоминала Лена.

— Погадаешь мне?

— Пожалуйста!

Под шуточки-прибауточки разложила девушка карты:

— У тебя много казенных хлопот, казенный дом, казенные дела. Хлопоты впустую. Но это скоро закончится, потом все будет благополучно…

Еще раз разложила, уже по-другому:

— Выпадает тебе блондинка. Ты ее любишь, она тебя любит…

— Любит?

— Любит, — отвечает Лена. — Все у вас сложится. Она принесет тебе славу и успех…

— Ну, — улыбнулся ковбой, — если все сбудется, я тебя никогда не забуду…

Докурили, вернулись в комнату. Лена — к своему летчику, парень сел рядом, взял гитару и запел. И только тогда до нее дошло, кому гадала!.. А пел он песенку, в которой рефреном звучали строки:

Эта самая блондинка, мной не тронутая.
Эта самая блондинка! У меня весь лоб горит…

Что там Александр Иванович Куприн писал о своей гадалке Олесе? *«Вышло вам вот что: человек вы хотя и добрый, но только слабый… Вино любите, а также… до нашей сестры больно охочи, и через это вам много в жизни будет зла… Деньгами вы не дорожите и копить их не умеете — богатым никогда не будете… Говорить дальше?*

— Говори, говори! Все, что знаешь, говори!»

Вот Лена-Олеся и напророчила…

* * *

Российская столица и провинция стремительно влюбились в Марину Влади, едва увидев ее «Колдунью». А Марина полюбила Москву.

Как-то, слушая рассказы сестры о далекой Москве, Таня-Одиль улыбнулась и по памяти процитировала строки из французского цикла Маяковского:

Я хотел бы жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли —
Москва…

На что Марине ничего не оставалось, как ответить ей словами чеховской Ирины: «В Москву! В Москву! В Москву!» Получилось немножко театрально и смешно.

Воодушевленные московскими успехами Марины, в Россию следом зачастили сестры. Одиль-Татьяна стала почетной гостьей очередного кинофестиваля. Затем у Ольги Варен неожиданно возникла идея своеобразного ремейка ставшей популярной и в Союзе, и в Европе картины «Я шагаю по Москве». В новом фильме, по ее задумке, могли бы сниматься все те же Никита Михалков, Евгений Стеблов и другие молодые московские актеры, но на этот раз уже прогуливающиеся по парижским бульварам…

«Ольга приезжала в Москву, — рассказывал Стеблов. — Мы ее принимали. Нам, конечно, до смерти хотелось 2–3 месяца поработать в Париже. Тогда, в брежневские времена, это казалось почти фантастикой… Как-то, засидевшись в ресторане Дома композиторов, Оля, я и Никита вышли на заснеженную Тверскую

улицу… Вернее, Олю я нес на руках, пока Никита ловил такси. Мы были в приподнятом настроении от водки, мороза и заманчивых замыслов. Я бросил Олю в сугроб, к ее удовольствию. Я чувствовал, что ей это нравится. Что ей хочется чего-то этакого — черт знает чего! Когда сели в машину — Никита рядом с шофером, мы с Олей сзади, я положил ее ноги на плечи водителю.

— Пораспускали бл…й своих! — в ответ буркнул он.

Оля была совершенно счастлива. Ее приняли за свою, за русскую бабу. Она получила то, что желала, а мы — нет. Проект фильма был запрещен на корню».

Ольга подробно рассказывала сестрам о своих московских похождениях, не забывая, естественно, и феерическое посещение Дома композиторов. Марина хохотала. А отсмеявшись, вспомнила и свои маленькие конфузы:

— Представьте сценку: прямо на московской улице покупаю мороженое (весьма, кстати, неплохое). Продавщица почему-то очень подозрительно на меня смотрит и презрительно фыркает. Я ничего не понимаю, отхожу и слышу ее возмущенные слова: «Ишь ты, фря! Под Марину Влади косит! Уродина!»

— Как? — хохоча, переспросила Ольга. — «Косит»? Это идиома? — Что такое, вернее, кто такие «фря» и «уродина», Ольга уже знала.

* * *

…Когда на церемонии открытия V Московского кинофестиваля представляли членов «большого жюри» и Марина увидела среди них Оссейна, она удивилась, но сердце совсем не екнуло. Видно, действительно все чувства остались в прошлом, растаяли и уже не тревожат. Вот и славно.

В перерыве между просмотрами конкурсных лент ее остановил представительный, элегантный джентльмен, церемонно раскланялся, поприветствовал по-французски и тут же, перейдя на русский, принялся шутливо выговаривать: «Грешно, Марина Владимировна, не узнавать старых знакомых, грешно». Марине ничего не стоило мгновенно изобразить комбинацию из целой гаммы чувств. Лица ее сперва коснулась растерянность, легкое недоумение, потом мелькнула извиняющаяся полуулыбка, секундная сосредоточенность — и тут же: «Боже мой, мсье Юткевич![11] Как же я рада видеть вас!»

Сергей Иосифович галантно склонился к руке Марины, потом отвел ее в сторону от гомонящей толпы и предложил пойти в

курительную комнату:

— Вы ведь, помнится, курите?

— Увы, — кивнула Марина.

— Дай бог памяти, сколько ж лет прошло? — вздохнул Юткевич. — 1954 год, Канны, фестиваль, премьерный показ «Перед потопом»?

— Еще бы, — она усмехнулась, — мне ли не помнить?.. Я ведь тогда чуть с ума не сошла…

— И я помню: в ложе рядом со мной сидит очаровательная девочка, даже не девушка еще, а именно девочка, впилась глазами в экран и буквально дрожит от волнения. Я понимаю, что волнуется она по какому-то важному поводу, но по какому именно — еще неясно. А потом начался фильм, в котором одну из главных ролей, оказывается, исполняет моя соседка… Я тогда еще по наивности подумал, что это, наверное, ее дебют, что в пятнадцать-шестнадцать лет снимаются лишь в первой своей картине… А фильм тогда прошел с большим успехом. Марина, вы всем понравилась, и мне в том числе. Помните, мы потом еще разговаривали, по-русски причем. Я вас поздравлял, а потом сказал, что хотел бы снять вас в каком-нибудь из своих фильмов. Помните?

— Как же мы любим жить воспоминаниями… — задумчиво произнесла Марина. — А почему бы не просто жить? У вас еще… не остыло, не потухло, как правильно? — желание снять меня в кино?

— Ну что вы! — мигом среагировал Юткевич. — И не остыло, и не потухло. Напротив — разгорелось еще сильнее. Но, честно сказать, мне не хотелось бы говорить об этом просто так, как бы между прочим. Давайте я вам позвоню, скажем, завтра, и мы продолжим беседу. Вы не против?

— Конечно. Буду ждать.

Сергей Иосифович, возможно, запамятовал, а может быть, врожденная деликатность и воспитание не позволили ему говорить Марине о том, что за ней числился «должок». Ведь во время того же Каннского праздника кино именно он выручил ее в безнадежном конфликте с бдительными и высоконравственными ажанами, не желавшими пускать несовершеннолетнюю девчонку, пусть даже с именным приглашением, на торжественную церемонию вручения призов победителям фестиваля. Члену международного жюри мсье Юткевичу пришлось спасать положение и под свою ответственность провести будущую лауреатку премии Сюзанны Бьянчетти в зал, где их встретил такой шквал аплодисментов, что и премию можно было уже не вручать…

И вот — московская встреча.

Пронырливый киножурналист Семен Черток оставлял за собой авторство авантюрной идеи привлечь Влади к съемкам в картине Юткевича: «Он на мое предложение жутко купился: под французскую актрису можно было сделать совместный фильм, выбить дополнительные фонды…» Так это или нет, но Сергей Иосифович на следующий день позвонил Марине в гостиницу и в двух словах рассказал ей о своем замысле — Чехов и его несостоявшаяся любовь, Лика Мизинова.

Она была в восторге. Любимый писатель… Если бы у нее было право выбора взять с собой на необитаемый остров книгу только одного автора, Марина, не колеблясь, выбрала бы Чехова. И Лика… Конечно же, да!

Потом, уже при встрече, режиссер вручил ей сценарий Леонида Малюгина и целый альбом с фотографиями. Чехов с друзьями, с Ликой, в кругу семьи, Ялта, Мелихово, Москва, вот еще портрет Лики, а это — сестра писателя Маша, это — господин Потапенко, был такой писатель и Ликин ухажер… Любуйтесь, изучайте, фантазируйте. А еще бы я вам рекомендовал непременно перечитать чеховскую переписку. Именно с прицелом на вашу роль.

— Она уже моя?

— Конечно. Все зависит только от вас, Марина. С Госкино все принципиальные моменты я предварительно уже оговорил. Завтра милости прошу к костюмерам, вместе с художником будем выбирать наряды, с вас снимут мерки. Вы, надеюсь, не планируете в ближайшее время худеть или поправляться, нет? Вот и прекрасно. Постарайтесь держать форму. И читайте, читайте, читайте. Как у вас сейчас со временем? Неделя еще есть? Не теряйте времени, прошу вас…

Но можно ли считать «потерянным временем» «Щелкунчик» в Большом театре? Или концерт гениального Аркадия Райкина? Или «Анну Каренину» в мосфильмовском кинозале?.. Анну, конечно, Марина сыграла бы несколько иначе, по-своему, но вот актеры, исполнявшие роли Долли и Стивы Облонских, оказались выше всяких похвал. Узнав, что и Ия Саввина, и Юрий Яковлев будут участвовать в фильме Юткевича, она искренне порадовалась…

Макс Леон, милый, обаятельный и неутомимый московский корреспондент «L'Humanité», добровольно взвалил на себя хлопотные обязанности опекуна Марины и считал своим долгом познакомить ее с самыми яркими местными интеллектуалами. Во время одной из вечеринок в чьей-то роскошной пятикомнатной (!) квартире он подвел к ней худющего, долговязого, относительно

молодого, лет 35, человека:

— Знакомься, это Евгений Евтушенко,[12] сегодня — лучший советский поэт.

Поэт усмехнулся и, неотрывно глядя на Марину, попенял французу:

— Макс, ты щедр, как товарищ Сталин, который в свое время уже награждал Маяковского подобным титулом — «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи». Не надо…

Слово за слово, и вскоре Евтушенко умело перехватил у Леона обязанности московского «гида» Марины Влади. Ведь он знал здесь всех и все, поэт был уверен, знали его. К тому же у Евтушенко была своя машина, что по тем временам было немаловажно. Любое пожелание Марины — и он…

Однажды они ехали по ночным улицам российской столицы, и в порыве внезапной откровенности Марина призналась:

— Ты знаешь, я, конечно, сильная женщина, но мне одной все-таки очень трудно. Я бы так хотела встретить друга, которого смогла бы полюбить и быть с ним вместе. Но сейчас настоящих мужчин так мало…

— Ты что, знаешь эту песню Окуджавы?

— Какую?

— О, сейчас, погоди… Как же там? «Настоящих людей так немного. Все вы врете, что век их настал. Подсчитайте их честно и строго. Сколько будет на каждый квартал?..» Ладно, еще послушаешь Булата. Ты счастливая — тебе это еще предстоит. Я тебе даже завидую. А Высоцкого ты уже слышала?

— Нет.

— Ну-у, — укоризненно протянул Евтушенко. — Он-то как раз и есть настоящий мужчина, мужик. И певец, и актер «Таганки».

— Правда? А меня как раз звали на «Таганку», — сказала Марина. — Говорят, что это самый авангардный театр в Москве.

— И не раздумывай, иди, коль звали. Кстати, Высоцкого недавно вроде в Париж приглашали с концертом, да наши не пустили. Может, ты бы помогла с выездом ему, а? Его песни тебе должны понравиться, уверен.

Высоцкий? На днях она уже слышала от кого-то эту фамилию. Ах да, от того же Макса! Ведь это он твердил:

— Марина, сегодня в Москве один театр — на «Таганке», и в нем — Владимир Высоцкий. Только учти, о нашем «культпоходе» я должен знать заранее, чтобы договориться о билетах через посольство. Иначе на «Таганку» не попасть.

Но ни поэтический спектакль по стихам Маяковского «Послушайте!», ни революционные «Десять дней, которые

потрясли мир» Марину особо не «потрясли». Вряд ли это можно было считать авангардом, на Монмартре ей доводилось видеть «революционеров» и похлеще. Да и вообще, это была не ее эстетика и драматургия. Хотя профессиональная работа некоторых актеров запомнилась…

— Ты не видела главного, — категорически заявила Марине Иечка Саввина, с которой уже довелось близко познакомиться. — Сейчас «Таганка» ставит «Пугачева» Есенина. Вот что нужно обязательно увидеть! И услышать. Я договорюсь.

Ия уселась рядом с телефоном и принялась кому-то настойчиво звонить. Потом торжествующе произнесла: «Все! Не волнуйся, идем, завтра у них прогон… Обрати внимание на Хлопушу».

19 июля 1967 года Влади в сопровождении Саввиной и, конечно же, Макса Леона были на «Таганке». Марина потом рассказывала: «…И я увидела его, этот шквал энергии, — он буквально сбивал с ног… Такая фантастическая энергия, он был прекрасен, просто гигант… Он очень сильно играл…»

Прямо таким, каким был только что на сцене, с голым торсом, весь взмокший после долгой репетиции и от жары, Высоцкий неспешно шел по служебному коридору к своей гримерной комнате, обмахиваясь по ходу клетчатой рубашкой. В закулисье было сумрачно, тихо и, как ни странно, даже чуточку прохладно.

— Володя! — окликнул его знакомый голос.

Он оглянулся: Иечка! И рядом… быть не может! Марина Влади…

«Увидел „колдунью“, — рассказывал счастливый свидетель первого свидания фотохудожник Игорь Гневашев, — чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо-театральным голосом: „О, кого мы видим!..“ Она остановилась: „Вы мне так понравились… А я о вас так много слышала… Говорят, вы здесь страшно популярны“».

Кое-как натянув ковбойку, еще более смущенный и растерянный, Высоцкий широко взмахнул рукой: «Прошу!..» Затем всей кучей сидели в его гримерке, вспоминал Гневашев, пили дешевое сухое вино.

Потом… Что же было потом?

«Кажется, мы поехали в ресторан ВТО, вспоминала Марина, или в какое-то другое заведение. Какая, в сущности, разница? Он подошел — боже мой, нет! — такой простой, маленький, серенький мужичонка, невысокого роста, только необыкновенные, будоражащие глаза… На сцене он меня потряс. А тут я увидела мальчика. Он был совсем никакой. Худенький. Такой… немножко

кругленький… То есть он не был красавчиком, но он был жутко талантлив. На сцене, конечно, он был гигант. А в жизни — совсем незаметный, на улице на такого не обратишь внимания… Володя сел рядом, глаза — в мои глаза. А потом: „Знаете, я люблю вас, и вы будете моей женой“. Такой наглец! Подобное я слышала не раз от многих. И потому лишь улыбнулась и сказала: „Прежде всего, я не свободна. Во-вторых, я этого не желаю…“»

Ну и что? Но его глаза — Боже мой!.. Эти глаза… В них такая потаенная страсть, такая уверенность, такая ярость и такая сила — мужская. Всего этого не было у тех, с кем доводилось встречаться раньше. Такое впечатление, что до сих пор ее окружало повальное слабоволие.

Высоцкий был человеком жеста, бретером. И Марина, как женщина, которая ценит сильных людей, это сразу поняла. Для него же, сразу увидели друзья, любовь к Марине была ураганом, и он не допускал даже мысли быть отвергнутым. Он отсекал всех соперников решительно и быстро, так, как некогда учила его драться улица. Однажды в компанию, где были и Марина, и Владимир, ввалился очень известный в то время киноактер Олег Стриженов и, подвыпив, стал выговаривать Влади: «Ну, что, ну что ты в нем нашла? Ты посмотри, кто он такой — коротышка, алкаш… Вот я — мужик!» Не размениваясь на слова, Высоцкий встал и двумя ударами свалил нахала на пол…

Ударил первым я тогда — так было надо! —

потом пел он, а Марина слушала и улыбалась.

Но там, где под напором барда с хриплым голосом, стремительно набиравшего популярность, сдавались без боя любые крепости, французский форт оставался непоколебим. А это подхлестывало еще больше, и ему было наплевать на нескончаемый шлейф слухов, змеившийся за Влади. И на то, что она якобы приехала в Москву с очередным любовником, каким-то румыном, и на то, что «колдунья» приносила всем своим мужьям несчастья, что первый муж — французский летчик — разбился при посадке, а второй — кажется, югослав или венгр, — погиб не то в горах, не то в океане… Слухи о злом роке и проклятии «белокурой бестии» будоражили, волновали, возмущали, пугали всех, но только не Высоцкого…

Он шалел от любви. Друзья не узнавали своего товарища и волновались за него, он казался им совершенно беззащитным и беспомощным, и все страдания легко читались на его лице. Он ее преследовал, но все было тщетно… Она украдкой просила гостей, откланивающихся под утро из ее гостиничного номера:

— Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и… как это?.. Ломится…

Как во городе во главном,
Как известно — златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Воплотители эпохи,
Лицедеи-скоморохи,
У кого дела не плохи, —
Собралися на банкет…

А ведь вовсе не фантазировал поэт, и вправду был такой банкет — по случаю завершения кинофестиваля развлекались «воплотители эпохи». Едва заиграла музыка, Сергей Аполлинарьевич Герасимов — ох, старый светский лев! — как бы по праву «первой ночи», то бишь старинного знакомства, тут же подхватил Марину под локоток и увлек на танец. Она, уже сменив свое роскошное вечернее длинное платье на что-то легкомысленное, невесомое, из ситчика, кружилась и от души, задорно смеялась…

В этот момент в пресс-баре возник Высоцкий. Именно возник, а не вошел. Он тут же оказался рядом и пригласил Марину на танец. Она протянула ему руку: «да».

— Попалась, — шепнул он ей на ухо, крепко обняв за талию. «Попалась, — с удивлением и тихим восторгом молча согласилась Марина, — ну и что?.. А может, я к этому и стремилась?.. Неужели я влюбилась? Разве можно вот так, с первого взгляда? Наверное, можно. Во всяком случае, что-то со мной происходит…»

И вдруг он попытался поцеловать ее в шею! Она заливается веселым смехом, будучи уверенной, что он поймет: «Но послушайте! Нет! Как же так?!.» А ему кажется, что своими объятиями он уже замкнул вокруг нее мир.

Она прикрывает глаза, чтобы он не увидел в них то, что в них отражалось. Из-под опущенных ресниц наблюдает за ним. Когда он поднял руку, чтобы смахнуть бисеринку пота со лба, тускло сверкнул тонкий ободок обручального кольца. Он заметил ее взгляд.

— Марин, пусть это тебя не тревожит, ладно? — Он посмотрел на кольцо и медленно, с натугой стал стаскивать его с пальца. Кольцо не поддавалось. Владимир упорно продолжал попытки освободиться от него, несмотря на Маринины протестующие жесты. — Мы с женой давно уже просто друзья,

понимаешь? Я знаю каждую ее черточку, ее характер, могу предсказать все, что она думает и скажет через минуту. И она тоже. Мы уже рассказали друг другу все на свете. Наверное, так и должно быть. Но нет того, чтобы нас соединяло. Мы просто привыкли друг к другу…

Ах, как старались лабухи! Танцевальные ритмы гремели без перерыва. Вокруг Марины и Владимира уже вились стайки жаждущих с плотоядным блеском в глазах. Очень вовремя пришли на выручку свои ребята, возглавляемые Левой Кочаряном. Они взяли «свою» пару в плотное кольцо и чужаков в него не допускали. А потом, когда Марине понадобилось на минутку отлучиться в дамскую комнату, Высоцкий, еще тяжело дышавший после очередного рок-н-ролла, хлопнул у стойки бара рюмку водки и сказал одному из друзей:

— Я буду не Высоцким, если я на ней не женюсь.

Как клял себя последними словами поэт Евгений Евтушенко, что занесла его в тот вечер нелегкая куда-то не туда и не довелось видеть самому весь этот праздник в фестивальном пресс-баре! Но воображение все равно позволило ему нарисовать живую картинку: «Володя, как Иван-царевич, подхватил Марину на лету, усадил ее на серого волка, несущегося в запутанной, пугающей, но только не этих двоих чащобе все еще продолжающейся „холодной войны“, а не покоренная доселе никем красавица прижалась к нему, как будто именно его ждала всю жизнь…»

* * *

В назначенный день и час Марину ждали на «Мосфильме». Ажиотаж на студии царил невероятный. «Она вошла — и сразу начали с кинопроб, снимали ее в павильоне, — вспоминал штатный фотограф Борис Балдин. — Я предложил Юткевичу снять ее в ателье… Приготовили много нарядных шляп и костюмов… Пришла Влади, красивая, изящная, любезная… Она сказала: „Ну, заряжай побольше пленки!“… И я сразу увидел настоящего профессионала, понял, что значит западное умение владеть собой перед камерой…»

Дома по ней скучали сыновья, сестры, хворающая мать, отложенные на какое-то время новые театральные и кинопроекты, непрочитанные сценарии, стайка наверняка загрустивших собак, наконец! Пора-пора было возвращаться. Марина исчезала, не давая Высоцкому ни малейшего шанса на успешное продолжение знакомства.

И на бумагу ложились трогательные, печальные и отчаянные строки влюбленного поэта, тоскующего от разлуки:

В душе моей — все цели без дороги,
Поройтесь в ней — и вы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги,
А остальное — Франция, Париж…

История любви Высоцкого и Влади была отмечена летучим, нежным прикосновением невидимой волшебной палочки, магическим знаком невероятности, сказочности и одновременно фатализмом.

Провожая Марину в аэропорт, Юткевич вручил ей книжку с изящной закладкой: «Там — о вашей героине, но и о вас, Марина. На досуге обязательно прочтите». — «Конечно, — обещала она. — Через месяц-другой я буду в вашем полном распоряжении. Главное — чтобы вы успели уладить все ваши бюрократические сложности». — «Клянусь». — Сергей Иосифович приложил обе руки к груди.

В самолете она раскрыла сборник воспоминаний современников о Чехове. Неведомая беллетристка Татьяна Щепкина-Куперник писала: «Лика была девушкой необыкновенной красоты. Настоящая „Царевна-лебедь“ из русских сказок. Ее пепельные вьющиеся волосы, чудесные серые глаза под „соболиными“ бровями, необычайная женственность и мягкость, и неуловимое очарование в соединении с полным отсутствием ломанья и почти суровой простотой — делали ее обаятельной, но она как будто и не понимала, как она красива…»

«Я знаю, что это — ты…»

Поэт — а слово долго не стареет —
Сказал: «Россия, Лета, Лорелея…»
Россия — это ты, и Лета, где мечты.
Но Лорелея — нет! Ты — это ты!

В. Высоцкий

Дома она пристально, с неосознанной и невнятной ревностью сравнивала портреты Лики Мизиновой со своими московскими фотографиями в нарядах конца XIX века. Конечно, на эту женщину наверняка засматривались мужчины. Она вспомнила Чехова, который почти всерьез говорил, что зимой в Мелихово зайцы взбираются на сугробы и заглядывают в окна, чтобы полюбоваться на гостившую в доме Лику…

Перечитывая чеховскую переписку с Мизиновой, Марина чувствовала: «Я сама влюбилась в Лику… Мне понятен ее внутренний мир, ее отношение к Чехову. Человек, который в течение многих лет был рядом с Антоном Павловичем, был духовно близок ему, не мог быть незначительной, неинтересной фигурой. В этом трудность и достоинство роли…»

— Таня, вот послушай:

«Милая Лика… Приезжайте, милая блондиночка, поговорим. Поссоримся; мне без Вас скучно, и я дал бы 5 рублей за возможность поговорить с Вами хотя бы в продолжение пяти минут… Приезжайте же к нам, хорошенькая Лика, и спойте. Вечера стали длинные, и нет возле человека, который пожелал бы разогнать мою скуку….»

— А вот она, хитрющая, пишет ему:

«…О *Вас там говорили как о божестве, особенно прочтя „Мою жизнь“!.. Ну напишите же побольше про себя. Говорят, Вы теперь толще меня. Значит, красивы?.. Когда же Ваша свадьба? Мне здесь покоя не дают с этим! И где Ваша невеста? А все-таки гадко, с Вашей стороны, не сообщить об этом такому старому приятелю, как я… Напишите же, не будьте с…ей. Прощайте, жму Ваши лапы и остаюсь все та же Ваша Лика».*

— И снова Чехов:

«Милая Лика, Ваше сердитое письмо, как вулкан, извергло на

меня лаву и огонь, но, тем не менее, все-таки я держал его в руках и читал с большим удовольствием. Во-первых, я люблю получать от Вас письма; во-вторых, я давно уже заметил, что если вы сердитесь на меня, то это значит, что Вам очень хорошо.

Милая, сердитая Лика, Вы сильно нашумели в своем письме… В жизни у меня крупная новость, событие… Женюсь? Угадайте: женюсь? Если да, то на ком? Нет, я не женюсь, а продаю Марксу свои произведения… В Париж: я поеду, собственно, затем, чтобы накупить себе костюмов, белья, галстуков, платков и проч. И чтобы повидаться с Вами, если Вы к тому времени, узнав, что я еду, нарочно не покинете Париж:, как это уже бывало не раз. Если Вам почему-либо неудобно видеться со мной в Париже, то не можете ли Вы назначить мне свидание где-нибудь в окрестностях, например, в Версале?..»

(И я хочу назначить Володе свидание где-нибудь под Парижем, в том же Versailles, тихо, улыбаясь сама себе, подумала Марина. Или у нас, в Maisons-Laffitte. Почему бы и нет?)

«…Нет, милая Лика, нет! Без вашего позволения я не женюсь, и прежде чем жениться, я еще покажу Вам кузькину мать, извините за выражение…»

«…Не могу без тебя жить» — «Что за мерлихлюндия?»

— А как ты думаешь, Марина, — Таня с интересом посмотрела на сестру, которая, читая ей фрагменты переписки, сама витала где-то далеко, вне этой комнаты, — почему они, Чехов и Лика, так и не стали любовниками, ну в прямом смысле слова?

— Ума не приложу. Я сама над этим голову ломала, но так ни к чему и не пришла… Думаю, он не был влюблен сексуально. Он не был любовником. По-моему, Чехов был очень одиноким человеком. Может быть, у него были какие-то проблемы в отношениях с женщинами, не знаю… Хотя несколько раз Антон Павлович все-таки собирался жениться. Но ставил условия. Секунду, сейчас найду. Ах, вот, слушай:

«Если вы хотите, женюсь, но все должно быть, как было до этого. То есть она должна жить в Москве, а я в деревне. Я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается каждый день от утра до утра, я не выдержу… Дайте мне такую жену, которая, как луна, будет являться на моем небе не каждый день».

А Лика была девчонкой. Их любовь была не взаимная, вернее, взаимная, но как бы по очереди. То Лика предпочитала переписку «все полунамеками», то Чехов кем-то был увлечен. Когда она его упрекала, он с обычной своей иронией ей отвечал: *«Вы выудили из словаря иностранных слов слово „эгоизм“ и угощаете меня им в каждом письме. Назовите этим словом Вашу собачку»*… Но все

равно она была его Музой. У «Попрыгуньи» — внешность Лики, у Нины Заречной в «Чайке» — ее характер… Но мне кажется, Чехов был, вероятно, довольно трудный человек в жизни. Но — очаровательный, добрый, тонкий, интеллигентный… Чистый гений. Для меня он был и будет на одном уровне с Шекспиром… Вот так!

Дома Марина быстро, почти в один присест, сама перевела на французский малюгинский сценарий, стала раздумывать, кому из более-менее серьезных продюсеров его доверить. Одним из первых откликнулся Ив Чампи,[13] который тут же согласился частично профинансировать необычный советско-французский кинопроект.

Чутко уловив пробуждающийся интерес, Марина решила пригласить в Париж драматурга, чтобы свести его накоротке с влиятельными кинобоссами, уточнить характеры отдельных героев, проработать некоторые, прежде всего парижские, эпизоды, возможно, даже добавить какие-то сцены. Марина даже придумала лирическое объяснение на Эйфелевой башне. Позвонила в Москву, но Юткевич тут же огорошил печальной вестью: Леонид Антонович Малюгин[14] позавчера, 20 января, увы, скончался…

Оговаривая условия будущей совместной работы, Марина вовсю фантазировала: «Консультантом по исполнению романсов непременно должна стать моя мама, которая очень хорошо помнит стиль того времени. Она очень хочет приехать, но ей трудно по возрасту совершать такие путешествия. Но все-таки, может быть, она соберется… А вот своих двух сыновей я бы очень хотела определить на лето в пионерский лагерь под Москвой, чтобы они говорили только по-русски».

Нет проблем, заверяли Влади администраторы картины, все будет сделано по высшему разряду: и маму оформим консультантом, и даже заплатим, и парней в лагерь определим. Только приезжайте поскорее, подготовительные работы уже в разгаре, все исполнители главных ролей утверждены, шастаем по Подмосковью, выбираем места для натурных съемок. Поторопитесь, погода уходит, не ждать же следующей зимы…

* * *

В феврале 1968 года Марина наконец появилась на заснеженном московском горизонте. Буквально через пару дней она сообщает в Париж: «Я начинаю работать, жизнь устраивается. Живу в гостинице „Советская“, бывшем „Яре“, где пировал еще

мой дед. У меня роскошный номер с мраморными колоннами, роялем и свежими цветами…»

Но главное — работа. Ее знакомят с будущими партнерами по фильму. С Иечкой Саввиной они встречаются уже как лучшие подружки. На Юрия Яковлева, который должен будет играть поклонника Лики, Потапенко, Марина, кроме «Карениной», успела посмотреть еще и в его Театре Вахтангова. Ну что ж, весьма… Очень необычным ей показался стремительный, взрывной Ролан Быков… Ромен Роллан? Странные все же встречаются имена.

Только перед встречей с Николаем Гринько,[15] которого Юткевич отобрал на роль Чехова, она заметно нервничала. И напрасно! Даже без грима, без этой бородки и пенсне он был поразительно похож на Чехова. И не только внешне. Мягкий, тактичный, интеллигентный, ироничный, предупредительный, добрый, сторонящийся шума и толпы, более всего боящийся причинить неудобства другому… И глаза! Искренние, теплые, насмешливые. Еще десяток, если не больше, самых разных, прекрасных эпитетов сразу вызвал у нее этот человек с глуховатым голосом и легким, почти незаметным и милым (южнорусским, объяснили Марине позднее) говорком.

Она тут же попросила позволения обращаться к нему «НиГри» — так проще и, можно сказать, интимнее, доверительней. Николай Григорьевич был смущен: «Что за внимание к моей скромной персоне?» и безропотно развел руками: «Как вам будет угодно…» Улыбка у него была совершенно очаровательной.

«С ним я чувствовала себя тепло и уютно, — говорила Влади. — Гринько был очень спокойный… Внутри он, может быть, был и бешеный, как мы все, но этого не показывал. Замечательный партнер…» Супруга «НиГри», скрипачка Айше Чулак-Оглы, постоянно сопровождавшая мужа, уверяла, что и ее «Коле Марина очень нравилась. Он ее обожал и боялся. Рассказывая о съемках, он каждый раз прибавлял к ее портрету что-то новое: то она невероятная умница, то восемь языков знает, то необыкновенно проста и вместе с тем демократична… А однажды притащил мне от нее подарок: лучшую в мире канифоль „Пирастро“ для моей скрипки!..»

Влади долго не могла приноровиться к стилю работы советских коллег: «Девять месяцев съемок, холодная зима. Мы работали страшно медленно. Вначале это меня удивляло. И даже раздражало. В субботу — выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром… И только когда я поняла, что такое время „по-русски“, мне стала ясна такая манера работать. Время — это не деньги: человек видит перед собой вечность…»

А пока Сергей Иосифович Юткевич долго и придирчиво выбирает натуру для съемок. Недалеко от Внуково по его эскизам выстроили дощатый павильон «Станция Лопасня» рядом с заброшенной узкоколейкой. На время загородных съемок киногруппа оккупировала обычные крестьянские избы, где Айше усердно жарила домашние котлетки для актеров, и Марина представляла себя мелкопоместной барынькой конца девятнадцатого века. Хорошо… А Курск, это далеко? Близко? Там у бабушки когда-то была усадьба…

Потом режиссер потребовал от своих ассистентов найти что-нибудь похожее на «колдовское озеро», которое являлось одним из действующих лиц чеховской «Чайки». Озеро нашли неподалеку, возле пансионата «Узкое». Лирическое объяснение Лики и Чехова снимали на опушке березовой рощи около шоссе на Домодедово. Все было так красиво: костюмы, позы, хоровод белых стволов, два дерева на первом плане — безмолвные свидетели первого поцелуя…

Но тут у бедного «НиГри» возникли проблемы — любовный эпизод ему не давался. Перед камерой Гринько робел, Марина тоже. К тому же «Антону Павловичу» предстояло как можно элегантнее забраться под интригующе широченные поля шляпы Марины и поцеловать ее именно по-чеховски, точнее, так, как видел это Юткевич: слегка смущенно, но в то же время страстно. Домашние репетиции с женой «НиГри» не помогали.

При просмотре рабочего материала Саввина, игравшая властолюбивую сестрицу писателя, не на шутку возмутилась, так и не сумев до конца выйти из образа:

— Гринько, ты что, не умеешь целоваться?!. Ну что это за поцелуй?!! Тебя поучить?

Узнав о терзаниях «НиГри», Марина рассмеялась: «Я ему сама помогу!» Перед очередным дублем она отозвала Гринько в сторонку и, как заклинание, полушепотом прочитала ему кусочек из чеховского письма Мизиновой:

«Ах, прекрасная Лика! Когда Вы с ревом орошали мое правое плечо слезами (пятна я вывел бензином) и когда ломоть за ломтем ели наш хлеб и говядину, мы жадно пожирали глазами Ваши лицо и затылок. Ах, Лика, Лика, адская красавица! Когда Вы будете гулять с кем-нибудь или будете сидеть в Обществе и с Вами случится то, о чем мы говорили, то не предавайтесь отчаянию, а приезжайте к нам, и мы со всего размаха бросимся Вам в объятия. Когда будете с Трофимом, то желаю Вам нечаянно выколоть ему вилкой глаза. Вам известный друг Гунияди-Янос».

— Вы знаете, кто такой Гунияди-Янос, милый «Антон Палыч»? — строго спросила партнера Марина.

— … — отрицательно качнул головой Гринько.

— Должно быть стыдно. А еще великий писатель. Это — минеральная слабительная водичка, очень популярная в чеховские времена.

Они расхохотались и без малейших замечаний со стороны режиссера сыграли свою сцену.

Порой Марину ставили в тупик не только сугубо «национальные особенности» производственного кинопроцесса, но и иные странности бытия: «Разбудить приятеля в три часа ночи, прийти к нему выпить только потому, что на тебя „нашла тоска“ — они не считают ни невежливым, ни чем-то исключительным. Найдут время, чтобы выслушать — столько, сколько нужно… Ну где вы еще найдете такую открытость и доброжелательность друг к другу, как в России?!.

Но за 8–9 месяцев Россию невозможно познать. В ней столько привлекательного, сколько и варварства, порой отвратительного».

* * *

Еще одно открытие сделала Марина: в российской словесности есть замечательный глагол — «домогаться». Иного не подберешь, ибо ее в Москве на самом деле упорно домогались. Поклонники следовали за ней буквально по пятам. Имя им — легион.

За французской кинозвездой увивались самые знаменитые, самые модные, самые стильные в ту пору кинорежиссеры, актеры, поэты, писатели, художники, которые давно были избалованы тем, что это к их ногам снопами с восторгом валятся юные и зрелые, да какие угодно! — поклонницы, а вовсе не наоборот. В случае же с Мариной им самим приходилось вспоминать подзабытые амурные приемчики юных лет, пыхтеть и напрягаться, изображая из себя если не суперменов и плейбоев, то хотя бы «граждан земного шара». Многоопытный Сергей Юткевич, наблюдая всю эту праздную суету, с лукавой усмешкой повторял: «Марина, здесь у ваших ног и лучшая проза, и лучшая поэзия, что вы еще хотите?..»

А что она? Она умело держала дистанцию, стихотворным посвящениям вежливо аплодировала, комплиментам художников и режиссеров внимала, благосклонно кивая, всем мило улыбалась, но хранила свою независимость, оставалась полностью самостоятельной в оценках, мнениях и поступках.

Многие отмечали, что Марина мастерски владела умением поставить человека на место одним взглядом. Даже говорить ей

ничего не приходилось. Она просто внимательно смотрела на человека, и малосимпатичный, неприятный, хамоватый или подвыпивший субъект тут же ретировался со словами: «Все, все, все… Понял, понял, понял…»

Но пока все в России ей безумно нравится и порой кажется забавным. «В Москве я живу в среде художников, артистов, писателей, — сообщает она парижским друзьям. — Все знают друг друга, часто встречаются, беспрестанно обмениваются мнениями… Это мое счастье: я всегда любила принимать у себя веселую банду друзей… По-русски говорят — „компания“, что гораздо красивее… Часами оставаясь вместе, не скучают, философствуют за стаканом вина (это чисто по-русски), потом гитара, песня…»

Бывалый сердцеед со станции Зима Евгений Евтушенко очень скоро понял: «Марине, видимо, требовалось, чтобы около нее были какие-то люди, которые смотрят с обожанием, как-то ей помогают, развлекают и так далее…» Тем и оправдывал свое постоянное местонахождение рядом с ней: «…Учил по вывескам и плакатам читать по-русски, хотя разговорным языком она владела неплохо». Ее рассмешила надпись при въезде в темный тоннель под площадью Маяковского: «Коммунизм неизбежен. В.И.Ленин», и она с недоумением и отталкивающим чувством от неприятного звука, присущим актерам, еле-еле выговорила аббревиатуру КПСС.

— Но ведь это же явно звучит СС, — простосердечно сказала она.

Что касается евтушенковского «и так далее», то Марина действительно нуждалась, но не столько в «обожании», сколько в дружеской поддержке и участии.

Однажды среди ночи она позвонила:

— Женя, ты можешь сейчас же поехать со мной в пионерский лагерь, чтобы забрать моего сына? Не знаю, что там случилось, но этого требует директриса. Она говорит, что у него нервный припадок.

— Поехали…

Когда они примчались в лагерь, мальчик сидел в комнате вожатых, затравленно забившись в угол. Увидев мать, бросился к ней на шею в слезах. Черные подусники директрисы гневно вздрагивали:

— Наши ребята всего-навсего хотели повеселить вашего сына, не лучшим, правда, способом, но от чистой души. Они поймали лягушку и стали надувать ее велосипедным насосом. Ну, лопнула она — мало ли что бывает?..

Марина схватила сына за руку и бросилась к двери.

Полдороги она проплакала. Когда мальчик уснул, она начала вспоминать, как ее маленькие парижане, оказавшиеся в этом лагере, удивлялись, но все же не сопротивлялись повязыванию им на шеи красных галстуков, а потом, через пару дней, в «родительский день», порадовали: «Мама, а тут про тебя ребята песню поют:

Я платье, говорит, взяла у Нади.
Я буду нынче, как Марина Влади…

— Что это за песня, Женя, не знаешь?

— Автор — Высоцкий. Я тебе о нем уже говорил. Иван-царевич с гитарой».

Затем у некстати зазевавшегося поэта перехватил инициативу молодой и довольно популярный в ту пору прозаик Анатолий Гладилин[16] и немало в том преуспел: «Когда мы с Мариной где-то появлялись, я же видел, какой ажиотаж вокруг начинался. Помню, когда я впервые привел ее в ресторан ЦДЛ, по всему ЦДЛу тут же пронеслось: „Посмотрите, в Пестром зале сидит Гладилин в своем старом свитере, а рядом с ним — Марина Влади!..“»

Маршрут их странствий по столице был строго выверен: студия «Мосфильм» — гостиница «Советская» — приятное времяпрепровождение в очередной интересной компании. То у Григория Горина, который еще не был знаменитым драматургом, но зато славился хлебосольством и умел устраивать для дорогих гостей настоящий грузинский ужин. То у друзей-физиков. Затем у молодых художников-модернистов. И Марине, полагал Гладилин, всюду нравилось. А назавтра все повторялось сначала. Но в один из вечеров Марина сказалась усталой и предложила:

— Знаешь, Толя, давай сегодня никуда не пойдем. Я понимаю, что ты меня все время водишь по каким-то местам, развлекаешь, но давай просто пойдем в ресторан и тихо поужинаем. Я даже переодеваться не буду. Ладно?..

У входа в ресторан им преградил путь строгий швейцар: «В брюках нельзя». Подоспевший метрдотель подтвердил: «Не положено!» — «Да вы знаете, кто перед вами?» — «Да, знаю. Это Марина Влади. Но в брюках все равно никак нельзя». Потом, отведя настырного писателя в сторону, мэтр шепотом объяснил: «Вышло постановление Моссовета — в брюках дамам запрещено… Через месяц мы, конечно, все это забудем, примем с дорогой душой. Но сегодня… Поймите, меня с работы снимут.

Уговорите Марину подняться в номер (она же, я знаю, здесь живет), переодеться — и…»

В номере с Мариной случилась истерика, она орала на ни в чем не повинного Гладилина: «Как ты можешь жить в этом фашистском государстве?!! Фашистские законы! Фашистские запреты!..»

Но потом, когда они, вместе с присоединившимся Аксеновым, [17] уже хорошо сидели втроем в хорошем месте и смотрели на Марину хорошими, влюбленными глазами, она вдруг заявила:

— Толя, Вася, если бы вы знали, как мне хорошо с вами! Только я одно не могу понять — почему вы оба такие антисоветчики? Вы живете в прекрасном мире социализма и все время его критикуете! Что вам здесь не нравится?

Далее она на все лады стала клеймить жизнь на Западе, где можно заработать, только если тебе суют деньги в конверте под столом, а иначе все съедают налоги. Им хватило ума не спорить о политике с красивой женщиной. Но Марина не унималась, рассказывая о майских событиях в Париже.

— Мы создали кооператив актеров и технического персонала, защищаем свои права. Ведь нас эксплуатируют нещадно, вы себе представить не можете, мальчики! Я даже недавно вступила в компартию. А что вы так смотрите? Да, я всегда придерживалась левых взглядов… И не меняюсь в этом смысле… Я всегда за бедных и за людей, которых тюкают. Нет, я не гош. Я — ультрагош. Я больше гош, чем коммунисты. Коммунизм — прекрасная идея, хоть и утопия. Я утопистка. И я люблю людей. Думаю, люди могли бы жить по-другому, если бы их по-другому воспитывали…

Хороший был вечер, во время которого молодые писатели также узнали, что сидят за одним столом с вице-президентом Общества франко-советской дружбы.

(Годы спустя «товарищ Марина Влади» с улыбкой вспоминала о своем партийном прошлом: «Состояла во французской компартии две недели. Больше не выдержала. Два раза была на заседаниях партийной ячейки и поняла, что не могу. Они все были такие сталинисты! Это было в июне 1968 года, когда целая группа кинодеятелей пошли в компартию, чтобы как-то изменить критическое положение в стране. Только мы ничего не смогли сделать. Партия потом скончалась сама по себе, а в итоге повезло Высоцкому — если бы я не состояла в компартии, меня бы не пускали в СССР так часто… Надеюсь, что меня любила не только советская власть, но и простые люди. Мне, конечно, приходилось очень много возиться с тогдашними чиновниками-бюрократами, чтобы Володю выпускали, давали визы. В отличие от него, меня

никогда не унижали…»)

Василий Аксенов, как и Гладилин, тоже был «шармирован» Мариной Влади. Те свои незабываемые, *сногсшибательные* впечатления стареющий «шестидесятник» не считал вправе хранить только в себе, и в своем обжигающем «Ожоге» он воспел осанну ей, единственной и недосягаемой:

«О, *Марина Влади, девушка Пятьдесят Шестого года, девушка, вызывающая отвагу! О, Марина, Марина, Марина, стоя плывущая в лодке по скандинавскому озеру под закатным небом! О, Марина, первая птичка Запада, залетевшая по запаху на оттепель в наш угол! Стоит тебе только сделать знак, чувиха, и я мигом стану тем парнем, способным на храбрые поступки, подберу сопли и отправлюсь на край света для встречи с тобой. О, Марина — очарование юности, лес, голоса в темных коридорах, гулкий быстрый бег вдоль колоннады и затаенное ожидание с лунной нечистью на груди…»*

А она? «Марина подарила мне классную трубку, — утешался писатель. — Я очень долго с ней ходил».

Влади была желанной гостьей в великосветских (по-советски) и номенклатурных московских домах и усадьбах. В писательском поселке Переделкино на своей даче ее принимал Валентин Петрович Катаев. Визит не был «плановым» — шутник Гладилин сымпровизировал, и застигнутый врасплох классик, увидев Марину, засуетился, развел костер, сразу набежал народ, заявился сам Евгений Александрович… «В тот день, — вспоминал Гладилин, — я возил Марину на стареньком „Москвиче“… И вот в самый разгар веселья сказал, что уже ночь, а я должен передать машину маме, извините, ребята, я Марину увожу. Евтушенко завопил: „Никогда не оставлю Марину Влади наедине с Гладилиным! Еду с вами!“ Завалились втроем к моей маме, которая… гостей не ждала. Спиртного в ее доме отродясь не водилось, и она напоила нас чаем. Марина была в восторге и потом часто мне повторяла: „Какая у тебя замечательная мама!“»

Далее неведомые пути-дорожки привели на Николину гору, в «родовое имение» Михалковых. «Никита купил барана по случаю у деревенского парня, — рассказывал оказавшийся тут же актер Евгений Стеблов. — Шашлык восхитительный получился в камине — словно в горах среди бабочек и цветов… Марина, обаятельная, рассудительная, в очках, совершенно не походила на свою „Колдунью“… Завели музыку. Твист. Марина предложила мне танцевать. Я сказал: „Не хочется“, потому что стеснялся. Марина, похоже, не привыкла, чтобы ей отказывали, и самолюбиво, по-женски употребила на меня специальное время. Я сдался и твистовал вместе с ней как мог. Спать разошлись далеко

за полночь.

Поутру завтракали на веранде: Никита, я и Сергей Владимирович. Несколько позже появилась Марина… За столом все молчали… Наконец заговорила Марина:

— Как вы можете, Сергей Владимирович! Вы — известный писатель, общественный деятель. В Европе, вообще в цивилизованном обществе это выглядит дикостью! Антисемитизм — дикость и атавизм! Вы антисемит!

Сергей Владимирович был явно ошарашен… После ее ухода он еще помолчал некоторое время, а потом сказал:

— Во то-то-то-то же. Приехала — ест, п-п-п-пьет и еще оскорбляет!

Позже выяснилось, что столь резкий выпад Марины объяснялся каким-то нелицеприятным высказыванием Сергея Владимировича во французском посольстве в адрес Лили Брик…»

Всякие случались встречи в «городе, во главном» и его окрестностях.

* * *

Ну, наконец-то Милица Евгеньевна дает согласие на поездку в Россию. Марина летит за ней, и вскоре они прилетают в Москву.

«Несколько раз я предлагала маме меня сопровождать, чтобы показать ей открытую мною Россию, — говорила Марина. — Пришлось настаивать. Я столько ей рассказывала о России, что в конце концов удалось ее убедить. Я постаралась сделать это путешествие как можно более комфортным, и она смогла увидеть самое интересное. Мы устраивали приемы в отелях, она была счастлива и польщена, что меня знают и любят… Художники, поэты, писатели, актеры каждый день собираются у меня в гостиничном номере, как в модном салоне…»

В один из таких вечеров на пороге появляется Высоцкий, на глазах у всех целует Марину и сжимает ее в объятиях. Улучив минутку, несколько шокированная мама шепчет дочери: «Очень хороший мальчик… Какой милый молодой человек, и имя у него такое красивое…»

По приезде в Ленинград мама узнала город. Он ей казался таким же, как и прежде. Вот улицы, по которым когда-то ходила, вот дома, в которых бывала. Мама, потерявшая свое прошлое — часть семьи погибла во время ужасных революционных событий, — имела право отрицательно отнестить ко всему увиденному в новой России, которая стала для нее чужой. Но она не проронила ни одного худого слова, только сказала: «Я все

простила…»

Институт благородных девиц для нее навсегда оставался святой alma mater. Еще в 1964 году Милица Евгеньевна вместе с дочерьми активно помогала зарубежному Союзу смолянок в организации и проведении торжеств по случаю 200-летия своего легендарного института.

«Мы гуляли по Смольному, — с легкой иронией рассказывала Марина, — а вся коммунистическая партия за нами ходила следом, слушала мамины рассказы о том, как она танцевала перед императрицей… Они слушали, они были в восторге…»

А на выходе гостей из Франции окружила толпа. Некоторые узнали Марину, откуда-то появились цветы. Какой-то мужчина подошел к Милице Евгеньевне, вручил ей розу и сказал: «Мы благодарны вам, что вы подарили нам Марину».

* * *

Съемки «Сюжета…» между тем продолжались. Во время репетиции одной из сцен в павильоне, как всегда, неожиданно возник Высоцкий, только-только прикативший из долгой киноэкспедиции где-то в Сибири. Увидев его, Марина восклицает: «А вот и мой паренек!»

Отныне они видятся каждый день. Высоцкий возобновляет осаду гордой французской крепости по имени «Марина Влади». Это ему дорого обходится, и самые крупные счета предъявляла «Таганка», ведь театральный сезон уже начался и на ведущем актере замкнут чуть ли не весь репертуар. Перед Юрием Любимовым за Высоцкого хлопочет Сергей Юткевич, говоря, что это он сам во всем виноват, недоглядел, не удержал, Юрий Петрович, ну ты сам понимаешь, как это бывает… Словом, нес вздорную, прелестную чепуху.

Марина уже признавала: «Теперь мы так близки с тобой, что просто дружбой это уже не назовешь…» Он поет, она смотрит на него и понимает: «Я знаю, что это — ты…»

«Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!»

— предлагал своей возлюбленной поэт. Первым «раем» для них оказался роскошный (по тем временам) appartement — квартира семейства Абдуловых в самом центре Москвы в большом старом доме, стены которого мог бы успешно заменить иконостас мемориальных досок знаменитых жильцов.

«Мы, — вспоминала Марина, — тут в первый раз вместе жили, как говорится. И Севочка[18] одолжил нам свою комнату… Мы обедали… И я говорю ему: „Я остаюсь с тобой“. От радости он безумствует. Я тоже. И так тихая любовь становится страстью. Я действительно встретила мужчину моей жизни… Мне всегда думалось, что в мужчине я искала своего отца. И вот в Володе есть что-то от бесконечной преданности, одаренности, от личности исключительно общей с моим отцом…»

Позже они не раз пользовались гостеприимством Абдуловых. В таких случаях поздним вечером Сева, как правило, деликатно исчезал, договариваясь о своей ночевке у кого-то из приятелей, а Марина с Владимиром уединялись в его маленькой комнате. Утром мама Севы, тактичная Елизавета Моисеевна, красивая пожилая дама, говорившая на французском языке прошлых времен, старалась никоим образом не побеспокоить гостей, ставила у дверей на маленький столик уже готовый завтрак и тихонько, почти шепотом говорила: «Доброе утро!» Марина называла ее Елочкой, а Володя — мамочкой.

Именно там, в абдуловском доме на улице Горького, в следующем году случилась трагедия, позже подвигнувшая Андрея Вознесенского на написание «Реквиема оптимистического», посвященного некоему «Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу»:

> За упокой Семенова Владимира
> коленопреклоненная братва,
> расправивши битловки, заводила
> его потусторонние слова…
>
> . . . . . .
>
> …О златоустом блатаре

рыдай, Россия!..
Какое время на дворе,
таков мессия…

«Тогда впервые приехали в Москву все сестры Марины со своими мужьями, — рассказывал хозяин дома Всеволод Абдулов. — Была радостная встреча. Были друзья, был замечательный вечер. Володя поет, потом куда-то выскакивает. Я смотрю на Марину. Марина вся белая. И тоже не понимает, что происходит. Потом включились сестры как родные, они тоже что-то почувствовали. А он все время выскакивает и выскакивает. Я за ним. Он в туалет, наклоняется: у него горлом идет кровь. Ну, таким бешеным потоком. Я говорю: „Что это?“ Он говорит: „Вот уже часа два“. Он возвращается, вытирается, садится. Веселит стол, поет, все происходит нормально. Потом все хуже и хуже. Вызывают „Скорую помощь“, кто-то уводит гостей…».

«Врач сказал: „Ничего, пусть он полежит немножечко, и все пройдет“, — продолжала рассказ Абдулова Марина. — Но это „все“ не проходило, кровь у него текла и текла. И в конце концов я сказала, что его нужно в больницу, это невозможно, у него пульса нет уж больше. И мы его провели через коридор, его выносили мальчики, с которыми я жутко разругалась, потому что они не хотели уже его брать. Я им устроила скандал, и они его взяли все-таки. Приехали в Склифосовского — и 18 часов откачивали…»

Позже навестивший друга Валерий Золотухин записывал в своем дневнике: «… был у Высоцкого с Мариной. Володя два дня лежал в Склифосовского… Лежал без сознания, на иглах, уколах. Думали: прободение желудка, тогда конец. Но, слава богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял, и долили ему чужой… Он чувствовал себя „прекрасно“… но говорил шепотом, чтоб не услыхала Марина… Володя в белых штанах с широким поясом, в белой, под горло, водолазке и неимоверной замшевой куртке. „Марина на мне…“ — „Моя кожа на нем…“»

* * *

Вернувшись поздним вечером после спектакля, Высоцкий прямо с порога начал со свежего анекдота:

— Марин, вот послушай, что означает для русского человека драма, комедия и трагедия. Борька Хмель сегодня рассказал. Так

вот, драма: есть где, есть чем, но не с кем. Комедия: есть с кем, есть чем, но негде. Трагедия: есть где, есть с кем, но нечем!!! Ну а почему ты не смеешься?

— Ах, ну да, у нас же с тобой получается комедия.

— Именно. Как у Антона Павловича. «Вишневый сад».

— Тогда ты — чеховский «злоумышленник»!

…Впервые услышав о лукоморском колдуне, который «врун, болтун и хохотун… и знаток дамских струн», Марина захлопала в ладоши и сказала Высоцкому, что это он о себе поет… Вообще, говорила она, «Я очень любила его юмор и считаю, что в человека, который может рассмешить, очень легко влюбиться. То есть это очень сильное качество у мужчин, чтобы, целуя его, вместе можно было бы смеяться».

Хотя в ситуации с «квартирным вопросом» им было как раз не до смеха. Вкусив все прелести совместного проживания с мамой Владимира, Ниной Максимовной, в двухкомнатной квартирке в Черемушках, они спешно стали подыскивать себе хоть какую-то мало-мальски подходящую жилплощадь. Сначала сняли квартиру у некогда популярной певицы Капитолины Лазаренко в Каретном ряду в старом доме на третьем этаже. Затем их приютил старый знакомый — мосфильмовский сценарист.

Позже случайным, эпизодическим пристанищем на какое-то время стала мастерская художника Гуджи Амашукели. Тут уж помогала парижская знакомая Марины, Катюша-Катрин, дочь того самого «Андрея Петровича» Барсака, которая в те дни частенько наведывалась в Москву на свидания к своему Гуджи. Она-то и предложила его мастерскую в полуподвальном помещении в Тихвинском переулке в качестве места для нелегальных встреч.

«Марина „конспирировалась“, — ухмылялся Амашукели, — но нам доверяла и всегда была предельно откровенна…»

Однажды «шалашом» стала квартирка знакомого кинооператора — Алексея Чардынина.

— Ой, Лешка, — поздним вечером позвонил ему Высоцкий, — я с такой женщиной познакомился. Можно мы к тебе приедем?..

Их устроила даже старая скрипучая раскладушка, и даже не тревожило недовольное фырканье за стенкой тогдашней жены Чардынина — Ларисы Лужиной: «Ну и что, если Влади? Не выйду! Я им даже чистого белья не дам. И водку свою пусть сами пьют…»

Формальным поводом очередного визита Влади в Москву стало завершение озвучания до неприличия затянувшейся работы над «Сюжетом для небольшого рассказа». Не таким уж небольшим этот сюжет оказался…

Особых претензий к русскому Марины Влади у Юткевича не

было: «Говорит без акцента. Ей только трудно иногда грамматически и синтаксически строить фразу…» Но перед микрофоном Марине все же было непросто: «Каждое слово я старалась выговаривать отдельно. Измоталась до последней степени. Но работала как зверь, понимая, что цель того стоит. Когда же спустя некоторое время я приехала на премьеру, меня ждал страшный удар — моя Лика Мизинова говорила с экрана… не моим голосом. Я так плакала… Меня это оскорбило дико, я была просто в отчаянии. Потому что голос — это часть души. Мой голос — мой фирменный знак».

А прагматичные французские прокатчики, закупив фильм Юткевича, решили сменить странное, с их точки зрения, название «Сюжета…» на более «адресное» и «конкретное» — «Лика — большая любовь Чехова».

Съемочные смены, «озвучка» у Влади чередовались, конечно же, с посещениями Театра на Таганке, спектаклей с участием Владимира, репетиций, во время которых она обычно пристраивалась где-то в темном уголочке, стараясь никому не мешать. Но все, конечно, знали, что она здесь, в зале.

Марина Влади изучила наизусть весь таганский репертуар. Алла Демидова обычно замечала: «Перед началом второго акта мы сидим с Володей, ждем третьего звонка и через щель занавеса смотрим в зрительный зал. Выискиваем одухотворенные лица, чтобы подхлестнуть себя эмоционально. Показываем их друг другу… В зале сидит Марина Влади. Володя долго смотрит на нее, толкает меня в бок: „Смотри, моя девушка пришла“. После этого всегда играл нервно и неровно…»

Критично, со своими мерками присматриваясь к тем, кто работал рядом с Владимиром, Марина категорически не соглашалась с Андреем Вознесенским, который категорически провозглашал, что «все богини, как поганки, перед бабами с Таганки».

Ей ли было не видеть и не ведать, что именно там, на Таганке, «особенно ненавидели тебя девочки. Они распространяли слухи, пытались поссорить тебя с Любимовым, превратили театр в корзину с копошащимися крабами…».

Со своей стороны, таганская прима Алла Демидова относилась к «новой подруге Высоцкого» настороженно: «С Мариной мы много общались, но у меня никогда не складывались отношения с ней».

Когда Марина начала не просто навещать Москву по делам, но приезжать уже к **Высоцкому**, несостоявшиеся поклонники выбросили «белый флаг». С появлением Владимира Марину как бы окружила стеклянная, прозрачная — «напоказ!», но абсолютно

непрошибаемая стена.

Люблю тебя сейчас
Не тайно — напоказ!

Окончательно признав фиаско, Евгений Евтушенко вручил Марине и Владимиру свой поэтический сборник «Идут белые снеги», на титуле которого написал: «Марине и Володе, чтобы, даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословлена Богом. Ради нее не расставайтесь. Я буду мыть Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко». Но нет, не сбылось…

Марина и Владимир были неразлучны. Он постоянно говорил ей о своей любви. «Он меня подавляет своими признаниями: „Я приношу все к твоим ногам, но отдавай мне тоже все“».

Высоцкий без прикрас показывал любимой свою Москву, знакомил с друзьями, откликался на предложения «дружить домами». Приглашает Илья Глазунов — поехали! Тарковский зовет на новоселье — ну, конечно! Там собирается замечательная компания — художник Михаил Ромадин с женой Витой, Высоцкий с Мариной прихватывают с собой волей случая оказавшегося в Москве Марчелло Мастроянни! Мебели у новосела еще не было никакой — ну и что?!. — чудесно устроились на корточках, на полу, все под рукой… Большой любитель застольных (хотя стола как раз и не было) песнопений, Ромадин потом сокрушался, что Высоцкий, конечно, «меня перепел, потому что был с Мариной, а при ней он невероятно воодушевлялся…».

Ей было интересно каждое новое (какое по счету?) знакомство. Она впитывала необычные впечатления о неразгаданной Москве и о живших в ней людях.

Путем невероятных комбинаций и интриг Марину завлек к себе в гости тонкий ценитель женской красоты, поэт и сценарист Евгений Агранович.[19] Помимо бардовских способностей, Агранович обладал массой прочих талантов: был интересным собеседником, резчиком по дереву и кости, в конце концов, слыл искусным кулинаром.

«Марина пришла сама, по-московски с двумя сумками, где были ее вещи. В простеньком пальто, в больших очках, подколов волосы. Выглядела совершенно обыкновенно — как москвичка из очереди, — спокойно проехала в метро, — умилялся Агранович, ожидавший увидеть богиню. — Марина ходила по квартире, рассматривала мои работы.

— Поставила бы ты это у себя в Париже? — спросил я об одной вещице.

— Да.

И я ей эту фигурку подарил… Я приготовился к приходу Марины: сделал колечко из самшита… Вырезал на нем женское лицо под наполовину сдвинутой маской — изобразил актрису. Колечко пришлось впору и очень Марине понравилось… А часа через два появился после репетиции Высоцкий с гитарой… Он ввалился в подъезд и прохрипел: „Где моя жена?“ Он пел для нас, но и для нее…»

Из бесчисленного множества друзей, приятелей и просто знакомых Высоцкого Марина особо выделяла Леонида Енгибарова, грустного клоуна, гениального артиста. Ее мнение безошибочно: в нем все прекрасно, он тоже своего рода поэт, он заставляет смеяться и плакать публику — и детей, и взрослых.

Гостеприимный дом Макса Леона всегда был открыт для друзей с «Таганки». Обычно все начиналось по завершении спектакля застольем в ресторане ВТО. Потом всей гоп-компанией перебирались к Максу. Пили вино, водку, коньяк, невиданные диковинки — виски и баночное пиво. Пели песни. Свои и чужие. Казалось, всем было хорошо.

Здесь, в этой квартире, которая была одновременно и корпунктом «Юманите», то есть фактически французской территорией, Марина чувствовала себя хозяйкой, радушно встречала гостей:

— Ой, девочки, как хорошо, что вы пришли! Это твоя жена, Валера? Нина? Очень приятно. А вы? Таня? Прекрасно! Присаживайтесь куда-нибудь, пожалуйста. Вот здесь будет удобно.

Вспоминая странный осенний вечер, Валерий Золотухин сокрушенно качал головой: «Ну, вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот… Конечно, мы с Володей вокруг Влади „кобелировали“. Марина не понравиться не могла. Для нас, советских артистов, она была существом с другой планеты. Помню, я тогда разошелся и исполнил для нее русские народные песни. Знал, что Влади их любит. Потом запел Высоцкий. Я считаю, что это была музыкальная дуэль из-за женщины. Со мной была моя тогдашняя жена Нина Шацкая. Умная женщина по интонации голоса, по взглядам всегда угадает, куда мужчину несет. Она и поняла. В общем, мы с Ниной уехали со скандалом… И потом, все относились к Марине как к французской б… У женщин ведь логика простая: раз баба красивая и мужики падают, значит, сука».

А закончился вечер традиционно, А-ля рюс, то бишь со скандалом. «Зажгли свечи, покурили табаку, и стало походить на возню чертей наше сборище, — замечал хмельной глаз таганского

„Нестора-летописца“. — Спели „Баньку“. Володя попел. Стал подливать себе в сок водку. Марина стала останавливать его, он успокоил ее:

— Ничего-ничего… немножко можно».

Но «после литры выпитой…», когда все были уже изрядно подшофе, актриса Таня Иваненко заявила Марине Влади, что ОН мой — и только, и завтра же он придет ко мне. Марина, не собираясь публично обнажать свои отношения с Высоцким, не стремясь ни перечить, ни спорить, недоумевала: «Девочка моя, да что это с тобой?» Высоцкий попытался вмешаться в перепалку, то затыкал рот Татьяне, то вдруг сорвал с Марины колье и рассыпал по полу сверкающие жемчужины… В общем, было «весело». Угомонились только к трем часам ночи, когда одному из гостей — кинорежиссеру Анхелю Гутьерресу — все-таки удалось в конце концов увести Иваненко домой. А Высоцкий поймал одинокий молоковоз, отвез на нем Марину в «Советскую» и в ее роскошном номере благополучно уснул. Скромно, на диванчике. Под утро ему приснились строки:

Не видел я любой другой руки,
Которая бы так меня ласкала…

* * *

Но вновь дела семейные, киношные, театральные и прочие, прочие упорно тянули Марину домой, в Париж. Да и с некоторыми сердечными проблемами нужно было окончательно разобраться. Легкий флирт, возникший во время съемок с красавчиком, румынским актериком Кристи Аврамом, не требовал продолжения. Мальчик, кажется, развоображался и придумывал о них уже черт знает что. Да и сестрам он абсолютно не нравился. Они в один голос твердили: «Пустышка с гонором и претензиями». Хватит, точка.

«…Птицы на Запад уносят любимых», — писал Высоцкий. Очередная разлука с Влади терзает его чуть ли не физически. Случайно встретившейся в ресторане ВТО актрисе Вале Малявиной, только что вернувшейся со съемок из Румынии, он изливает душу и требует совета: «Я люблю Марину до сумасшествия. А она опять уехала в Париж. Говорят, у нее… Что мне делать, Валь?»

— Жди.

Потом он не выдерживает и звонит в Париж. Раз, другой,

третий.

Маринина мама, наблюдая за выражением лица и интонациями дочери во время очередного странного телефонного разговора, прямо говорит ей: «Ты влюблена…»

Наплевав на вероятную чопорность семейства Поляковых, Высоцкий обращается с отчаянно-нежным посланием к, возможно, будущей теще:

«Дорогая Милица Евгеньевна! Это первое письмо, которое я пишу Вам. Не сомневаюсь, что будут и другие, и много!..»

Каков нахал, добродушно усмехнулась Милица Евгеньевна, покачала головой и все же продолжила чтение:

«Недавно я снова перечитал Ваше письмо нам с Мариной, которое Вы написали нам летом, — очень теплое и нежное письмо с фотографией отца Марины в роли Гришки Кутерьмы… Марина очень много мне рассказывала об отце. Так много и хорошо, что у меня впечатление, будто я видел его и хорошо с ним знаком, так же, как мне кажется, что и Вас я встречал очень часто, хотя мы виделись всего 2 раза. Я даже расстроился, что никогда никто не напишет о Вашем муже, потому что он был очень талантлив и прожил такую яркую жизнь. Марина сказала мне, что я немного его напоминаю, и если это так, то мне очень приятно, потому что я хотел бы быть похожим на него. Марина очень любит отца, так же, как он любил Вас…»

Вот же хитрец, умеет, знает, как подольститься.

«А я, конечно же, живу наполовину ее чувствами и смотрю на людей ее глазами и отношусь к ним, как она. И мне хорошо от того, что Вы всегда рядом с ней, а значит, немного и со мной.

У Вас — прекрасные дети, Милица Евгеньевна! Для <меня>, конечно, особенно прекрасна — одна, но все они — очаровательны. Конечно, жаль, что мы так мало смогли видеться в Москве, но я надеюсь на встречи с ними в будущем. И обязательно с Вами. Вероятно, летом. Чтобы Вы отдохнули здесь. А потом, если все выйдет так, как мы с Мариной придумали, — мы сможем встречаться еще чаще. Мне бы этого очень хотелось.

…Я обнимаю Вас, желаю, прежде всего, здоровья, хорошего настроения и счастья.

И поцелуйте Марину, хотя я думаю, что достаточно много делаю это в письмах к ней. Но… я думаю, она не обидится.

До скорой встречи. Володя».

«Мама каждый день читала мне твои письма, — рассказывала Марина, — потому что я еще не умела тогда бегло читать по-русски…»

# # #

Не одна красота… меня в ней очаровывала, но также и ее цельная, самобытная, свободная натура, ее ум, одновременно ясный и окутанный непоколебимым наследственным суеверием, детски невинный, но и не лишенный лукавого кокетства красивой женщины…

А. Куприн — «Олеся»

«…Не было случая, чтобы ему нужно было говорить мне делать что-то так, а не этак, — говорила Марина. — Я старалась предугадать, опередить его. У меня характер все-таки попроще и чисто по-женски более пластичный. К тому же у него в голове было больше, чем у меня, так что прислушаться к его мнению было не зазорно… Он был больше, чем просто муж… Володя мне так много дал и открыл».

Именно рядом с ним она, совершенно состоявшаяся женщина, звезда, может быть, впервые ощутила безоглядное стремление доказать самой себе и всем остальным, что вправе жить и любить так, как она хочет, а не так, как полагается жить, и идти наперекор всему и всем. Потому что поняла, какие все-таки ценности имеют реальное значение в этом мире. Марина умом и сердцем осознала, кто такой Высоцкий, увидела в нем удивительный дар и почувствовала его как никто иной.

«Мы общались не только как муж и жена, — объясняла она особенности своих взаимоотношений с Владимиром, — мы общались как люди, как актеры. И думаю, что я… ему помогала. Не писать, конечно, — это не моя сфера. Но иметь хорошую жизнь (ну, по моим возможностям), чтобы он мог работать спокойно…»

Когда Марина говорила о том, что никак не помогала Высоцкому писать, она, безусловно, скромничала, а может, просто лукавила. Без ее присутствия в жизни поэта не родились бы у него прекрасные, как будто выдышанные, строки: «Нет рядом никого, как ни дыши…», «Это время глядело единственной женщиной рядом…», «Не сравнил бы я любую с тобой, хоть казни меня, расстреливай!..», «Кровиночка моя и половинка..», «Я жду письма… Мне все про тебя интересно…», «Люблю тебя сейчас, не тайно — напоказ!..», «Из пены уходящего потока на берег тихо выбралась Любовь…», «Я верю в нашу общую звезду..», «Здесь лапы у елей дрожат на весу…» и многие-многие другие, вплоть до последнего, предсмертного признания в любви:

Я жив, тобой и Господом храним…

Близкие люди знали, что Марина приобщала его ко многим духовным ценностям, которых он до нее не знал, вводила в круг людей, которые до того представлялись недосягаемыми вершинами.

«Володя был невероятно пытливым человеком. Ведь если бы он жил только среди вэтэошных мальчиков, которые с ним пили водку, наверняка бы он не встретил всего того, что встретил, — мрачно предрекал близкий товарищ Высоцкого начала 1970-х годов Иван Дыховичный.[20] — Они бы, мальчики эти, его бы пихали на другое… Сколько мы знаем людей, которые на одной песне закончили… Вот они написали одну хорошую песню — и на ней закончили. Закончили — и на первой и последней своей песне ехали дальше всю жизнь. А Володя — он же до самой смерти еще что-то ломал, что-то писал. А была бы с ним рядом какая-нибудь красотулька или обывательница, или баба, которая заставляла бы его только бабки зарабатывать… так и пел бы без конца концерты, ни одной новой песни бы не написал, а просто тиражировал бы то, что уже сделано… Марина, безусловно, оказала влияние не только на Володину жизнь, но и на его поэзию. Здесь никаких сомнений быть не может…»

Вот лишь один пример. Во многом Марине Владимировне мы обязаны хотя бы тем, что узнали Льюиса Кэрролла в удивительной интерпретации Владимира Высоцкого. До поры до времени поэт знать ничего не знал о девочке Алисе и о таинственной Стране чудес, и, естественно, когда ему предложили принять участие в создании музыкального дискоспектакля, он искренне удивился: «А при чем тут я?..»

«Уговаривали мы Володю невероятно долго, — рассказывал Абдулов, основной закопёрщик „Алисы“, — и помогла в этом Марина. Она как раз приехала, начала объяснять Володе, что это лучшее произведение из тех, которые написаны для детей. Дети всего мира читают это, и это будет замечательная работа…» Влади, которая только что сама в Париже участвовала в радиопостановке «Алисы», предприняла настоящую интеллектуальную атаку: «Это была лекция о мировом значении Льюиса Кэрролла, о предрассудках, мешающих восприятию классики, и о многом другом, касающемся поэзии… И Высоцкий погрузился в чужеземную сказку…»

Не зря, выходит, Михаил Шемякин сравнивал Влади с Теодором, братом Ван Гога, который служил неистощимым источником творческой энергии для великого художника.

Марину переполняла гордость, что именно она становилась первой слушательницей новых песен Высоцкого: «Были тексты, которые очень долго не материализовывались, он про них думал. Я чувствовала, как они рождаются… Вдруг он вставал ночью и, стоя, писал там на бумажке какие-то обрывки, и из этого рождалась песня через какое-то время. Ему нужно было записать то, что у него в голове было. Я всегда была первым зрителем или слушателем. Он очень любил, когда работал, чтобы я лежала на диване, около стола. Я засыпала, конечно. Он меня будил, пел. Я снова спала…»

С ним было так легко жить, утверждала она. Когда он не пил, конечно. Когда был в своем нормальном состоянии, он был мягким, добродушным, тактичным и очень щедрым. «Он был работяга. Работал днем и ночью. В этом смысле он был очень сильным…»

В один из вечеров, когда они, как ни странно, никуда не спешили, Владимир положил перед ней десяток сколотых скрепкой страничек машинописного текста: «Почитай…»

«…А он хотел разговаривать только о ней и не скрывал этого, и все время думал, как ему сказочно повезло, и снова просил:

— Улыбнитесь.

И она улыбалась. Только почему-то ей вдруг показалось, что он вовсе не играет в какую-то игру, что он в самом деле верит, что все его слова и такие милые, смешные жесты, когда не хватало слов, но все это не ей, вернее, совсем не ей. Но они не могли уже остановиться, уж очень ей нравилась ее новая роль и ее новый знакомый.

…Когда они опять оказались вдвоем, он сказал ей, что у него мало времени, что он так не хочет уходить и еще, и еще… А когда не хватало слов и жестов, он незаметно начал петь какие-то красивые слова на мелодию уплывающего города, и она иногда вступала вместе с ним, и у них удивительно хорошо получалось вдвоем.

— …Ты с ума сошла, — говорила ее подруга. — Ты с ума сошла. Он ведь сегодня уедет! И все. Ну и что, что он смешной и трогательный, и красивый. Он просто сумасшедший. И ты тоже!

— Да, — ответила девушка, — это так заразительно. Мне даже показалось, что все так, как он говорит, и что я тоже верю в это!»

— Откуда ты это знаешь? — прижав ладонью рукопись, спросила Марина, глядя на Владимира.

— Что именно? — он поднял голову и отложил в сторону гитару.

— Ну вот что именно говорили мне подруги, что ты

сумасшедший и что я дура. Разве я тебе все это рассказывала?

— Об этом не так уж трудно было догадаться. А что, разве тебе такое не говорили твои добрые подружки? — Высоцкий, тепло и мягко улыбаясь, любовался Мариной, которая уютно, очень по-домашнему устроилась на дряхлой, скрипучей чужой тахте в очередной чужой квартире и, подперев рукой свою золотую голову, читала его «Удивительную историю, которая произошла с очень молодым человеком из Ленинграда и девушкой из Шербура». Всего несколько страничек текста, то ли фрагменты повести или сценария, то ли заявка на него. Что это, Высоцкий сам толком не знал. Жанр как таковой его вообще не интересовал. Главное — Марине нравилось то, что он написал или списал с их собственной «удивительной истории».

Но ей ведь действительно была по душе его новелла, чем-то напоминавшая сюжет романтической картины «Шербурские зонтики», которая недавно побила все сборы советского кинопроката. Фильм о любви — и больше ни о чем. А зачем еще что-то, если есть любовь?..

Прочитав Володины прозаические наброски, Марина чутьем профессионала (многолетнее общение с продюсерами все-таки дало свои плоды) поняла, что, возможно, это есть их реальный шанс. Это можно и нужно снимать! Риска никакого. Материал «Истории» изначально предполагает широкую аудиторию и в России, и во Франции, а при удачной рекламной раскрутке — и в Европе. От кого здесь зависит судьба фильма? Романов?[21] А кто это?..

О, так я его прекрасно знаю! И он должен меня помнить. Если не по фильмам, то хотя бы по тому, как я ему помогала в Париже устраивать прием. Я не знаю Романова?! Смешно… Год назад, когда я увидела, на каком уровне в советском посольстве готовился прием для французской светской публики, то в ужас пришла: водка, икра, балалаечники — и все!.. Да этих посольских засмеяли бы. Не в лицо, разумеется, а потом — в газетных комментариях. Потешался бы весь Париж… И потом, самое главное — они понаприглашали каких-то никому не известных людей, совсем не того уровня, чье мнение в обществе не имеет никакого веса, от которых ничего не зависит. В общем, все организационные хлопоты я, конечно, взвалила на себя. И финансовые расходы, кстати, тоже…

Но в Москве добиться приема у Романова даже ей оказалось не так-то просто. Правда, советский министр кино Марину все-таки вспомнил, назначил время и при встрече старался проявить максимум любезности. Поинтересовался впечатлениями о Москве, наговорил кучу комплиментов, спросил о проблемах.

Пока Марина говорила, Алексей Владимирович распорядился накрыть столик в комнате отдыха — «кофе, ну и все, что полагается», угощал армянским коньяком, предлагая выпить за дружбу и взаимообогащение двух культур. Странно, но Маринина идея сделать совместный фильм сразу привела его в восторг и вызвала бурю энтузиазма. Мысль замечательная, сюжет превосходный, и вы опять будете сниматься в Советском Союзе! Автор Высоцкий? Хорошо, пусть Высоцкий.

Главное: «Вы, Марина Владимировна, самая надежная гарантия европейского успеха нашей картины! Только надо будет тщательно продумать, как это все получше устроить. Но с вашим-то именем, вашими связями…» Напоследок даже блеснул лингвистическим изыском: «Ну, вы-то, Марина Владимировна, компрене ву?..»

Она, в отличие от Высоцкого, еще не все понимала. А Владимир, выслушав «отчет о встрече в верхах», уверенно сказал: «Ничего не будет, вот увидишь».

Потом протянул ей свежий номер «Советского экрана»:

— А что же ты скромничаешь, ничего не говоришь? У тебя, оказывается, новая картина вышла. — Он ткнул пальцем в рецензию:

— «„Время жить“ на поверку оказывается временем разрушения человеческих ценностей, — вслух прочла Марина. — Таков грустный вывод из фильма. Грустный потому, что автор фильма не видит решения жесткой драмы и разрушений». Автор Р. Соболев.

— Кто такой? Известный критик, не знаешь?

— Понятия не имею…

— Да ну, на самом деле пустенький фильм, но с претензиями. Жак Тати вознамерился препарировать историю средней, «витринной», французской семьи — муж, жена, ребенок. В общем, ничего особенного. Обычные семейные сложности, знаешь, как бывает…

Владимир кивнул, мол, знаю. А потом вдруг тихо произнес:

— Давай поженимся…

* * *

Тридцать лет — это, конечно, возраст, который означает, что у человека есть прошлое.

«Долгие годы мне нравилось быть любимой, — признавалась Марина. — Я любила мужчин — мне нравилось в них мое отражение… Я любила любовь, удовольствие, получаемое мною,

и сознание обладать кем-либо. И, безусловно, я верила, что отдаю всю себя, и не переносила, не получая взаимности. Для меня невозможно быть обманутой, тут я рвала все отношения… Либо ты живешь с человеком и никого больше нет рядом, либо живи одна. В моей жизни всегда было так! Никаких авантюр! Никогда! Это не пуританство. Это моя личная мораль… У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем. И если я замечаю, что это совсем не то, я спускаюсь с облаков. Володя заставил меня измениться!.. Иногда он нуждается в материнской помощи, чтобы я потрепала его за уши…»

Ими любовались.

«При съемке мне мешали волосы Высоцкого, — вспоминал Валерий Плотников, режиссируя свою жанровую фотосессию. — Я попросил Марину: „Причеши Володю“. Она начала причесывать, и я вдруг увидел, что лицо у него стало детским, таким, каким бывают лица у детей, когда их причесывает мама…»

«Она улыбается всем сразу, но видит только *его*. А он уже рядом, и они страстно целуются, забыв про нас, — все замечает поэтесса Инна Гофф. — Нам говорят, что Марина только что прилетела из Парижа. Они садятся рядом… Она в черном скромном платьице. Румяное с мороза лицо. Золотисто-рыжеватые волосы распущены по плечам. Светлые, не то голубые, не то зеленые глаза… Звезда мирового кино. Колдунья… Вот и *его* заколдовала… Приворожила… Они забыли о нас. Они вместе. Они обмениваются долгими взглядами. Она ерошит ему волосы. Кладет руку ему на колено. Мы не в кино. Это не фильм с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это *жизнь* с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого…»

Владимир называл происходящее своим «французским сном». И фрагменты «сновиденья» мелькали, как кадры в рапидной съемке, 24 кадра в секунду:

…Марина неловко подворачивает ногу. Высоцкий, никого не видя, опускается на колени и, глядя снизу вверх в ее светлые глаза, целует нежную стопу…

…Буфет верхнего банкетного зала Кремлевского дворца. Он стоит рядом с ней, и его глаза лучатся какой-то покорностью, преданностью, смущением. Они о чем-то говорят. И он все делает неторопливо, делает все, чтобы ей услужить, исполняет все, о чем она его просит. То подает ей тарелку с салатом, то ломтик хлеба, и все так сдержанно, спокойно, что на первый взгляд и не чувствуется связи между ними. Видно, как он стремится сделать все, чтобы она была довольна… Это не театр и не кино, и нет с ним гитары. За что же ему держаться?..

…Они в ресторане ВТО. Вокруг уже толпа собралась, а они никого не видят. Это красиво, щедро, празднично. Для людей посторонних — просто подарок судьбы. Экспонат, образец, эталон…

…Шереметьево. Зима. На лестнице трапа ежится уже синий от пронизывающего ветра Володя… И в синей же руке, на фоне синеющего лица, лежит один синеющий цветок. И вот они сбегают вместе с трапа, ныряют на заднее сиденье машины. И замирают! Умерли. Кто-то из посторонних, подглядывая за ними, вздыхает озабоченно: «Не задохнулись бы». Но объятий они уже не размыкают…

…Пицунда. Пляж. Скучающие кинодамы моментально оживляются, едва на берегу в безумно смелом бикини появляется Марина Влади. Все принимаются гадать, сколько же ей может быть лет? Не спрашивать же напрямую! Но так хочется узнать! На кривой козе подъехали, пока мама плещется в черноморских волнах, к ее сыну. Володька кричит: «Это не можно сказать! Никогда не можно спросить, сколько лет женщина!..»

…Высоцкий поет. Она слушает его с выражением неимоверного счастья на лице. Он замолкает — она гладит ему руку. Между ними все время какой-то ток. Марина сидит, обняв его за плечи. И это — абсолютное, сказочное счастье двух людей…

…Театр на Таганке. Изобретательный насмешник Леонид Филатов пародирует сцену из «Послушайте!», в которой актеры озорно играют в кубики — «азбуку революции».

В спектакле звучало «И» по Маяковскому:

Интеллигент не любит риска
И красен в меру — как редиска!

Филатов импровизирует на букву «В»:

Ван Гог всю жизнь любил оладьи.
Высоцкий — муж Марины Влади!

В зале овации…

Им завидовали.

Считать, что все поголовно бесспорно млели при виде «звездной пары», конечно, было бы ошибкой. Друзья прежних лет полагали, что именно усилиями Марины был крайне сужен круг общения Высоцкого. Во всяком случае, в этом полностью уверен Николай Губенко. Вспоминая молодые годы, он с сожалением

говорил: «Наши дружеские отношения продолжались довольно долго, но как только появилась Марина Влади, то все резко оборвалось… Кроме того, Володя настолько влюбился в нее, что на какое-то время забыл о своих друзьях, он был поглощен только Мариной. Ею жил, ею дышал, без нее и дня не мог прожить… Роковую или не роковую, но она сыграла свою роль в судьбе Высоцкого. Более того, это ведь ее сын пристрастил Володю к наркотикам, отчего он и погиб…»

В глазах скалолаза Леонида Елисеева «пристегнутый» к Влади Володя уже не был тем «рубахой-парнем с душой нараспашку, готовым первым оказаться там, где трудней и опасней, каким он был в горах в пору „Вертикали“… А душевное признание мною Марины я ощущал бы предательством по отношению к матери Володиных детей. Мне ясно, что не было бы Марины — не было бы и застолья… Многие считали за счастье пригласить мировую кинозвезду к себе в дом, на дачу, в ресторан… Прошло несколько лет. Мы встречались редко. В основном в Доме кино. Володя всегда приходил с женой, был приветлив, но былой дружеской радости не проявлял — его сдерживали невидимые вожжи Марины, которые я чувствовал…»

Ну и так далее.

«Марина, ты письмо мне напиши, по телефону я тебе отвечу…»

«Мои письма к тебе совсем не удовлетворяют меня. После того, что мною и тобой было пережито, мало писем, надо бы продолжать жить. Мы так грешны, что не живем вместе! Ну, да что об этом толковать! Бог с тобой, благословляю тебя, моя немчуша, и радуюсь…»

А. Чехов — О. Книппер-Чеховой

Ялта, 9 ноября 1901 года

В их жизни постоянно присутствовала VIP-персона — телефонистка международной станции, «07».

Когда Марины не было рядом, он набирал две заветные цифры и просил: «Мне „Семьдесят вторую“». «72-я» соединяла его с «тридцатой», «30-я» с «семнадцатой». И так далее. Наконец трубка отзывалась родным голосом, и Владимир говорил: «Хочешь новую песню послушать?..» И пел.

Иногда в трубке что-то щелкало. Тогда приходилось взывать к совести «слухачей»: «Ребята, дайте поговорить без свидетелей. Это чисто интимный разговор. Отключитесь, а? Я вам потом спою». Щелчок. Можно петь Марине. Можно говорить до бесконечности. А после разговора, случалось, раздавался звонок: «Можно Владимира Семеновича?» — «Да» — «За обещанным…»

«Мы всегда на краю расставания и новой встречи, что заставляет не замечать ненужные мелочи…» — утешала себя и любимого Марина. Для нее телефонный аппарат, «беспокойный, временами слишком молчаливый, ненавидимый или любимый», был почти что живым существом: «Вначале он был из черного эбонита, теперь он из серого пластика и иначе устроен. У меня с ним длительные tête-â-tête, и я жду, чтобы он соизволил позвонить. И когда наконец он звонит, это, прежде всего, голоса телефонисток Москвы, невольных свидетельниц наших взрывов нежности, наших споров и ссор, размолвок. Они стали нашими верными друзьями. И только они, когда пожелают, могут

соединить нить наших прервавшихся отношений, они способны на все».

Раньше влюбленные писали письма друг другу. Но у Марины недоставало сил и терпения на это: «Я не представляла себя в ожидании почтальона, чтобы получить вести 10-дневной давности. Нам необходимо общаться ежедневно, ежеминутно, знать все друг о друге. Телефонистки это хорошо понимают и, не колеблясь, по всему миру соединяются с коллегами, чтобы связать нас хотя бы на несколько минут…»

Еще в девятнадцатом веке в письме Александру Пушкину Владимир Одоевский предрекал: «Письма в будущем сменятся електрическими разговорами…» Именно так — *«електрическими»*…

Телефонистки — невольные и незримые «посредники любви» — помогали Высоцкому разыскивать Марину, где бы она ни находилась, в любой точке света: в Риме, в кресле парикмахера, на съемочной площадке в Южной Америке или в испанском отеле, только ради того, чтобы он мог сказать своей Мариночке, что любит ее. И любит именно в эту минуту.

«Тома, семьдесят вторая» из знаменитой песни Высоцкого «07» — Людмила Орлова навсегда запомнила их первый разговор: «Володя весь пылающий: „Мариночка, любовь моя, солнышко мое…“ Такие полуфразы, недоговоры — чувствуется, что человек влюбился. Она — довольно-таки сдержанна, кокетничает с ним… Она хорошо с ним говорила, но очень спокойно… Я Марину даже ревновала… То есть я на нее злилась. Володя ей весь отдавался, а она ему только: „У меня Игорь то-то, Петька с Вовкой то-то… дома — украли, обобрали, мама больная!“ У нее чисто женское такое — свои проблемы. А он здесь: „Я песню написал!“ Я чувствую, что ей не до песен: „Ну ладно, давай!“ Он начинает петь, а она его прерывает — что-то вспомнила!.. Я злюсь ужасно — человек ее так любит, а она!.. Как же так можно?! Ну, это первое время так, а потом стало сердечко таять… А потом она здесь пожила, стала ласковее, сама стала звонить…»

Роль «мадонны»-«07» в поддержании хрупких взаимоотношений Высоцкий — Влади была уникальной. Остывая от эмоций и забывая взаимные претензии, и Марина, и Владимир обращаются к ней. «…Его находят, а он в запое… И однажды, — рассказывала на одной из встреч со зрителями и читателями Марина, — к нам в разговор „влез“ тоненький голосок. Это была женщина, которая сказала, что „не надо так говорить, мы не в порядке, мы вам перезвоним…“. Ну, я положила трубку. Через какое-то время мне позвонил Володя — в лучшем виде… И эта Люся, прелестная женщина, она просто взяла на себя наше

общение телефонное… Без нее, вероятно, не было бы такого общения, потому что мы каждый день говорили, даже когда я долго работала на Западе. А когда я находилась в Москве, а он где-то на судне с товарищами — она его находила в морском порту! То есть она подвиги совершала всю жизнь!»

Она, конечно, тоже находила Высоцкого когда и где угодно — будь то борт морского лайнера «Грузия», съемочный павильон «Ленфильма», теплая компания в Одессе, гастрольные поездки в Запорожье, Прибалтике или Средней Азии.

— Ответьте Парижу!

— Привет, mon chéri. Это я…

— О, как ты сказал? — засмеялась Марина.

— Учусь, ma petite.

— Вольёдя, ты меня с ума сведешь… Такие успехи…

— Я тебя люблю.

— Moi aussi!..

Но вот им уже не нужен никакой телефон: Марина в Москве! Но в этот вечер Высоцкий вынужден — прости, прости, прости! — буквально на полдня уехать в Ленинград на пробы в какую-то очередную дурацкую картину.

— Поверь, я буду очень-очень скоро! Ты не скучай, сегодня о тебе позаботятся Вася Аксенов и Толя Гладилин, я с ними уже переговорил. Пойдете в Дом литератора…

— Слушай, а что, они там свои книжки пишут?

— Мариночка, я сам хотел бы это знать! Вот сегодня сама у них об этом и спросишь.

Вечером следующего дня, когда он влетел к ней прямо с вокзала с охапкой цветов и после объятий и поцелуев они уселись ужинать, Марина протягивает ему свою кисть и спрашивает:

— Как думаешь, может, позвонить?

На ее ладони темнеют какие-то полурасплывшиеся цифры — 124-03-…

— ?

Марина хохочет и рассказывает о своих вчерашних приключениях. Действительно, как договаривались, вечером за ней заехали Вася и Толя. Поехали в ресторан. Куда? Конечно, в ЦДЛ! Все было чудесно, честное слово.

— И что?

— Ну вот, к нам подсел один странный мужчина такой характерной библейской внешности. И… уснул прямо за столом. Потом я стала прощаться, пожимаю ребятам руки. Вдруг этот тип проснулся, увидел перед носом мою протянутую ладонь — и лизнул! Представляешь? Я обалдела! А он достает из кармана химический карандаш и пишет мне на руке вот эти цифирки.

Потом глядит на меня своими печальными, туманными глазами и говорит: «Это — мой телефон. Звони».

— Стоп! — улыбнулся Высоцкий. — Как его фамилия?

— Я не помню, — засмущалась Марина. — Какая-то чеховская…

— Ага! — Высоцкий уже хохочет. — Овсов?

— Да нет…

— Конечно, нет! Это Сеня Сорин. Поэт. Божий человечек, легенда ЦДЛ. Фронтовик, между прочим, в штрафбате воевал. На него грех обижаться…

— Так что, звонить?..

— Мариночка моя…

Напарница «Томы, 72-й» Ирина Владышевская рассказывала: «Высоцкий очень часто писал стихи у нас, прямо на переговорном пункте. И потом тут же читал их Марине Влади, пел по телефону. Я много, много раз соединяла их — Париж и Москву. Высоцкий всех наших девчонок по имени знал… Приходил к нам на „Огоньки“. Пел. В день его смерти я дежурила в ночную смену, из Москвы мы тогда, помню, всю ночь искали Марину… Разыскивали их друг для друга… Ведь у них же любовь по телефону была!»

Высоцкий звонил Марине отовсюду, стоило ему увидеть никем не занятый аппарат. Тут же хватал трубку: «Мне бы Орлову. Сегодня не ее смена? Тогда Владышевскую, пожалуйста… Привет! Ну да. Жду!»

И уже через какое-то время: «Мариночка… Ну что, моя ласточка?.. Ну, Маринчик, я даже не знаю… Про что? Ну? А-а-а… Что ты говоришь? А где вы были?.. Да? Ну и больше ничего? Ну, в общем… Что и что?..»

«Он мог в течение двадцати минут повторять: „Мариночка, Мариночка…“ — вспоминал товарищ Высоцкого, Иван Бортник. — Мне становилось неловко, и я уходил на кухню. И вот сидишь на кухне, одну чашку кофе выпьешь, вторую, полпачки сигарет выкуришь, а он все: „Мариночка, Мариночка…“»

1 мая 1978 года служба «07» отыскала Высоцкого в каком-то районном Доме культуры в городке с гордым именем Вольнянск: «Парижу ответьте!» У директора ДК — предродовые схватки… После короткого разговора Владимир кладет трубку и, еще не веря сам себе, не сдерживая мальчишескую улыбку, говорит: «Завтра утром Марина в Москве». Но через мгновение он уже максимально собран, звонит в Москву: «Марина прилетает, встречай. Чтобы она ни в чем не нуждалась! Проверю. Я? Скоро буду, не переживай».

Теперь новая проблема: отсюда нужно добраться до

Запорожья. «Тамразочка (Николай Тамразов — организатор и ведущий запорожских выступлений Высоцкого), во сколько у нас последний концерт? Хорошо. Рейсы на Москву когда? Так. Володя (администратору), уточняй… Поездом? Нет, слишком долго. Другие варианты? Ночью есть рейс из Харькова? В три часа? Так, а от Запорожья это далеко? Во сколько заканчиваем концерт? Успеваем? Отлично! Все, по коням!..»

У служебного хода запорожского Дворца спорта «Юность» уже дежурила «Волга».

…Убив того, который не стрелял! —

он прижал ладонью еще дрожащие струны. Поднял руки, останавливая аплодисменты, поклонился и ушел со сцены. В артистической — обычный кавардак.

«Володя, а с этим добром что делать?» — недоумевает Гольдман, указывая на «братскую могилу» пакетов с вяленой рыбой, какими-то копченостями, салом, бутылками, банками. — «Раздай!» — «Неудобно. Люди ж от чистого сердца. Я в багажник все аккуратненько». — «Как хочешь! Успеваем?» — «Впритык!»

По крутой лестнице со второго этажа Высоцкий летел, не обращая внимания на волочившуюся за ним на ремне дорожную сумку, которая «отмечалась» на каждой ступеньке густыми алыми каплями. Варенье, что ли? Вперед, и без песен!..

Нина Максимовна Высоцкая хваталась за голову и за сердце, видя счета за международные телефонные переговоры, в которых вслед за единичкой или двойкой теснились нули. Сын утешал: «Мамочка, деньги мы для того и зарабатываем, чтобы их тратить».

«Ушибленный» неизлечимой страстью к «електрическим разговорам», Высоцкий однажды предложил питерскому драматургу Александру Володину написать киносценарий о нем и Марине.

— О вас и Марине? — опешил от неожиданности Александр Моисеевич. — А если не получится?

— У вас?! Получится! Мне недавно приснился сюжет. Представьте: мужчина, женщина, они влюблены, но общаться вынуждены только по телефону, не видя друг друга ни разу. Всего три действующих лица: он, она и телефон…

— Постойте, Володя, я на днях уже читал что-то подобное, кажется, в «Литературке». Если хотите, я сейчас поищу. Автор — какой-то молодой азербайджанец, писатель со странным то ли именем, то псевдонимом — Анар. Мне еще название запомнилось — «Я, ты, он и телефон», почти как у вас. Вы сказали, и я сразу вспомнил…

— Быть такого не может! Все это мне приснилось! — божился Высоцкий.

Мудрый Володин, который был старше Владимира на целую жизнь, тактично заметил:

— Понимаете, Володя, тот сюжет, который вы только что рассказали, из разряда тех, что витают в воздухе…

— Может быть, вы и правы, — Высоцкий явно был огорчен.

«Да, у меня француженка-жена, но русского она происхожденья…»

Уж за одни твои слова спасибо тебе… Отогрел ты мое сердце… Но все-таки замуж: я за тебя не пойду. Лучше уж я так пойду с тобой, если не прогонишь… Только не спеши, пожалуйста, не торопи меня…

А. Куприн — «Олеся»

В Ленинграде меня замучили, жаловался Валерий Золотухин:

— Правда, что он женился на Влади? А в посольстве была свадьба? Они получили визы и уехали в Париж?..

— А правду говорят, что он принял французское гражданство? Как смотрит коллектив на этот альянс? По-моему, он ей не нужен…

В Театре на Таганке же — сплошное недоумение и все те же *«слухи, как старухи…»*. Даже начинающий режиссер-практикант Геннадий Примак по простоте душевной сунулся с расспросами к Высоцкому: «У меня тут спрашивают…»

Последний рассвирепел:

— Ну и что, ну и что, что спрашивают, ну, зачем мне-то говорить об этом? Мне по пятьсот раз в день это говорят, да еще вы!..

…И пошли летать в столице
Нежилые небылицы —
Молодицы и девицы —
Словно деньгами сорят:
В подворотнях, где потише,
И в мансардах, возле крыши,
И в мечтах еще повыше
Разговоры говорят.

А что же вы хотели? Конечно, кумир нарушил правила игры. Как выразился тот же Золотухин, любовь и роман с Мариной обернулись ему ненавистью толпы. Толпа не может простить ему измену с западной звездой…

Гостю Московского кинофестиваля Даниэлю Ольбрыхскому его «куратор», тайком указывая на Высоцкого, говорил:

— Даниэль, то, что я тебе рассказывал о Высоцком, это правда. Да, он бард, актер, гитарист, наш известный певец. Но это все ерунда. Главное, что он… — опекун настороженно огляделся, — он… спит с Мариной Влади!

«Между тридцатью и сорока — это самый лучший возраст для женщины, — утверждала Марина. — После тридцати для нее начинается интересная жизнь. Потому что она уже пережила какие-то моменты, материнство, любовь… Потом, она в полной зрелости своего ума, но она еще совершенно молода. Она может новую жизнь начинать — то, что было у меня с Володей. Это самый замечательный возраст. Я тогда выглядела на восемнадцать, а у меня уже было трое детей».

Стоя перед зеркалом, Марина поправляла прическу. Заботливая Айше что-то подсказывала, поправляла выбившийся локон. Наконец Марина удовлетворенно улыбнулась: «Ну как?» Айше подняла большой палец, а потом указала им на землю: «Все мужики твои!» Но Марина вдруг стала серьезной:

— Айше, ну что мне делать?

Подруга мигом поняла: «Как, что делать? Если ты его любишь, он тебя тоже, при чем тут еще чье-то мнение?»

— Понимаешь, много сложностей…

«И тут я увидела такие глаза! — вспоминала спутница „НиГри“. — Русалочьи, горячие, страстные. Обычно у нее они невинные, голубые, а тут — зеленые! Никогда их не забуду…»

Кремлевский вольнодумец, переходящий из рук в руки, как эстафетная палочка, вечный помощник вождей ЦК КПСС Георгий Шахназаров, в доме которого нередко гостевал Высоцкий, вспоминал, как Владимир, близко никого не подпускавший к обсуждению своих личных проблем, вдруг затеял странный разговор, на ком же ему жениться. «У меня, говорит, есть выбор — актриса нашего театра (не помню фамилию, которую он назвал) или Марина Влади.

— Володя, я тебе удивляюсь, женись на той, которую любишь.

— В том-то и дело, что люблю обеих, — возразил он, и мне на секунду показалось, что не шутит, действительно стоит перед выбором и ищет хоть какой-нибудь подсказки.

— Тогда женись на Марине, — брякнул я безответственно, — все-таки кинозвезда, в Париж будешь ездить…»

Такой же вопрос Высоцкий задавал и другим, но так, словно не ждал совета, а проверял реакцию. Художник Борис Диодоров, например, был ошарашен, услышав от него: «Как ты посмотришь, если я женюсь на Марине Влади?»

Зато прежняя жена Высоцкого, Людмила Абрамова, на сей счет высказывалась по-своему мудро: «Если Володя в какой-то

момент выбрал другую женщину, то это *его* выбор. Его! Не то, что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, — Володя выбрал. Его право выбора — это самый главный святой закон…»

Но в глазах родителей Высоцкого роман сына с иностранкой (!) выглядел безусловным скандалом. Единственное, что утешало Семена Владимировича, так это то, что Марина все-таки была членом французской компартии. Он даже гордился этим и говорил о принципах пролетарского интернационализма.

Владимир и Марина умели слушать всех. Но решения принимали совершенно самостоятельно.

Как там заканчивался сценарий Высоцкого о молодом человеке из Ленинграда, влюбленном в девушку из Шербура?

«Он шел по улицам и улыбался прохожим, потому что интересная сказка кончилась и начиналась еще более интересная реальность…»

* * *

— Имею честь пригласить вас на свадьбу, — сказал Высоцкий торжественно, с какой-то извиняющейся улыбкой. — Будут только свои.

Если бы это торжество состоялось на Манежной площади, утверждал приглашенный Андрей Вознесенский, все равно не хватило бы мест…

1 декабря 1970 года стало днем бракосочетания Марины Владимировны и Владимира Семеновича. Невесте и жениху в ту пору исполнилось уже по тридцать два (к слову сказать, Пушкин встретил свою несравненную Наталью Николаевну именно в этом возрасте). В церемонии бракосочетания принимают участие лишь четыре человека: собственно сами новобрачные и их свидетели — тот самый французский журналист Макс Леон и Всеволод Абдулов. Хотя нет, конечно же, был еще один человек — сотрудница районного загса, которая и делала соответствующие «записи актов гражданского состояния».

«Свадьба была странная, — рассказывал Абдулов. — Мы тогда были бедные, с деньгами и работой — проблемы, поэтому обошлись без цветов и нарядов. Володя и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимания, Высоцкий попросил работницу загса расписать их не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете…»

Свадьбу справляли в небольшой квартирке на 2-й Фрунзенской набережной, снятой накануне и за один день

превращенной Мариной в уютное жилище. «Своих» у новобрачных оказалось совсем немного. Главный «свадебный генерал» Юрий Петрович Любимов с Людмилой Целиковской, Вознесенский с Зоей Богуславской, Александр и Лиля Митта. Позже подъехал скульптор Зураб Церетели.[22]

На мгновение заглянул и незваный гость — какая-то девушка с глазами цвета морской волны и великолепными тонкими белыми руками преподнесла новобрачным большой, толстый и тяжелый пакет. Там оказалась икона от старого известного сценариста, эрудита и поэта.

«Пироги, жареная утка, заливное — меню признанных кулинаров Лили и Саши Митты», — рассказывала Зоя Богуславская-Вознесенская.

— Нет-нет, — уточняла «главная по кухне» Лиля Митта, — во-первых, это была не утка, а индейка. Она занимала полстола. Я подавала ее на салатных листьях, с консервированными фруктами и делала ей красивый ореол из «перьев» — хвост из шампуров, на которые были нанизаны огурчики, помидорчики, редиска, виноградины. Мы с Мариной всегда любили украшать стол, хотя тогда в России не очень-то было принято уделять внимание антуражу… Было фруктовое желе, еще какие-то салаты приготовили. Ну и яблочный пай я испекла — его все очень любили. Зураб до сих пор, как увидит меня, спрашивает: «Где мой яблочный пирог?»

За тарелками и рюмками пришлось бежать в ближайший магазин «Уют». Потом Вознесенский откупоривает бутылку вина столетнего разлива… Притихший, немного растерянный Юрий Петрович (куда заведет его главного артиста этот судьбоносный шаг?!) пьет за молодоженов, желает им счастья на скрещении неведомых франко-русских дорог.

Гости замечали: Володя был удивительно тих в тот день, ничего не пригубил, лежал на диване и пел.

«Настроения нет, — сразу уловил Церетели. — А у меня характер такой: чувствую, будто моя вина, что праздник не состоялся. Тогда говорю: поехали в Тбилиси, там гулять будем!

И сделали свадьбу. Грандиозную! Сказка! До шести утра песни пели, на бутылках танцевали, веселились. Правда, потом один эпизод случился: Марина случайно ударила ногой по столешнице, и вдруг огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. На Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинают сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Я это понял, и все грузины вокруг поняли, но мы постарались виду не показывать, продолжали гулять, будто ничего не случилось.

Однако я уже знал: Марине и Володе вместе не жить…»

Невеста, правда, возлагала вину на жениха: «Ты неловким движением опрокидываешь часть раздвижного стола — дорогая посуда падает и разбивается вдребезги. Мы в ужасе. Как бы отвечая на наши смущенные извинения, хозяин проводит рукой по столу, смахивая все, что стоит перед ним. Тамада говорит:

— Тем лучше, можно начать сначала…»

Ну, что ж, бывает. Праздник продолжался. Крики первых петухов застают молодых в белых одеждах, сидящих во главе стола, расцвеченного лобио, сациви, маринованным чесноком, пряностями, шашлыками, приготовленными прямо во дворе… Каждому в небольшой рог наливают вино. Бокалы из старинного хрусталя предназначаются только для воды….

«Это действительно была уникальная свадьба, — гордился собой скульптор, — она напоминала музыкально-поэтическое представление. Высоцкий пел, гости читали стихи Пушкина, Пастернака, Лермонтова, а грузины пели грузинские песни. Моя жена Инесса накрыла стол, блюда подавались на старинном андрониковском сервизе, фрукты и овощи на серебряных подносах…»

Звучали пышные тосты:

— Пусть ваш гроб будет сделан из досок того дуба, который мы садим сегодня — в день вашей свадьбы!

— Пусть ваши правнуки даже на черном рынке не смогут достать билеты на ваши спектакли…

И, разумеется:

— Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?!.

Еще за год до этого Высоцкий все точно увидел:

Кстати, был у тамады
Длинный тост аллаверды
Про него — Отца родного —
И про все его труды…

В спальне новобрачных ждал дар одного из друзей — гениального мистификатора, «человека не из жизни», режиссера и художника. Молодожены распахнули двери — и остановились, не смея сделать ни шага: пол в комнате был устлан ковром из разноцветных фруктов. А на кровати распахнутыми крыльями лежала роскошная старинная шаль с приколотой запиской в два слова: «Сергей Параджанов».

«Я… никогда не забуду лицо Марины Влади, какое было у нее во время медового месяца, — признавался Зураб Константинович. — Ни в одном фильме, ни на одном самом

удачном снимке она не была так обворожительно, так неотразимо, победительно красива!.. Я видел Марину, когда она утром выходила из спальни, и ее, словно сияние, окружала любовь. Когда-нибудь я напишу картину На ней будет сцена, которую я видел тогда: на балконе Высоцкий с гитарой поет у ног Марины, она стоит в белом платье, с развевающимися золотыми волосами, а рядом, замерев, смотрит на них моя большая черная собака…»

Тогда же Церетели повел молодоженов в гости к своему другу, художнику Ладо Гудиашвили. Увидев у того на стене две работы Модильяни, Марина гордо сказала, что когда-то ее отец дружил с Амадео.

— А как фамилия твоего отца? — поинтересовался старый художник.

Марина назвала. Тогда Ладо вышел в соседнюю комнату и принес фотографию, на которой был запечатлен Владимир Поляков в компании с Пикассо, Леже и Модильяни в легендарном ресторане «Куполь» на бульваре Монпарнас.

— А там, слева, посмотри, — показывал Гудиашвили, — сидит певица Сузи Солидор, она приходила туда с огромной змеей на шее. А вечным спутником танцовщицы Жозефины Бейкер был гепард Никита… Мы жили весело и беззаботно. Никто не думал о славе, главными для нас были слова друзей.

* * *

Вспоминая и свадьбу, и все годы супружеской жизни, Марина Влади убежденно говорила: «То, что мы поженились, — спасло его. Дело не только в том, что мне удалось заставить его хоть как-то взять себя в руки. Не будь нашей женитьбы, Высоцкого просто извели бы — он или погиб бы намного раньше, или оказался в тюрьме. А при мне его не решались трогать».

* * *

Вскоре вечным беспризорникам и скитальцам несказанно повезло — старый Володин приятель, Эдуард Володарский, удачно «сосватал» им квартиру на Матвеевской, которую спешно сдавал знакомый журналист, отправлявшийся — на целых два года! — в командировку в Монголию. Владимир и Марина получили в свое распоряжение вполне приличное жилище — аж три комнаты! Тут уже было где развернуться. Марина обставила

квартиру оригинальной пластиковой мебелью, которую вместе с какими-то необыкновенными занавесками привезла из самого Парижа.

Хотя существовало, конечно, и неудобство — излишне назойливый сосед в лице самого Володарского, который, отрываясь от сочинения очередного киносценария или пьесы, «отрывался по полной» другим, хорошо известным ему и Высоцкому способом.

Существовал и еще один минус. На Матвеевскую зачастил некий Костя Мустафиди, радиоинженер, счастливый обладатель редкой по тем временам полупрофессиональной квадроакустической установки «AKAI». Он предложил Высоцкому сделать полный аудиоархив его песен. Владимир ухватился за эту идею, и они взялись за работу. Наблюдая за ними, Марина возмущалась:

— Кто такой этот Костя, чтобы делать Володе замечания?

Ее интуитивная неприязнь вскоре нашла реальное подтверждение. Предприимчивый инженер Костя, сообразив, что напал на «золотую жилу», втихаря начал приторговывать уникальными записями. Марина добилась, чтобы Высоцкий таки выгнал проходимца из дома. Предательства ни она, ни он не прощали…

После замужества Марину донимали одним:

— Ты что, во всей Франции не смогла найти себе мужа?

А она отвечала:

— Там — charmant, здесь — мужик.

«Мужик», само собой, хотел жрать.

По мнению большинства знакомых, Марина была отменной кулинаркой. Фирменное блюдо? О, у нее их было великое множество — и разнообразные спагетти, и мясо по-бретонски, и японские блюда из сырой рыбы, прежде всего тунца. «Только нужно уметь резать эту рыбу, — предупреждала Влади, — чтобы не поранить руки. Зато это очень вкусно».

Да-да, она фантастически готовила, заверял Иван Дыховичный, который имел счастливую возможность быть тому свидетелем и придирчивым дегустатором. Все время придумывала какие-то новые блюда. При этом делала все вроде бы левой рукой, без всякого напряжения. Она была как Дед Мороз, потому что все время покупала продукты в валютной «Березке»…

При всем уважении к французской кухне готовить по этой рецептуре она чаще всего отказывалась, ссылаясь на то, что на подобные блюда требуется чересчур много времени. Из русской — предпочтение отдавала борщу и супам. Впрочем, замечала

Марина, «Володе было совершенно все равно, что он ест. Так что не этим я его заманила».

Но свидетельством особого отношения Влади к кухне является тот бесспорный факт, что одну из книг, которая появилась из-под ее пера, автор озаглавил: «От сердца — к чреву. Кулинарные истории и рецепты». Но тогда в Москве своими поварскими секретами она делилась лишь с благодарными приятельницами. Может быть, проверяла на них еще не написанные странички своей будущей книги?

— Лиля, вот ты знаешь, что такое настоящий бульон? Нет, Лиля, ты не знаешь, что такое настоящий бульон! Это такая штука, которая придает силы, возвращает улыбку и радость жизни, — даже рассказывать Марина умела «вкусно». — Секрет бульона мне достался от моей бабушки-татарки, предки которой… а, кстати, откуда они сами-то были? В общем, я узнала, как варили конину ее предки. Мясо клали под седло наездникам, которые собирались в дальнюю дорогу, — под седлом оно размягчалось, на привале его можно было быстренько отварить и съесть. Такой, можно сказать, гамбургер среднеазиатских степей…

Вот слушай и запоминай рецепт бульона, который я сама придумала. Его готовят из рыбы, и рыбы нужно много и по возможности мелкой. Ее долго кипятят, не добавляя никаких специй. Потом из рыбы нужно вынуть кости, посолить, а затем уже процедить бульон. Кстати, масса из костей и хвостов — очень вкусный корм для собак, кур или просто певчих птичек. Жаль, у вас здесь никакой живности нет, не то что у меня дома… Да, и последний штрих — добавляешь туда выжатую половинку лимона и мелко нарубленный анис. И тогда уже подаешь на стол. Объеденье!..

В Москве Марина безропотно ходила по полупустым и грязным гастрономам, наводила порядок в квартире, пылесосила, стирала, вытирала пыль, гладила белье, сдавала пустые бутылки. В очередях за колбасой ей постоянно приходилось решать некоторые лингвистические головоломки. К примеру, Марина никак не могла сообразить, когда ей задавали вопрос: «Кто крайний?» Ведь у очереди, по ее мнению, имеются два края. Почему же тогда господ интересует крайний, а не последний? И как реагировать на слова господ, когда один из них говорит другому: «Да отстань от нее! Видать, сука, нерусская!»? Все это поначалу madame Vlady ставило в тупик…

«В России главное слово — „дефицит“, — просвещала она своих парижан. — Все было дефицит! Я жила совершенно по-советски, единственную роскошь могла себе позволить — походы

в „Березку“, где покупались дефицитные продукты. Я же должна была его хорошо кормить! У нас друзья приезжали из разных городов, привозили продукты. Однажды приходим в театр, а у служебного входа стоит Володин товарищ и в руке, как огромный букет цветов, держит мороженую рыбу!!!»

Задерживаясь на утренней репетиции в театре, Высоцкий названивал домой:

— Мариночка, хватит валяться… Вставай.

Любопытная кадровичка, невольно оказавшаяся свидетельницей разговора, тут же поинтересовалась:

— Володя, а кто у вас готовит, убирает? Кто о тебе заботится?

— Ой, Елизавета Иннокентьевна, да Марина сама все умеет…

* * *

Володя старался показать мне как можно больше всего из того, что сам любил, что было ему дорого, рассказывала Влади. Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показывают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. Со всякими заповедными уголками, чем-то близкими и дорогими ему… Мы очень любили вечерами бродить по московским улицам. И что больше всего меня поражало, изумляло, покоряло: чуть ли не из каждого окна слышны были его песни…

Ему хотелось каждый день «московских каникул» Марины сделать «красным днем» календаря, придумывая неожиданные для своей «парижской девушки» всяческие приключения. Как-то раз ни с того ни с сего, затащил на прогулку на речном трамвайчике. И, глядя на мутные воды Москва-реки, неожиданно решил:

— А теперь — на Черное море!

В Одессе их ждали, готовились. Еще в аэропорту обаятельнейший балагур Миша Жванецкий предложил: «Ребята, сегодня вы акклиматизируетесь. А завтра — ко мне на концерт».

«Приезжают „Жигули“, — вспоминал Жванецкий. — Олег, друг, за рулем, а рядом голая, как я увидел, женщина. Марина Влади… В те дни жара стояла неимоверная, и она была как-то раздета… В рамках. Но французские рамки — не наши, и поэтому на заводе „Промсвязь“ ей выдали плащ-палатку, чтобы укрылась. Ажиотаж поднялся страшный: Высоцкий с Мариной Влади в зале красного уголка! Можно потерять сознание!.. Дирекция завода, обком партии — все вокруг носились, ну как возле шампуров на гриле. Марина уже сидит, а в зале суета, все ходят, как в

Мавзолее, кругами… Движение не прекращалось, пока Володя не попросил: „Дайте же посмотреть, ну, пожалуйста, я вас очень прошу…“»

Одесские гранд-дамы, преследуя по пятам прогуливавшихся вдоль моря Марину Влади и Высоцкого, шушукались: «Она такая красивая, и что она в нем, таком-сяком, нашла?..»

Явно погорячился Высоцкий, воспевая несравненные достоинства девушек с Привоза:

Ну, а женщины Одессы —
Все скромны, все — поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае красивы…

Его друзья — морские капитаны Анатолий Гарагуля и Александр Назаренко — дарили им умопомрачительные черноморские круизы на своих теплоходах «Шота Руставели» и «Грузия», устраивали со всем комфортом, оберегали от досужего внимания, исполняя любые Маринины прихоти и капризы. Бывало, рассказывал Гарагуля, идем, как вдруг Влади говорит: «Хочу купаться». Останавливается теплоход — и Марина плавает посредине Черного моря…

Море было тихим, вечным и праздничным. Ей казалось, что она барахтается в ласковых, шелковых объятиях, а с небес на нее взирает золотое око. И видит Создатель неразумную букашку, которая барахтается среди волн, уже вдоволь нахлебавшаяся солено-горькой воды, и усмехается Боженька: поглядим, выплывешь ли ты. И вспучиваются волны, уже не родные и мягкие, а хлесткие, которые заставляют тебя отворачивать лицо от далекой заветной ленточки, которая то и дело ненадолго ныряет в пучину.

Марина обожала море. Как-то на спор поплыла к горизонту. Ей хотелось тронуть рукой эту ленточку там, где кончается море. Вот такая странная мысль одолела ее лет в десять. Тогда не удалось…

Она вынырнула из глубины и широко распахнула вмиг защипавшие глаза. Отдышавшись, медленно поплыла к борту теплохода. Рядом, метрах в двадцати-тридцати, на легких волнах покачивалась спасательная шлюпка с двумя матросиками. Она вспомнила свои средиземноморские путешествия с Жан-Клодом; тогда ей тоже было хорошо, она была безмятежна и спокойна. Но почему-то именно Черное море сейчас кажется ей безбрежным и бездонным, как жизнь и счастье, смывающим с души всю горечь и прежние обиды. Она приблизилась к борту корабля, закинула голову. Солнце слепило, но все же она видела знакомый силуэт ее

Владимира, беспокойно пританцовывавшего на палубе и машущего ей рукой: «Скорей! Домой! Марина!»

Однажды, следуя обратным курсом на Одессу, Анатолий Гарагуля шутки ради отбил РДО главе Сочи Вячеславу Воронкову: «На борту Владимир Высоцкий и Марина Влади. Предлагаю встретиться».

Утром следующего дня градоначальник уже томился на берегу в ожидании гостей. «Прокатил их по городу, — рассказывал Вячеслав Александрович, — и затащил на гору Малый Ахун, где на поляне, вблизи бывших дач первых кремлевских особ — первого „президента“ Калинина и наркома Молотова, устроил царский пикник… Жаль, Высоцкий сначала не хотел ни пить, ни петь. Только потом не выдержал, и вдвоем с директором санатория „Сочи“ они стали рвать голоса и гитары над вечерним Сочи у костра. Хотя времени было в обрез. Чуть в итоге не опоздали на теплоход…» Вспоминая тот вечер, градоначальник мечтательно вздыхал и говорил: «Марина назвала меня ласково „мэрчик“…»

Только вот в Крыму, где Слава Говорухин снимал свой фильм «Белый взрыв», путешественникам сначала не повезло. Отдохнуть в Ялте? Пожалуйста. Но вольные поездки по приграничному полуострову иностранке Марине де Полякофф погранслужбами строго возбранялись. Да ладно, не беда, решили в киногруппе. Под предлогом «выбора натуры для съемок» зафрахтовали прогулочный катер и объездили с французской гостьей чуть ли не все Крымское побережье, даже в Форос заглянули.

Марина чувствовала, что Высоцкий, как в воздухе, постоянно нуждался в ее присутствии рядом. Она покорно и с удовольствием бывала на его концертных выступлениях, следовала за ним в гастрольные поездки по стране, приходила в восторг от того, как ее Володю встречают, как радуются, поклоняются, как ему аплодируют, как любят и всегда ждут. Она бывала с ним в киноэкспедициях с поганым, по-походному устроенным, но таким любопытным бытом. Не жаловалась. Не зря же мама еще с детства ей внушала: «Каждая женщина — хозяйка своей судьбы… Очень важно в этой жизни не отчаиваться и не опускать руки в любых, самых сложных, ситуациях…»

Рассказывая о своих родителях, как-то упомянула, что ее отец, Владимир Васильевич, родился в каком-то местечке под Минском. Новогрудск, есть такой? На следующий день Высоцкий появился дома и как бы вскользь, мимоходом сказал:

— Знаешь, Витя завтра нас ждет в Белоруссии. У него там сейчас в самом разгаре съемки, а я ему давно обещал новые песни для фильма. Мы уже созвонились. Ты как?

— И ты еще спрашиваешь?!.

«Мы снимали у озера Свитязь, — вспоминал Виктор Туров. [23] — Для Адама Мицкевича это озеро было святым… Встретил я Володю и Марину у вагона в Барановичах и привез на это озеро. Было воскресенье, из Барановичей и Новогрудска понаехало много отдыхающих… И по пляжу, по озеру пошел такой шорох, шум, взволнованность некоторая… Я оставил их одних погулять в лесу вдоль озера. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: „Там бить собираются Высоцкого и Влади!..“ Приняли за самозванцев. Толпа окружила: „Думаете, коль мы провинциалы, то над нами можно издеваться? Что вы себя выдаете черт знает за кого, за известных артистов!..“»

В глазах публики Высоцкий все еще оставался седовласым поручиком Брусенцовым из «Двух товарищей», а тут… И Марина Влади в своем неброском наряде выглядела просто обаятельной женщиной в каком-то допотопном платке… Они далеко не тянули на суперменов… Словом, «самозванцев» чуть не отколотили…

Конечно, подтверждал рассказ режиссера художник Евгений Ганкин, народ, который помнил пышноволосую красавицу, не поверил, что эта скромная женщина с каким-то нелепым пучком на голове, в обыкновенном ситцевом сарафанчике и поношенных босоножках, и есть та самая Марина Влади. Местные франтихи с причудливыми прическами выглядели куда более эффектно… А уж о Высоцком и говорить было нечего. В общем, спасибо, что не плюнули…

Пока суть да дело, гостей от греха подальше упрятали в деревушке Литовка, километрах в десяти от Свитязя. Поселили у доброй старушки, которой дела не было, какие знаменитости пожаловали к ней на постой, лишь бы люди были хорошие. Угостив их драниками и козьим молоком, хозяйка отвела Марину с Владимиром на сеновал под крышей хлева. Одурманенные покоем и тишиной, они проспали там до полудня. И оставались в Литовке еще дней десять, пока Высоцкий не сочинил все обещанные Турову песни. Скоро «партизанский лес» уже вовсю гремел — «Мы не успели оглянуться, а сыновья, а сыновья уходят в бой…», «Друг, оставь покурить…», «Аисты», «Кто сказал, что земля умерла…».

Но Марине так не хочется уезжать, и она просила:

— Витя, ребята, ну уговорите Володю еще хоть немного побыть здесь, не торопиться уезжать…

В один из свободных дней Туров усадил своих гостей в лодку, по Неману они поднялись до маленькой речушки Березы. Там, на острове, отрезанном с одной стороны рекой, с другой — болотом, обитали хуторяне. «В деревеньке меня уже знали, — похвалялся

Виктор Тимофеевич. — Нам подарили бутылку чисто нашего доброго житного самогона, большую луковицу, кусок белорусского сала и буханку домашнего печеного хлеба. Сели мы на бережке. Это были счастливые мгновения, когда в жизни, кажется, все хорошо, когда душа и сердце чистые, когда не хочется думать о плохом. Володя тогда вел здоровый образ жизни, был, так сказать, в полной „завязке“, и нам с Мариной пришлось вдвоем немного выпить этого самогону. И тут случилась поразительная история, будто бы по заказу! На противоположном песчаном берегу мы вдруг увидели бегущую лису. Она остановилась и безмятежно посмотрела на нас. Мы ее не пугали, она пришла к нам, как праздник, как дар божественной природы, как чудо живой жизни… И потом мы решили, что будем хотя бы раз в два года собираться здесь, на Новогрудчине. И встречаясь позже, мы говорили друг другу: „Ну, скоро поедем, скоро поедем. Ну, вот-вот…“»

А «скоро» так и не наступило.

…Прибалтийские рыбаки баловали своих удивительных гостей «особенностями национальной» ловли лосося. Поистине сказочный подарок преподнес Высоцкому и Влади в Юрмале неугомонный фантазер, все тот же Сергей Иосифович Параджанов. Он соседствовал с ними в гостинице. Однажды, когда в их номере отключили воду, Параджанов предложил попользоваться его ванной.

— Ключи от номера будут у портье, — сказал он.

Войдя в комнату, увидели на столе боржоми, фрукты, сигареты и лимонад.

— И это все? — удивился Высоцкий. — Что-то не похоже на Сергея, тут какой-то подвох, обязательно должен быть сюрприз.

Марина вошла в ванную и радостно вскрикнула:

— Смотри, Володя!

На душе Параджанов прикрепил букет — так, чтобы вода лилась на красавицу Марину прямо с охапки алых роз…

«Я до сих пор сохраняю великолепные бусы, подаренные мне Сергеем Параджановым, — гордилась Марина. — Мы, приезжая в Киев, всегда были его гостями, он угощал нас грузинскими блюдами, сыром, вином…»

* * *

Но! «Мы становимся, как говорят американцы, супругами дальних расстояний, — сожалеет Марина. — Мы почти наизусть знаем расписание авиалиний, как зимних, так и летних. Наши

семейные отношения могут показаться странными: он — в Москве, я — в Париже. Мы ежемесячно проводим вместе несколько дней или недель. Иногда и более длительное время — в зависимости от нашей профессиональной занятости. Но это не осложняет нашу личную жизнь… Это было бы неинтересно. Расстояния между нами ставят все на свои места. Подобный образ жизни только способствует любви. И если даже мы иногда удалены друг от друга физически, это ничего не меняет для нас, тогда как в противоположном случае ежедневная общая жизнь, совместное проживание утомляет и даже может привести к драме. Возможно, что мы бы и не вынесли такой жизни, изо дня в день находясь постоянно рядом…

Временами я была в восторге от того, что в течение 10 лет живу с ним, и хотела бы состариться рядом. Очевидно, мы дополняем друг друга… Мне, конечно, могут сказать, что это ужасные отношения, но я, по крайней мере, в них уверена. Я этому верю. И я стараюсь становиться лучше, быть менее требовательной, быть более демократичной и терпимой женой. Но как это трудно!

И все-таки думаю, что наши отношения правильны, они проверены временем… Наша профессия тоже нас связывает и соединяет, делает единомышленниками. Наконец, наша общая славянская кровь! И уверенность в наших встречах, и безумие нас обоих. Общее наше безумие…»

* * *

— Журнал «Крестьянка». Можно вопрос?

Марина улыбается: «Конечно. Ведь это же пресс-конференция».

— Скажите, пожалуйста, кто ваши модельеры? Как вы обычно одеваетесь?

— Боже мой! Каждый раз мне задают этот вопрос, и каждый раз я не знаю, как на него ответить!.. Я не одеваюсь. То есть я, конечно, не хожу голая, но надеваю что попало. Часто ношу спортивную одежду. Специально наряжаюсь, только когда иду в театр или для выхода на прием, или еще куда-нибудь в этом роде… Но никаких модельеров у меня нет. Я абсолютно не слежу за модой и вообще никогда не следила. В юности мне просто одалживали платья, в которых надо было появляться в Каннах или еще где-то. Потом появился вечерний туалет, классический… Очень люблю красный и черный цвета… Особенно черный, он хорошо оттеняет кожу… Еще вопросы?

— Журнал «Физкультура и спорт». А дома что вы предпочитаете?

— Дома хожу в спортивной одежде, в колготках. И вообще я очень люблю спорт. Вашему журналу, возможно, это будет интересно. Лет до тридцати я занималась почти профессионально и теннисом, и лыжами, и гимнастикой, и велоспортом, и плаваньем. А в детстве еще и верховой ездой. Но, к сожалению, совсем не модница, не кокетка…

Зато Высоцкого она старательно и со вкусом одевала, замечал фотомастер Валерий Плотников. «К себе, — говорил он, — Марина относилась не так требовательно и не особенно много времени она уделяла своему гардеробу, что, в общем-то, не мешало ей выглядеть необыкновенно очаровательной. Я же хотел сделать ее портрет для пластинки стильным и экстравагантным. Своих вещей у Марины в Москве не было, и я сказал, что договорюсь со Славой Зайцевым, он нам поможет. На что Володя мне ответил, что Марина отродясь в манекенщицах не ходила и в чужом сниматься не будет… Как я и предполагал, Слава очаровал Марину, вещи он специально подобрал с неуловимым национальным колоритом, и мы втроем, уже не помню, сколько часов подряд, с радостью и легкостью меняли один наряд за другим, помня о том, что Марина совсем не манекенщица. Правда, самого Володи на той съемке не было, и мы веселились от души…»

Нужна ли ей была диета? «Была нужна, — без тени смущения отвечала Влади. — Любая женщина, наверное, знает, что это такое. Русская женщина — тем более. Ведь каноны красоты давно изменились. Не модны уже пышные и округлые формы». Позже стала уделять всей этой канители гораздо меньше внимания.

Естественности поведения, непринужденности, раскованности, выдержке Марины московские знакомые актрисы откровенно завидовали. При случайной встрече кинозвезда тех лет Людмила Чурсина поражалась: «Она слегка располнела, платье на ней даже немножечко разошлось по швам, туфельки, наверное, любимые, новизной не отличались, а волосы по-простому распущены. Но она была так естественна и прекрасно себя чувствовала!» Когда одна сухопарая коллега вздумала укорить Влади, Марина ловко парировала: «Ты выбрала фигуру — я выбрала лицо!»

Для нее живым образцом великолепной физической формы был муж. Марина даже полагала, что «если бы Володя не стал актером, он бы стал спортсменом высокого класса. Немногие знают, чего это стоило… Юрий Любимов требовал перед каждым

спектаклем проводить занятия по гимнастике, выполнять упражнения, помогающие постановке голоса, дыхания… Играя „Гамлета“, Володя каждый раз худел на 2–3 килограмма, а после „Жизни Галилея“ терял в весе еще больше. Еще бы — четыре часа на сцене, без минуты передышки! А один из монологов он читал, стоя на голове!.. В общем-то, нагрузки, какие хилому актеру не выдержать…»

Она следовала его примеру. К слову сказать, хорошая физическая подготовка, умение владеть своим телом, отменная выдержка и самообладание однажды спасли Влади жизнь в прямом смысле. Зимой 1991 года, приехав в Питер на съемки фильма «Пьющие кровь», Марина остановилась в гостинице «Ленинград». Ранним утром проснулась от удушья. Подняла голову и обомлела: номер быстро заполнялся дымом, который вползал из-под двери. Пожар! Горим! Марина ринулась в ванную, под сильной струей холодной воды намочила простыни, полотенца и затолкала их в дверные щели. Потом схватила телефонную трубку: «Портье? Портье!» — «Пожар, мадам», — услышала в ответ растерянный голос.

Спасаться надо было самой! Распахнула окно, в комнату хлынули порывы морозного ветра с Невы. Марина вскочила на подоконник. Площадь перед гостиницей уже начала заполняться пожарными машинами. Люди суетились, дико орали, визжали от ужаса, плакали. Кто-то, увидев ее в окне, закричал: «Смотрите — вон Марина Влади!»

Наконец начали действовать спасатели, заработали механизмы и пошли вверх лестницы с пожарных машин. А за дверью, по коридорам гостиницы жадным смерчем мчался огонь. Марина увидела, что какой-то боец пытается развернуть выдвижную лестницу в сторону ее окна, но в этот момент рычаг заклинило. Оставалось одно: прыгать на крошечную площадку пожарной лестницы. «Это был седьмой этаж, — придя в себя, рассказывала Марина. — Я старалась не смотреть по сторонам. Все вокруг было ужасно. Люди падали из окон прямо на тротуар. Выбора не оставалось…»

Зажмурившись, она прыгнула. Точное попадание на метровую площадку лестницы, которую мертвой хваткой удерживал молодой человек в каске, спасло жизнь Марине. Придя в себя, она сказала просто: «Не сгорела, потому что сумела не потерять голову Это я так решила — не Бог помог. А если бы выскочила в коридор, как другие, — не спаслась бы. Жертв было гораздо больше, чем сообщали в газетах».

В благодарность пожарным Марина передала им чуть не весь гонорар, полученный ею за картину. Актриса улетала из

Ленинграда с маленькой сумочкой, в которой позвякивали ключи от квартиры и автомобиля. В руке держала три розы — от друзей. Но осознание беды пришло потом, когда она поняла, что навсегда лишилась самого главного — нескольких писем Высоцкого, которые она после смерти мужа, как талисман, неизменно возила с собой.

«Соглашайся хотя бы на рай в шалаше…» — II

— Володя! — кричит она в трубку. И замолкает. Нет сил продолжать разговор.

Марина в отчаянии звонит в Москву, чтобы сообщить Владимиру: сегодня вместе с сестрами она должна дать согласие на отключение аппарата, который искусственно поддерживает жизнь мамы. Или отказаться от предложения врачей. У них есть выбор. Или нет. Что делать?!!

Он произносит именно те слова, которых она ждет: «Если жизнь больше невозможна, зачем поддерживать ее видимость?»

Измученные женщины долго спорят между собой, обвиняя друг друга в жестокосердии. Но потом все же выдавливают из себя мучительное «да» и прощаются с мамой… «Мама, — понимала Марина, — моя подруга, мой единственный стержень в этой жизни — при смерти… Кончина моей матери — отражение в зеркале моей собственной смерти — сводит к очень немногому ежедневный фарс нашего существования…» Но она понимает и другое: надо жить дальше. Она нужна Володе и своим сыновьям. И мысленно говорит себе самой и им: «Отныне я для всех вас — последнее звено цепи».

Когда в феврале 1972 года умерла Милица Евгеньевна, у осиротевшей Марины от горя и одиночества внезапно возникает шальная мысль: навсегда оставить Париж и переехать вместе с детьми в Москву. Принять советское гражданство, попытаться снова начать работать, жить. Ее успокаивают, отговаривают: «Опомнись. Ты поступаешь под влиянием минуты. Остановись, очнись. Еще раз подумай. Не торопись».

Даже у импульсивного Высоцкого намерения Марины особого восторга не вызывали. В своих записках он признавался себе: «Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю, почему, может быть, потому, что никогда не жил так, и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что ж, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть…» Может быть.

Прийти в себя и осознать поспешность своих решений ей помогли обычные житейские труднопреодолимые проблемы: отсутствие денег, работа, предполагаемая, начатая, но так и не законченная. «К тому же моих сестер и детей приводит в ужас только одна мысль о возможности моего переезда в Москву, — говорила Марина. — А главное — то, что мои дети, с

удовольствием проводящие в Союзе летние каникулы, не хотели бы все-таки окончательно поселиться вдали от Франции… Когда я это все поняла, то решила не покидать Францию и ничего не менять в жизни моей семьи.

Хотя логика моих прошлых опытов должна была заставить меня, не задумываясь, переселиться и устроиться постоянно с детьми и всем скарбом в Москве, у моего мужа. То, что я всегда делала, не рассуждая. Но на этот раз вырвать детей и окунуть их в новую среду, которая им совершенно чужда, мне показалось слишком дерзким. И потом, имеем ли мы право под предлогом того, что кто-то кого-то полюбил, и если даже этот кто-то вас страстно любит, преподнести ему в подарок свою, уже сформировавшуюся семью?..»

Коль точка поставлена, на семейном совете было решено вернуться к давнишнему замыслу Высоцкого — построить дом. Еще весной 1969 года Владимир вместе со своим приятелем, художником Диодоровым, исколесил множество подмосковных деревень, присматривая подходящее жилище. Даже говорил на сей счет с бывалым, потомственным сельским жителем Валерием Золотухиным:

— Решил купить себе дом. Тысяч за семь… Три отдам сразу, а четыре — в рассрочку. Марина подала эту идею… Дом я уже нашел, со всеми удобствами, обыкновенная деревянная дача в прекрасном состоянии, обставим ее… У меня будет возможность там работать. Марина действует на меня успокаивающе…

Лукавый Золотухин тогда только тихонько посмеивался: «Я умилялся наивному желанию Володи создать идеальный семейный очаг. Это химера, ведь у него был такой разброс интересов, такое космическое поле притяжения! В клетку комнаты такой космос не вместить!..»

Мечта Высоцкого (была ли, впрочем, она столь заветной?) о собственном загородном доме в конце концов воплотилась в постройку дачи на участке Эдуарда Володарского в писательском поселке Красная Пахра.

«Марина… все время долбила мужу в темя, что пора приобрести дачу или дом, — распределял „роли“ в своей будущей пьесе маститый драматург. — Мол, надоело жить в Москве, в квартиру вечно припираются пьяные друзья».

На территории участка Володарского, который ранее принадлежал поэту Семену Кирсанову, кроме большого дома, стояла еще и времянка. Хозяин сказал Высоцкому: приведи ее в порядок — и живи там сколько угодно в свое удовольствие. Высоцкий идеей загорелся, пошел, все осмотрел и предложил встречный вариант: времянку снести, а из бруса, который он

непременно где-нибудь добудет, построить настоящий дом. На том порешили, ударили по рукам. Какие счеты могут быть между друзьями?

«Я уезжала из Москвы с длиннющим списком вещей, которые должна буду привезти в следующий раз, — вспоминала Марина. — К счастью, в последнюю минуту у тебя появляется еще одна хорошая идея. Один из наших друзей, Олег, возвращается из Лондона в Москву, у него есть право привезти с собой контейнер с мебелью. Таким образом, мы можем привезти все, что нужно для дачи».

В Лондон она поспевает как раз к сезонной распродаже. Три дня подряд с утра до вечера носилась по магазинам и скупала все, чем можно обставить и украсить их будущее новое жилище: салонную мебель в классическом английском стиле, лампы, кровати, постельное белье, огромный холодильник, который, как просил Володя, мог постоянно выдавать кусочки льда, посуду, духовку, кухонный комбайн…

Потом Марина возвращается в Москву и становится прорабом на стройке. На нее сразу обрушивается целый ворох проблем. Сначала обнаруживается, что батареи вовремя не прочистили, в морозы они лопнули — значит, придется менять. Большие щиты из прессованных опилок разбухли от влаги — нужен компрессор для просушки. Высоцкий договаривается по поводу такого агрегата через знакомых на «Мосфильме». Когда его подключают к сети, во всем поселке вылетают пробки. Кафель неопределенного цвета, который предназначался для ванной, при перевозке расколошматил в дороге пьяный шофер. «Но потихоньку наша постройка начинает становиться похожей на настоящий дом, — радуется Марина. — К концу 79-го приезжает мебель. Я провожу целые дни одна, расставляя все в доме, но меня вызывают во Францию на съемки, и я уезжаю. Справить новоселье нам так и не удается…»

Только к марту следующего года затянувшаяся стройка была почти завершена. Правда, все эти месяцы законного хозяина участка не оставляли в покое именитые соседи — «король детектива» Юлиан Семенов, кинорежиссер Эльдар Рязанов, главный редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев и даже «таганский», казалось бы, автор, прозаик Григорий Бакланов: чего это там у тебя Высоцкий дом строит, это ведь запрещено? Володарский открещивался как только мог: это и не дом вовсе, а так, служебное как бы помещение для его личного архива и библиотеки. Впрочем, собратья-«письменники» напрасно переживали относительно своего потенциального беспокойного соседа. В Красную Пахру Владимир Семенович приезжал редко.

Жаль только, история с домом Высоцкого имела весьма грустное и дурно пахнущее продолжение, превратившись в предмет тяжбы между наследниками умершего поэта, его вдовой и самим Володарским. Но это будет уже *потом*.

* * *

— Марин, тебя, — Владимир протянул трубку жене, успев шепнуть: «Ира Мирошниченко».

— Bonjour, madame.

— Bonjour, mon ami.

Легко, непринужденно и доброжелательно знакомясь с женами, подругами, приятельницами, спутницами, музами друзей Высоцкого, Марина исподволь внимательно приглядывалась к ним и только потом делала свой выбор и принимала решение, продолжать ли общение или все-таки постараться держаться на расстоянии. В какой-то период была в добрых отношениях с актрисой Ириной Мирошниченко, в чьем доме нашла уют и понимание в момент раздора с Владимиром. Женщин сближало многое, в том числе, конечно, и французский язык, и музыка. Но прежде всего близость жизненной философии. «Женщина должна иметь свой стиль, неповторимый, ее личный, — утверждала Ирина Петровна. — Надо быть всегда такой, какая ты есть… Женщина в некоторых ситуациях должна быть ниже мужчины. В личных взаимоотношениях женщина не должна быть впереди, чтобы мужчина не чувствовал себя ущемленным, слабаком перед ней, а, наоборот, ощущал себя личностью, мужчиной. Это очень тонкая вещь, которую женщина должна соблюдать, если она не хочет потерять этого мужчину…»

Тогда же, в конце 1960-х — начале 1970-х, Влади тепло приятельствовала с детской художницей Лилей Майоровой. «Все праздники мы отмечали вместе у нас дома, — рассказывал ее муж Александр Митта, — и Володины дни рождения, и театральные премьеры, и Новый год, и Пасху, и Рождество, — все, что угодно. И 1 Мая нужно было посидеть, и 7 Ноября — непременно. Любым случаем пользовались, чтобы собраться вместе…»

Новых знакомых подкупала непосредственность Мариниых эмоций. Во время одной из первых посиделок у Митты на Удальцова она воскликнула: «Ваше счастье, что вы не понимаете, насколько бедны!» Все хмыкнули — а им не с чем было сравнивать свое бытие. Марина смутилась, почувствовав, что допустила бестактность. Зато Высоцкий тут же нашелся, вспомнил байку:

— Все человечество, Мариночка, мучается вопросом: откуда родом Адам и Ева? А ответ ужасно прост: из Советского Союза! Голые, босые, одно яблоко на двоих хрумкают и вдобавок считают, что они в раю… Не смешно? Ну, не грусти, Мариночка. Ей-богу, все будет хорошо…

«В общении Марина и очаровательна, и проста, — восхищалась жена Окуджавы, Ольга Арцимович. — Она поражала легкой открытостью. О ней можно было сказать „свой парень“. Она очень милая и естественная, без фальши, без обычного актерского кривляния…»

Щедрость и нежность к друзьям — божественный дар, которым был наделен Высоцкий, Марина восприняла как обязательное правило для себя. Она в лепешку готова была расшибиться ради тех, кому Владимир безоглядно верил, кому отдавал свою душу, силы, тепло, время.

«Марина относилась ко мне очень хорошо, — говорила Римма Туманова, но объективности ради уточняла: — Правда, только потому, что я была женой Туманова… Но когда мне было очень плохо, я лежала в больнице, Марина во Франции доставала мне лекарства, пересылала самолетом… У меня до сих пор хранится ее записка, как надо этим лекарством пользоваться…» Поднятая Высоцким по сигналу SOS, Марина металась по ночному Парижу в поисках дефицитнейших (даже для Франции) медицинских препаратов, которые должны были спасти (и спасли!) от неминуемой смерти жену режиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича. Потом срочно, с помощью летчиков Аэрофлота передавала новейшее средство подавления алкогольной интоксикации для самого Хилькевича. Предметные уроки безмерной доброты, сиюминутной готовности прийти на помощь попавшему в беду другу становились безусловной привычкой.

А могла и просто так напомнить о себе из «прекрасного далека» маленьким милым презентом — например, передать Борису Мессереру чудные американские носки или Севе Абдулову забавную кепку, до которых он был великий охотник.

Ну а уж Евгений Александрович Евтушенко был коленопреклоненно благодарен Марине, которая согласилась стать «челноком» и контрабандой переправить английским переводчикам его пока машинописную антологию «Строфы века». Конечно, никакой крамолы рукопись не содержала, но трижды осторожный (с некоторых пор) составитель антологии на всякий случай решил перестраховаться: мало ли что? К тому же к весу «ручной клади» — килограммов десять, не меньше — могли привязаться… У Марины на таможне в Шереметьево был неофициальный «зеленый коридор» — ее никогда не подвергали

унизительной процедуре досмотра. Вот и решили рискнуть.

«Мы с Володей тащили сумку, держа каждый за свою ручку, — вспоминал свою авантюру Евтушенко. — Потом Марина перехватила у нас всю русскую поэзию от символистов до Бродского, соединив обе ручки и покачивая бедрами чуть больше, чем обычно, и блистая улыбкой, пронесла сумку через границу с такой легкостью, как будто она была наполнена лебяжьим пухом, еще и помахала нам свободной рукой. Так что русская поэзия должна быть благодарна ей не только за Володю…»

В то же время весьма своеобразно толковал дружбу Марины со своей женой Фаридой Эдуард Володарский: «Их любимым занятием было перемывать нам кости. Какие мы мерзавцы и какие они несчастные, две женщины. Как мы не ценим их любовь…»

Так, может быть, у них просто не находилось других общих тем для разговоров? Как-то вечером, оставшись одна после визита Фариды, Марина чисто автоматически, без всякой задней мысли, нажала клавишу магнитофона с записями старых Володиных песен. И расхохоталась, как девчонка, услышав исчерпывающий ответ на мучивший ее вопрос:

Ну о чем с тобою говорить?
Все равно ты порешь ахинею!
Лучше я пойду к ребятам пить, —
У ребят есть мысли поважнее…

Зато искренне она восторгалась Беллой Ахмадулиной, наслаждалась общением с ней: «Она живет в другом пространстве… У нее своя планета. Она не может никому мешать…» А Белла, даря им на двоих свой стихотворный сборник, на титульной страничке признавалась: «Володя, как я люблю тебя! Как я счастлива, что — ты!», и тут же, рядом: «Марина, моя нежность к тебе, мое безмерное восхищение — как объяснить? Люблю. Целую. Белла»

Их приятельские отношения где-то с середины 1970-х перерастают в нежную дружбу «вчетвером», когда, по мнению нового спутника жизни Беллы, художника Бориса Мессерера, «произошло некое единение людей, проживающих похожую жизненную ситуацию». Они ровесники, нашли друг друга, пройдя через испытания, безрассудство и ошибки. Но все вполне успешны, именитые, и каждому из них весьма трудно менять что-либо в самом себе и своих привычках. Но есть любовь, которая становится судьбой. Это невероятное сходство притягивало обе пары друг к другу как магнитом.

Их потребность в общении неиссякаема. Чаще всего «квартет» собирается на Малой Грузинской. В мастерской у Мессерера на Поварской все же намного меньше домашнего уюта, создавать который умеет только Марина. К приходу гостей у нее, как правило, уже готов стол. Прекрасные закуски, изысканные напитки. Милый треп, обмен новостями, дружеские шутки. Хозяин дома появляется позже, после вечернего спектакля. Несмотря на усталость, непременно берет в руки гитару и показывает, как он обычно выражался, новую песню…

Атмосферу полного доверия, раскованности и вселенской любви они хранили во время всех своих встреч, где бы они ни происходили. Будь то на даче Ахмадулиной или на приеме в американском посольстве, или у кого-то в гостях, где тоже умудрялись уединяться вчетвером… По приглашению Марины Белла с Борисом приезжали на рождественские каникулы в Париж. Влади селит их в своей квартире на rue Rousselle, окружает заботой и вниманием. Московские гости в полном восторге. Марина с ног сбивается, стремясь превратить пребывание друзей в Париже в настоящий праздник. Она ведет их к своей старинной подруге, актрисе Симоне Синьоре, потом организует удивительные свидания со знаменитым драматургом Эженом Ионеско, кинорежиссером Милошем Форманом, посещения вернисажей модернистов… Сколь радостными и одновременно горькими были встречи со вчерашними соотечественниками Виктором Некрасовым, Мстиславом Ростроповичем, Мишей Барышниковым.

Высоцкий же, посмеиваясь, напевал:

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке.
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке…

Все смеялись, дамы как бы укоризненно грозили ручками. Всем было хорошо.

На следующий день Высоцкий брал руль в свои руки и командовал:

— Так, через час нас ждет у себя Миша Шемякин!

Все безропотно подчинялись и отправлялись на кухонные, совсем как в Москве, посиделки к Шемякиным. Правда, выпивали тогда только Мессерер с Беллой, Высоцкий и Шемякин опять находились в ту пору «в завязке», а Марина тихонько выпивала свою рюмку из отдельной бутылочки виски, которую носила в сумочке…

Но самым фантастическим подарком для Беллы была организованная с помощью Марины встреча с живым классиком русской литературы Владимиром Набоковым… «Мы с мужем… оказались… в Швейцарии, и мои друзья, русские люди, живущие за границей и безмерно любящие Россию, знавшие про мое отношение к Набокову, организовали мне встречу с ним…» — рассказывала позже Ахмадулина.

«Дом хрустальный на горе для нее!»

— Ну что за наказание, как же все некстати! — Высоцкий зло тыкал окурок в блюдце-пепельницу, а тот не желал сдаваться и упрямо подавал признаки жизнестойкости тоненькой струйкой дыма. — Что за идиотизм! Вот за границей пепельницы в общественных местах — на вокзалах, в аэропортах — я видел, такие огромные чаши с песком. Сунул «бычок» — и все! Ни дыма, ни пепла, ни запаха…

— Это тебя сейчас больше всего волнует? — ухмыльнулся Ваня Дыховичный.

— Вообще-то, меня больше всего волнует, где мы с Мариной будем жить. У нее вот-вот должно образоваться «окно» в два-три месяца, собралась приехать, а мне, как назло, пришлось со съемной квартиры на днях убраться. Ночую где придется. Что делать, ума не приложу. Не у мамы же нам селиться?!. Боже сохрани…

— А что на Грузинах?

— Да там еще до отделочных работ минимум полгода!

— Володя, какая проблема? Мы с Олькой живем вдвоем. Ребенок у бабушки. Живите у нас, если Марину, конечно, это не смущает. Жилплощадь, сам видишь, позволяет…

Высоцкий на минуту задумался.

— Слушай, а ведь это вариант! На днях я лечу в Париж за Мариной, А оттуда мы едем прямо к вам.

— На самолете?

— Увидишь… — улыбнулся Высоцкий.

Уже с дороги, при каждом удобном случае он все названивал Дыховичному, хвастал: «Иван, ты не представляешь, *на чем* я еду!»

Приехав во Францию, Высоцкий убеждал Марину, что в Москве они будут жить у Дыховичных, что он являлся, так сказать, крестным брачного союза Ивана с дочерью могущественнейшего советского чиновника, члена Политбюро ЦК КПСС, бывшего премьер-министра Российской Федерации.

— Все получилось очень просто, Марин. Я их часто видел вместе. Девушка очаровательная. Вот и спросил: почему это вы, такая прекрасная пара, не живете вместе?

— Скажут, женился, чтобы стать зятем члена Политбюро, — засомневался Дыховичный.

— Если бы на ней женился, потому что она дочка Полянского, ты, Дыховишня, был бы мерзавец. Но если ты на ней не женишься, потому что дочка Полянского, то ты тем более

мерзавец.

…Стоя на балконе, Иван, разинув рот, наблюдал, как в их двор медленно, вальяжно, с императорским величием вползал шикарнейший «Мерседес». Но главное! — на крыше этого красавца-автомобиля возлежал притороченный ремнями огромный, почти как этот самый «мерс», двуспальный матрас. Дыховичный кубарем скатился по лестнице, вылетел на улицу и после шуточных приветствий и объятий, беглого осмотра чуда западного автопрома принялся помогать другу затаскивать сопротивляющийся чудо-матрас в подъезд. «Было очень смешно, — едва отдышавшись после такелажных работ, рассказывал жене Иван. — Все тетечки, которые на скамеечках сидели, лифтерши и дворничихи, с ненавистью контролировали процесс и все не могли поверить, что это на самом деле Володя, а рядом с ним сама Марина Влади! И что они будут жить в этом доме!»

С грехом пополам гигантский матрас все-таки оказался в квартире, его определили на полу у окна в одной из комнат, и новые постояльцы оккупировали «лежбище» почти на полгода. Кстати, на пограничных пунктах матрас-мутант вызывал немало вопросов. Марине приходилось, мило улыбаясь, объяснять таможенникам, что она, мол, недавно вышла замуж, а это произведение искусства — ее приданое…

В «коммуне» все прекрасно уживались. «Марина, — рассказывал Дыховичный, — вообще очень контактный человек… И наоборот, неконтактный, если человек ей несимпатичен. Она никогда не подыгрывала. В ней есть русская душа — она может легко забыть что-то или бешено полюбить вдруг, неожиданно…»

Квартира дышала абсолютной атмосферой богемности. «К нам приходили гости — их, наши, — они были вместе общие друзья, — говорил молодой хозяин. — И это было очарованием… Бывают периоды в жизни, когда вы хотите видеть все время любимых вам людей у себя в доме, а тогда же единственная форма общения не ресторан был, а дом, и никакая это была не кухня, а комната, в которой мы сидели, в которой мы спорили, говорили. И Марина, по-моему, была счастлива. Мы жили в разных комнатах, никому не мешали. Была одна ванная, но это проблема не глобальная. Если люди любят друг друга, радуются тому, что они утром садятся вместе пить чай или кофе, что может быть приятнее?..»

Благодаря Марине в их взаимоотношениях не чувствовалось никакой дистанции: «Она была прелестным человеком в жизни, к русскости ее были еще прибавлены французский такт и деликатность. Она в доме вела себя свободно, мы хохотали целые

дни… Марина была очень эротичный, очень волнующий человек, но была всем нам глубоко симпатична. Она была остроумна, жива, кокетлива во всех своих проявлениях. Она совершенно свободно разгуливала в халатике каком-то на голое тело… Она легко раздевалась, одевалась, но в ней никогда не было вульгарности. Это был человек, который во всем был прелестен. Весь ее облик, нравы и манеры как бы говорили: „Мне так удобно, а вы — как хотите…“»

При этом Оле и Ивану Дыховишням (таково было домашнее прозвище молодых) особо потешной и трогательной казалась упорно-молчаливая привычка Марины к защите своих суверенных прав и интересов: «Она пила виски. А так как мы виски не пили (ну я — почти, Володя — вообще), то гостям, которые приходили, им было все равно: „А чего у вас есть? Виски? Ладно, так и быть — налейте“. И все приходящие пили ее виски… Хотя она была человек широкий, добрый, веселый, но, когда дело касалось того, что сейчас будут пить ее виски, просто так, вместо того, чтобы налить водки, она чуть не плакала. И совсем не от того, что виски — дорогой напиток, а просто потому, чтобы его купить, надо было куда-то ехать, с кем-то договариваться. И вот, когда раздавался звонок в дверь, Марина брала эту бутылку и говорила: „Ваня, спрячь. Им все равно что пить! Так давай купим им водки или вина какого-нибудь! Ну что они пьют это виски, они в нем ничего не понимают!“ Вот это был очень смешной момент, потому что Марина свой стакан убирала куда-то за спину…»

Пребывание на квартире Дыховичных шальных, опасно-непредсказуемых «квартирантов» чрезвычайно смущало соседей. Тестю даже пришлось однажды намекнуть Ивану, что, дескать, в высокие инстанции поступают сигналы трудящихся, будто в доме поселился некий подозрительный человек с какой-то проституткой, похоже, иностранкой, они разъезжают на машине с непонятными зарубежными номерами, а самое главное — не здороваются с соседями, которые сидят у подъезда! Когда на следующее утро Высоцкий вышел на улицу, то направился к «заявительницам», поклонился им в пояс, рухнул на колени и гаркнул во все свое луженое горло: «Здравствуйте, тетки!» Тетки, само собой, онемели.

А на Малой Грузинской, в жилищном кооперативе «Художник-график», между прочим, уже близились к завершению отделочные работы. «Устройством дома занималась Марина, — не отрицала Нина Максимовна Высоцкая. — Она все измеряла, планировала, покупала мебель… Только простые книжные полки в кабинете спроектировал Володя, они ему нравились: „Главное, что они не прогибаются!“ Еще до въезда сюда они переделали

буквально все: заново белили стены, меняли кафель, перестраивали ванную — все сделали по своему вкусу. Потом Марина пригласила меня: „Приезжайте, я уже кое-что сделала!..“»

На восьмом этаже на Малой Грузинской, 28 на глазах сооружался придуманный Высоцким *«дом хрустальный на горе для нее…»*. Но ее руками.

Аллу Демидову, забежавшую по делам театральным и, естественно, из любопытства одним глазком взглянуть на новую квартиру Высоцкого, в дверях встретила Марина Влади с дрелью в руках. Едва придя в себя от изумления, Алла Сергеевна максимально тактично поинтересовалась:

— Марин, а что вы делаете?

— Привинчиваю в ванной шурупы.

— А Володя?

— А Володя, как настоящий русский мужик, лежит на диване с книжкой…

Марина хотела обставить квартиру старинной мебелью. Какие-то вещи ей удалось приобрести в комиссионных магазинах. А потом Елочка Абдулова подсказала, что наследники знаменитого театрального режиссера Александра Таирова спешно распродают его мебель и прочую домашнюю утварь.

«Поехали, посмотрели, она нам очень понравилась, — рссказывала Марина. — Старинная, красивая, но не какая-то особенно ценная, просто эта мебель имела душу, не то что современная чепуха… Нам была она дорога еще и тем, что принадлежала людям театра. Там было много всего…» Они выбрали большой письменный стол с многочисленными ящичками, кресло темного дерева, секретер «очень дамского вида», застекленную горку, стулья… Для продажи в огромном платяном шкафу были развешаны дорогие старомодные платья — Марине приглянулись два, расшитые жемчужинами и темными агатовыми бусинками.

Грузчики выносили мебель, а в это время в театральном дворе жгли письма, фотографии, открытки — письма Анри Барбюса, фото Алисы Коонен в роли Федры… Глядя на это бесчинство, Высоцкий лишь развел руками: «Целая жизнь — а не осталось ничего, кроме нескольких вещиц…»

Родственники Таирова так спешили, так торопились все продать, что даже оставили в ящиках письменного стола открытки, рисунки, записи великого Таирова. Марина нашла их, когда подыскивали место этому столу уже в своем доме. Как положено, сразу после завершения «мебельной экспедиции» по Москве поползли слухи, что Высоцкий с Влади скупают по дешевке музейный антиквариат и окольными путями,

контрабандой переправляют в Париж…

Актриса Нина Ургант, у которой были свои счеты к Марине, упорно обвиняла Влади в холодной расчетливости: «ей хотелось сделать Высоцкого ручным, домашним. Помню, как она самолетом везла из Франции ручки, задвижки, крючки, гвозди для их новой квартиры. Хотела свить с ним гнездышко. А он же принадлежал всем, не подчинялся никому…»

Но друзья и знакомые, не зараженные вирусом зависти и ревности, искренне радовались и восхищались оригинальными, диковинными в ту пору подушками, которые умели легко принимать форму тела, с удовольствием вкушали невиданные напитки и яства, приобретенные за франки… В этом доме во всем чувствовалась рука Франсуазы (так изысканно именовал Марину Василий Аксенов), «стиль Левого берега Сены».

Квартира на Малой Грузинской была первым и последним *своим* жилищем Владимира Высоцкого, которым он гордился, любил и ненавидел, а в минуты отчаянного одиночества проклинал:

> Я все отдам — берите без доплаты
> Трехкомнатную камеру мою…

«Дом хрустальный» был разным — то «на семи ветрах», то неприступной крепостью. Когда приезжала Марина, вспоминал сосед по этажу писатель Теодор Гладков, она сразу отсекала компании, особенно пьющих товарищей. Сажала Володю на аппарат по очистке крови. Ходила на рынок, готовила. Носила оптические очки и, бывало, выглядела серенькой мышкой. Другой сосед, художник и литератор Гриша Брускин, с немалым изумлением и даже умилением наблюдал, как, «позвякивая пустыми бутылками в плетеной корзине, спешила в приемный пункт стеклотары красивая Марина Влади…».

Соседи по кооперативу подобрались солидные, маститые, именитые. Кинорежиссер Никита Михалков, его брат Андрон Кончаловский, семейство Александра Митты, фотограф Валерий Нисанов, актриса Елена Коренева, художники Виктор Чижиков, Валерий Баранов, профессор Евгений Мазо, дочь легендарного киноактера Петра Алейникова… Но нравы были самые обычные, коммунальные.

«Дело было под Новый год, — рассказывал как-то Чижиков (будущий автор знаменитого олимпийского Мишки). — Собралась… компания. Звонят Высоцкому:

— Володя! Мы собрали 500 рублей. Приди, спой нам!

Высоцкий говорит:

— Ребята, я по домам не пою. Извините.

Через некоторое время снова звонок:

— Володя, мы уже 1000 рублей собрали. Приди, спой!

— Ребята, не звоните мне больше.

Должна была приехать Марина. Володя готовился к встрече с ней и к встрече Нового года. Приехала Марина. И снова звонок:

— Володя…

— Ребята, оставьте меня в покое! Приехала Марина…

Те:

— Марина приехала? Ну, если сам не можешь, пришли Марину, пусть она споет!

— А вы в какой квартире? — поинтересовался Высоцкий.

Ему назвали номер… Высоцкий сорвал крышку с урны (в те годы у нас в доме на каждом этаже стояли фарфоровые урны с медными крышками), позвонил в дверь. И врезал этой крышкой тому человеку, который открыл дверь. Началась драка. Повыскакивали в прихожую да на лестницу пьяные — другие участники этой компании. На шум выскочил из своей квартиры художник Валера Карасев. Валера — богатырь! Вдвоем с Высоцким они переколотили всю эту бражку. И разошлись по домам. Пострадавшие вызвали милицию, при этом постоянно повторяя: „Высоцкий! Высоцкий!“ Поскольку дело касалось Высоцкого, на вызов явился полковник милиции. Полковник, разобравшись, что, как и почему, сказал: „Высоцкий правильно сделал!“ И уехал…»

Разные на Малой Грузинской случались истории.

* * *

Они мечтали работать вместе. «Нам повезло, что мы оба были знаменитыми, — говорила Марина. — Но не было у нас борьбы за первенство, мы были на равных. Мы не тянули каждый на себя, потому что у каждого была своя публика…» А поскольку оба были наделены самыми разными талантами, точное определение жанра совместного творчества не имело ровным счетом никакого значения.

Одно время — кажется, еще в конце 1960-х, их одолевала идея создания большой совместной советско-французской концертной программы «Москва — Париж».

— Миша, представь. — Высоцкий вербовал себе в сообщники уже поднаторевшего в эстрадном искусстве Жванецкого. — Я пою и говорю по-русски, Марина — по-французски. Мы вдвоем на сцене — ведем концерт… По-моему, народ повалит…

Через какое-то время режиссеру знаменитых телевизионных «Голубых огоньков» Эльвире Бенкендорф (работавшей на ЦТ под псевдонимом Озерная) пришла в голову озорная мысль пригласить Влади и Высоцкого в качестве ведущих одного из праздничных выпусков «Огонька». Подняв своих информаторов, телевизионщики выяснили, когда точно Марина планирует объявиться в Москве, набросали примерный план передачи и отправились на согласование к своему главному теленачальнику — Лапину,[24] который лично курировал эту передачу.

К предложенным кандидатурам ведущих Сергей Георгиевич поначалу отнесся совершенно безразлично. Только и спросил:

— Вы думаете, это будет кому-то интересно?

— Да, — бодро ответила «интриганка» Озерная, — думаем.

— Ладно, пробуйте!

«Мы договорились с Высоцким, — рассказывала Эльвира Александровна, — он должен был писать половину сценария, подобрали приблизительный репертуар. Буквально за месяц приходим на окончательное утверждение плана, и вдруг Лапин говорит: „А кто ведущий? Марина Влади и Высоцкий?! Какой дурак вам это разрешил?“

„Этим дураком были вы“, — вознамерилась ответить Озерная — Бенкендорф, но поскольку не была дурой, смолчала. А подругам потом плакалась: „За Высоцкого и Марину мне стало так обидно, что вообще не захотелось работать“».

В один из тихих вечеров Высоцкий говорит Марине: «Знаешь, Андрей Тарковский[25] готовит новый фильм „Белый-белый день“, он хотел бы поговорить с тобой. Я так понимаю, что он собирается пригласить тебя на пробы». И испытывающе смотрит на нее.

— Я вовсе не нуждаюсь ни в каких пробах! — недоумевает Марина. — Что за дикость?! От меня никто и никогда не требовал проходить через пробы, приглашая на какую-либо роль. Был только один случай, но ведь то был сам Орсон Уэллс! К тому же я была тогда совсем еще молоденькой, начинающей актрисой… Нет! Пусть и не мечтает.

Но Высоцкий начинает уговаривать: «Марин, Андрей — наш лучший режиссер, мирового класса. Ты видела его „Иваново детство“, „Андрея Рублева“…»

— А почему же он тебя не снимает?

— Попытки были, — неожиданно смутился Владимир. — Но что-то там у нас с ним не получилось, я уже не помню деталей… Дело не в этом. Сейчас он задумал такую автобиографическую картину. Тебя он видит в роли своей матери. Говорит, вы чем-то похожи… Но он боится ошибиться. Ведь это мама все-таки,

понимаешь… Ну что тебе стоит?..

— Ладно. Договорились. Давай телефон, я позвоню.

Вернувшись из поездки в Подмосковье с небольшой съемочной группой, Марина с воодушевлением рассказывала Высоцкому: «Это были даже не пробы. Мы просто снимали несколько кусков. Андрей подробно объяснял мне сцену: на пороге избы женщина долго-долго ждет любимого человека. Становится прохладно, она зябко кутается в шаль, последний раз в отчаянии смотрит вдаль — никого, ничего, пустота. Она, поникшая, возвращается в дом… Вот и все. Андрей наговорил мне массу комплиментов. В общем, я довольна. И собой, и Тарковским. Но я его предупредила: „Андрей, если я тебе не подойду, то ты мне прямо скажи об этом, чтобы я напрасно не ждала, хорошо?..“»

Потом, уже за ужином, они фантазировали и строили грандиозные планы. Еще бы, ведь если Марина начнет сниматься в этом фильме, сразу решится множество проблем: у нее появится официальная работа в Союзе, можно будет спокойно, без оглядки на сроки, диктуемые ОВИРом, жить в Москве, рядом с мужем. Да и вообще — сниматься у Тарковского! — это, должно быть, такое счастье…

Но проходит несколько дней, а вестей от Тарковского все нет и нет. «Мы звоним Андрею, — вспоминает Марина, — но все время попадаем на его жену, и та, с присущей ей любезностью, швыряет трубку. Я чувствую, что звонить бесполезно — ответ будет отрицательным».

Интуиция ее не подвела. Через какое-то время некая девица из киногруппы «Зеркала» (оказывается, так теперь стал называться будущий фильм Тарковского) все-таки позвонила и сообщила Влади, что роли уже распределены и что ее благодарят за пробы…

Высоцкий пришел в бешеную ярость. Такой взрыв эмоций она видела у него только на сцене в «Пугачеве». Только сейчас уже не до игры. Он оскорблен за нее, зол на себя за то, что понапрасну уговаривал соглашаться на эти злосчастные пробы, унижен тем, что Тарковский сам, видите ли, даже не удостоил ответом, не снизошел, чтобы толком объяснить положение. Марина попыталась хотя бы чуть-чуть сгладить ситуацию:

— Володя, пойми, у него сейчас слишком много работы, масса забот, все-таки подготовительный период; сам знаешь, что это суматошные дни… Ну и вообще, режиссеры-постановщики — это не те люди, которые берут на себя роль гонца, приносящего дурные вести. Им иногда просто мужества не хватает…

— Да-да, — сумрачно кивает Высоцкий. — Но я видеть его

больше не могу. Не хочу и не буду.

Они помирились друг с другом только через два года, когда Тарковский объяснил, что отказался от Марины только по одной причине: зрители будут отвлекаться от сюжета и основной идеи его фильма, видя на экране только Колдунью. Высоцкий внимательно посмотрел на него и великодушно согласился: «Может быть, ты и прав»… Впрочем, сама Марина все же осталась при своем мнении. Она была уверена, что ее неудача с «Зеркалом» — козни и происки жены режиссера, Ларисы.

Провалилась и попытка начинающих режиссеров Альберта Мкртчяна и Леонида Попова привлечь к съемкам фильма по роману Обручева «Земля Санникова» Высоцкого и Марину Влади. «Утвердили меня в картину, сделали ставку, заключили договор, взяли билеты, бегал я с визой для Марины, — сообщал Владимир своему другу Станислову Говорухину,[26] — а за день до отъезда Сизов — директор „Мосфильма“ — сказал: „Его не надо!“… У меня гнусь и мразь на душе, хотя я счастливый, что баба у меня тут…»

Позже уже самому Говорухину, собиравшемуся экранизировать повесть Станюковича «Пассажирка», приходит в голову мысль снять в главной роли Марину. Как он объяснял, «за русскую стать». Но, как всегда, возникли непредвиденные обстоятельства, у режиссера появились новые проекты, и отложил он «Пассажирку» в долгий-долгий ящик, который запер на замок на целых сорок лет.

— Просто рок какой-то! — Высоцкий пытался обернуть в шутку дурную весть о том, что потерпела фиаско очередная их с Мариной попытка вместе появиться на экране. — Наши режиссеры-дебютанты послушно подняли руки вверх, едва узнав, что их мосфильмовское начальство недоуменно подняло бровь, увидев в списке исполнителей главных ролей фамилии Влади и Высоцкий. Им даже «дядя Степа» Михалков не помог. Вот так.

Марина фыркнула: «А я и не сомневалась. Они же трусы. Как их там? Саша Светафо…» — «Саша Стефанович и Омар Гвасалия». — «Шериф». — «Кто?» — «Омар Шериф». — «А-а, — засмеялся Высоцкий. — Да нет, ну какой шериф из Омара? Он скорее креветка». — «Ага, тогда этот Саша — устрица. В общем, bouillabaisse!» — «Не понял, что?» — «Буйабесс — такой вкусный рыбный супчик, ну уха по-марсельски. Я как-нибудь тебе обязательно приготовлю…»

Еще более странную игру затеяли чиновники Гостелерадио. Они были готовы утвердить Высоцкого на роль Фредерика Моро в сериале по Флоберу, но при одном непременном условии: партнершей главного героя должна выступить… Марина Влади.

Унизительный шантаж, иезуитский, решили на семейном совете, и дружно отказались от съемок.

…Марина ничего не могла с собой поделать, но перед каждой рабочей сменой в павильоне «Ленфильма» она старательно приводила в порядок макияж, прическу, переодевалась, словно это ей сейчас предстояло работать перед камерой в очередном эпизоде «Плохого хорошего человека». Когда муж сообщил ей, что Иосиф Хейфиц собирается экранизировать чеховскую «Дуэль» и уже утвердил его на роль фон Корена, она бросила все свои парижские дела и примчалась в Питер.

Ее мучили два взаимоисключающих чувства. С одной стороны, профессиональная гордость не позволяла звезде экстракласса самой предлагать свои услуги, так сказать, навязываться на роль. Но, с другой, ей ужасно, до слез, как девчонке-дебютантке, хотелось сыграть светскую львицу Надежду Федоровну, коварную обольстительницу и несчастную, в сущности, женщину, так точно прописанную Чеховым. И с робкой, детской, наивной надеждой на то, что Хейфиц, может быть, как-нибудь, случайно, что ли, обратит на нее внимание и в конце концов поймет, что именно она, Марина, и никакая другая актриса, даже эта Люда Максакова, а только она идеально подходит на эту роль. Борясь сама с собой, Марина ежедневно следовала за мужем на съемочную площадку, скромно пристраивалась где-нибудь в уголочке с томиком Чехова в руках. Но фильм был уже запущен в производство, все исполнители утверждены, и остановить процесс было невозможно. Понимая это, она все же по-прежнему упрямо, как на работу, каждый день тихой тенью Высоцкого появлялась в павильоне, садилась так, чтобы никому не мешать, и упрямо перечитывала «Дуэль».

Не в силах видеть эти ее молчаливые мучения, Высоцкий по-дружески перемолвился с Женей Татарским, который как второй режиссер отвечал за подбор актеров, с просьбой переговорить с Хейфицем. Но мэтр даже слушать ничего не захотел.

Вся съемочная группа (за исключением режиссера-постановщика) во все глаза, разумеется, наблюдала за Мариной и Высоцким: «Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным влюбленным взглядом, заботливо поправляла ему прическу». Потом все с разинутыми ртами видели, как Марина в перерыве между сменами, услышав просьбу Высоцкого принести холодненького пивка, тут же повязала голову каким-то платочком, взяла самый обыкновенный бидончик, который оказался у кого-то, и пошла в ближайшие бани, где торговали хорошим пивом. И быстренько его

принесла…

Вечерние смены продолжались обычно до полуночи. Но без пятнадцати десять Марина, как по графику, поднималась со своего креслица, прощалась и уезжала в «Асторию». Однажды Татарский, не выдержав, спросил:

— А что вы так рано уходите?

— Женя, я же актриса, завтра я должна хорошо выглядеть.

И уехала. А Татарский, обернувшись к стайке девочек из массовки, показал им оттопыренный большой палец и восхищенно произнес:

— Учитесь! Французская звезда без четверти десять вечера говорит всем «адьё, спокойной ночи», так как знает, что лицо актрисы — тоже принадлежность профессии. А вы, дурехи…

Но самые большие свои надежды на совместную работу Марина и Владимир связывали с двухсерийной исторической эпопеей «Емельян Пугачев». Поначалу все складывалось благоприятно. Автор сценария Эдик Володарский, безусловно, был обеими руками за Высоцкого в роли Пугачева и Марину — Екатерину II. Режиссер Алексей Салтыков тоже склонялся к этому варианту. «Правда, он был человек запойный, и съемки могли затянуться на неопределенное время, — сомневался Вахтанг Кикабидзе, которого вызвали на роль цыгана-разбойника. — Но когда я узнал, что буду работать вместе с Володей и Мариной, то без колебаний согласился». Научные консультанты картины, посмотрев фотопробы, также остановили свой выбор на Высоцком и Влади. А увидев в гриме Пугачева Евгения Матвеева, шарахнулись: «Ой, только не этот!».

«Пробы у Володи были чудесные, — вспоминала Марина. — Он был бы гениальным Пугачевым… А я делала только пробы костюмов. Но самое грустное и смешное заключалось в том, что я все-таки потом снялась в роли Екатерины, только много позже, уже у японцев, а он Пугачева так и не сыграл. Это была большая потеря».

Роль Пугачева пробил для себя народный артист Матвеев, которому не привыкать было играть исторических персонажей любой эпохи. Марина Владимировна, разумеется, продемонстрировала характер и отказалась от заманчивого предложения все же сыграть российскую императрицу: «Я мечтала об этой интересной работе, но этот наш с Володей сон рухнул… Впрочем, как и многие другие…» К тому же чиновники вдруг затеяли никчемные разговоры о том, что возникают проблемы с выплатой ей, иностранной актрисе, гонорара в валюте. «Хотя об этом, — утверждала Влади, — с моей стороны не было и речи».

Ну, нет так нет, и черт с вами!..

Лишь однажды Марине Влади и Владимир Высоцкому удалось появиться вместе на большом киноэкране в фильме венгерского режиссера Марты Мессарош с символическим, как оказалось, названием «Их двое», или «Они вдвоем». «У нас там прелестная сцена была, — вспоминала Марина, — где мы под снегом, флирт такой… И, в конце концов, он меня целует. Он там очаровательный просто, и сцена получилась очень красивая…»

Этого эпизода в сценарии, вообще-то, не было. К Марине, занятой на съемках, стихийно приехал Высоцкий. И режиссер обратила внимание, что у ее друзей явно «что-то не ладилось… Отношения между ними оставались натянутыми… А я старалась придумать что-нибудь такое, чтобы они помирились, чтобы он тоже поехал с нами на съемки в маленький городок Цуонак… И предложила Володе сыграть тут же придуманный эпизод. В конце концов атмосфера съемок их помирила…»

И слава богу.

Но вот попытка Динары Асановой снять в главных ролях Высоцкого и Марину Влади в фильме «Жена ушла» не удалась. Высоцкий уже начинал сниматься у Говорухина в «Месте встречи», а у Влади возникли какие-то неожиданные формальные проблемы с визой…

* * *

…Шофер студийной машины встречал Марину прямо у трапа самолета Москва — Одесса с огромным букетом.

— С благополучным прибытием, Марина Владимировна. Это — вам, — водитель галантно вручил ей роскошный букет. — Владимир Семенович передает вам свои извинения, но сегодня, так совпало, у нас такое событие — первый съемочный день…

— Да-да, я все знаю, мы созванивались, — рассеянно говорит Марина, помогая сестре устроиться в машине. — Там вещи…

— Не волнуйтесь, Марина Владимировна. Наш человек в багажном отделении уже, наверное, получает чемоданы. Все будет в порядке.

— Куда теперь? — спрашивает Марина, когда машина наконец тронулась с места, выруливая на дорогу, ведущую к городу.

— Велено доставить вас в Шевченковский парк, прямо на площадку. Все с утра там, на «Эре милосердия»…

— То есть? — не понимает Марина.

— Ну, это картина Говорухина так будет называться.

Когда машина лихо подкатила к павильону, задекорированному под бильярдную, на улицу мигом выскакивает Высоцкий в кургузом пиджачке капитана Жеглова и с ходу начинает танцевать. Это и «Барыня», и «Яблочко», и «Тарантелла» одновременно! Между Мариной и Володей — несколько метров. Она смотрит — он танцует. Танец восторга! Вдруг, так же внезапно, он срывается с места и мчится обратно в павильон. Услышав новость, Говорухин тут же хлопает в ладоши и командует: «Стоп! На сегодня все. Всем спасибо. До завтра». Вся площадка — от осветителей до актеров — облегченно вздыхает и аплодирует: первый съемочный день позади, с почином!

К приезду дорогих гостей на приморской даче все было готово. Ломился стол под цветущими старыми вишнями, компания в сборе. При появлении Марины грянул салют из десятка бутылок шампанского, а под ноги именинице полетели цветы…

Когда отзвучали веселые тосты в честь дорогой и прекрасной юбилярши, вспомнили о вступлении в «Эру милосердия» и начался общий необязательный треп, Марина мягко коснулась руки Говорухина: «Слав, нужно поговорить». Они выбрались из-за стола и пошли к дому. Это была дача, которую Станислав Сергеевич вместе с Высоцким специально сняли к приезду Марины.

Владимир их ждал у порога. Когда зашли в маленькую сумрачную комнату, он запер дверь: «Чтобы никто не мешал».

— Слава, у нас к тебе просьба, — начала Марина.

— Я слушаю.

— Отпусти Володю с этой картины. Возьми себе другого артиста. Ведь еще не поздно?

— Что значит «не поздно»? И что значит «отпусти»? — Говорухин ошалело взглянул сначала на Марину, а потом на Высоцкого.

— Слава, ну что ты, ей-богу, — сказал Владимир. — Отпусти — значит отпусти. Мы с Мариной решили… Понимаешь…

— Не понимаю, — отрезал Говорухин. — Не понимаю! «Мы с Мариной решили…» А меня вы спросили? А обо мне вы с Мариной подумали?! А о картине подумали? Потрачены сумасшедшие деньги, все исполнители утверждены. Что такое график съемок, не мне вам рассказывать. — Он не выдержал, вскочил и стал шагать по тесной комнатке. — Вы с ума сошли! Отступать уже поздно. Это невозможно. Ты же сам так хотел эту роль! — он уже почти орал на Высоцкого.

— Да все возможно, Слава. Помнишь, Вайнеры еще говорили, что Жеглов бы мог классно получиться и у Коли Губенко, и у

Сережки Шакурова. Помнишь?..

— Помню.

— Ну вот! — вцепился в друга Высоцкий. — Бери их. Кого хочешь, того и снимай. У них получится.

— Весь фильм ставился на тебя. Ты сам подбирал себе партнеров, я тебе не мешал. Кто Севку привел? Кто Ваню Бортника? Ты! А теперь что, все ломать к чертовой матери?! Вы, мои милые, соображаете, что вы мне сейчас предлагаете?..

— Пойми, Слава… — Высоцкий запнулся. — Мне ведь не так много осталось. И я не могу тратить год жизни на эту роль. Отпусти. Я хочу еще мир посмотреть, пописать. Не заставляй меня…

— А я и не заставляю, — Говорухин чувствовал, что еще чуть-чуть — и они с Мариной его дожмут. — Вспомни, сколько трудов было затрачено, чтобы пробить тебя на роль Жеглова, сколько мы все обдумывали… Тебе себя жалко, а почему не думаешь о других? Тебе жаль своей мечты о путешествиях, а почему тебе не жаль нашей общей мечты об этом фильме? Почему ты так легко все бросаешь псу под хвост?

— Черной кошке, — буркнул Высоцкий.

— Слава, отпусти Володю, — взмолилась Марина. — Имениннице грешно отказывать. Ну, хочешь я перед тобой на колени встану? — И она действительно медленно сползла на пол и опустилась на колени перед Говорухиным. — Славочка, я тебя очень прошу.

— Так! Все. Марина, подъем! — Говорухин резко поднял ее за плечи и усадил в кресло. — Володя, продолжаем работать дальше. Ты хочешь путешествовать? Пожалуйста. Я создаю для тебя «режим наибольшего благоприятствования». Никто не заставляет тебя сидеть целый год в Одессе. Надо будет куда-то уехать? Езжай куда хочешь. Появляются свободные дни, приезжаешь, снимаем твои сцены. Весь рабочий график я с Панибраткой утрясу.

— Как, с кем? — Марина решила, что у нее какие-то проблемы с русским языком.

— Панибрат, — улыбнулся в усы Говорухин, — это фамилия директора картины, и не предполагает панибратства. Тем более что она Керимовна. Джемиля Керимовна. Строгая женщина, ханум. — Он уже был способен шутить, понимая, что на этот раз победил. — В общем, договорились?

Высоцкий прищурился:

— Ну, допустим. Но и ты тоже должен сделать благородный жест. Снимешь в «Эре» Марину.

— В какой роли? — чуть опешил Говорухин. — Черной

кошки?

Но Высоцкий даже не улыбнулся:

— Давай прикинем. Допустим, в роли Вари…

— Младший сержант Синичкина, «славная дочь Ленинского комсомола»?! Ты соображаешь, что ты предлагаешь? Варя — девчонка сопливая…

— Володя, не надо, — запротестовала Марина.

— Ну а как, если подруга Горбатого? — не отставал Высоцкий.

— Подумаю, — сгоряча пообещал Говорухин. Сейчас он был великодушен, как миротворец ООН. — Все, пошли за стол, там нас уже наверняка заждались…

* * *

Наблюдая и косвенно участвуя в некоторых жизненных коллизиях Марины Влади в Москве, Александр Наумович Митта неизменно восхищался ею: «Размахивая крыльями, она порхала, как ангел, над семьей… Приезжает из Парижа молодая женщина, с двумя детьми под мышкой, один все время где-то что-то отвинчивает, второй носится, как ртуть… И Марина, спокойная, невозмутимая, посреди этого бушующего маленького мира. Появляется Володя со своими проблемами и неприятностями. Она и этого успокаивает…

А у нее свои заботы: она — актриса, талантливая, в расцвете, пользующаяся спросом, но продюсеры уже отказываются с ней работать. Агенты подыскивают сложные и выгодные контракты, а Марина отказывается, платит неустойки… Она мотается из Москвы в Париж, из Парижа в Москву по первому намеку, что у Володи что-то не так, бросает все. Детей под мышку — и сюда… Надо было сделать так, чтобы все эти сложности таились только в ней, чтобы они никому не были заметны, чтобы для Володи было лишь успокоение, только окружить его заботой…»

Впрочем, Марина по-своему уточняла некоторые нюансы своих отношений с Высоцким: «Да, я очень любила его и приносила в жертву ему все, конечно. Но это только я решала и я все равно оставалась абсолютно свободной женщиной. Так что я давала ему то, что хотела и могла, но я не была его рабой…»

Прекрасно разбираясь в законах кинобизнеса, Марина знала: чтобы оставаться в «обойме» востребованных актеров, необходимо сниматься в трех фильмах в два года. Больше — перебор, меньше — угроза забвения. По полторы картины в год — то, что нужно. При этом, уточняла она, желательно работать только с хорошими

режиссерами. Хотя, конечно, к настоящему мастеру можно попасть раз в десять лет, а вот сниматься с такими тайм-аутами — весьма небезопасно.

Но она собственноручно, сознательно разрушала свою успешную кинокарьеру. О театральных работах вообще можно было не заикаться. С Влади побаиваются заключать долгосрочные контракты. У нее уже сложилась репутация ненадежной актрисы, которая может в самый неподходящий для съемок момент сорваться и улететь куда-то за тридевять земель.

Ради поддержания нормального семейного бюджета она уже соглашается сниматься в рекламных роликах, понимая: «Еще немного — и ни один уважающий себя режиссер не захочет иметь со мной дело». Но что делать? Есть другие варианты? Предлагайте! А как иначе можно прикатить в Москву на новеньком «Рено-16», приобретенном по символической процентной стоимости от фирмы, на фоне продукции которой ей пришлось что-то там изображать в рекламном клипе, чтобы потом с легким сердцем оставить эту автоигрушку мужу?.. Если бы я была абсолютно обеспеченной женщиной, вздыхала Марина, то снималась бы только в хороших фильмах и играла бы в основном в театре.

«Я не могу быть всегда первой актрисой, — она искала оправдание самой себе. — Приходилось оставлять свою карьеру, потому что я, прежде всего, женщина, мать. Если бы я не думала про это, я бы не имела троих детей. Для меня моя личная жизнь всегда была самой важной.

Актриса в кино играет первые роли до тридцати. Я играла до сорока главные роли…. Я никогда не занималась своей карьерой, я занималась своей жизнью. Был период больших успехов в кино — это 1950–1960-е годы. Был момент, когда я жила в России больше, чем в другом месте. Это было время любви, страсти — все, что было тогда с Володей…

Будучи профессионалом, я всегда могла возобновлять актерскую карьеру после длительного перерыва. Это была моя работа, но ради нее я никогда не отдавала ни одного дня моей женской жизни. У женщин очень много обязанностей. Надо быть и матерью, и женой, и профессионалом. Мужикам в жизни легче… Возможно, когда-нибудь они тоже будут заниматься и детьми, и домом…»

Когда-то, размышляя о природе актерства, Владимир Высоцкий заметил: «Наша профессия — пламень страшный». Как погасить этот огонь и стоит ли делать это? — ответа на этот вопрос ни он, ни она, да и никто не знал и не знает.

Что касается театра, то тут надежды Марины на совместную

работу с мужем практически равнялись нулю. О французской сцене Высоцкому можно было даже не помышлять. Он понимал:

К барьеру вызван я языковому.
Ах, разность в языках!
Не положенье — крах.
Но выход мы с тобой поищем и обрящем…

А вот Марина на «Таганке»… Тут уже был гипотетический простор для самых авантюрных идей, тем более, учитывая склонность основателя московского театра Юрия Петровича Любимова ко всякого рода экспериментам. И когда на «Таганке» только стала витать тень Чехова и его «Вишневого сада», Марина и Владимир тут же загорелись: а вдруг?!. Он — Лопахин, она, естественно, Раневская. Чем не сенсация для русской сцены?

Однако Любовь Андреевна на «Таганке» досталась признанной приме Алле Демидовой. Марина все понимала: никто не хотел рисковать, и ничуть не обиделась. Зато за мужа порадовалась: «Володя в роли Лопахина был чудесен… Он играл то, что не очень часто показывают на сцене, — любовь молодого человека к женщине, которую он всю жизнь, еще мальчишкой боготворил».

Позже они немало думали над тем, как бы все-таки совместно поработать в какой-нибудь другой чеховской пьесе. «Володя, — не сомневалась Марина, — мог бы великолепно сыграть Иванова, а я видела себя в роли Сарры. Но человек предполагает, а Бог располагает…»

Во второй половине 1970-х у Высоцкого с Демидовой возникла идея — поставить на таганской сцене «Игру для двоих» Теннесси Уильямса. Одновременно Владимир впервые пробовал себя как режиссера. Но Алла Сергеевна чувствовала раздражение из-за того, что свои репетиции он строил так, чтобы в дальнейшем перенести рисунок ее роли на Марину и выступать уже с ней на западной сцене.

«Я не очень люблю актрис, которые много думают, — иронизировала Марина безотносительно Демидовой. — Хотя есть и среди думающих людей прекрасные артисты…»

* * *

Когда наконец все было окончательно решено и на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» определены часы рабочих смен, Марина готова была молиться с утра до ночи, лишь

бы ничего не сорвалось, лишь бы не вмешалась чья-то злая воля, рок, лишь бы только вышел наконец в Советском Союзе диск с песнями Высоцкого.

— Если пластинка выйдет, — говорила она ему, — это будет своего рода признание твоего статуса автора-композитора. И потом — мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают…

В ее словах отсутствовала хищная расчетливость, зато наличествовала обычная житейская мудрость, чисто женская осмотрительность. А что? «Нам повезло, когда он стал немножко-немножко зарабатывать, — не скрывала Марина, — немножко денег, немного, но как-то все-таки… Вначале было очень тяжело, потому что я, естественно, как кинозвезда, зарабатывала много денег. И это могло стать проблемой, как и в любом союзе. Но не стало. А в смысле лидерства в паре… Я думаю, что я его все-таки держала немного в руках. Как все бабы, в общем, когда мужик такой шальной, нужно держать его в руках…»

— Вы меня простите, но я вас решительно не понимаю, — Марина в волнении даже неловко смахнула сумочку на пол, не обратив на это внимания. — Вы же явно упускаете свою реальную выгоду, деньги, прибыль. Обязательно нужно выпустить «гран-диск» Волёди, обязательно. Самым большим тиражом… Вы же только выиграете. Она хорошо будет продаваться, я знаю. Будут дополнительные тиражи.

Генеральный директор «Мелодии» с умильным обожанием смотрел на любимую актрису и улыбался, без устали кивая головой.

— Мариночка, Мариночка, — Высоцкий поднял упавшую сумочку и подал Влади, — успокойся. Все будет хорошо. Сначала нужно сделать запись, а потом уже будем решать все остальные вопросы, в том числе и по тиражам, верно?

— Да-да, конечно, — поспешно согласился главный «мелодист» страны. — Думаю, будет двойной альбом. Я подпишу наряд аж на 24 песни.

Людмила Гурченко, оказавшаяся здесь по своим делам, встретила их в коридоре дирекции фирмы. Потом рассказывала знакомым: «Володя стал другим. Красивым, высоким, и неземная Марина не казалась рядом с ним большой, затмевающей… В ее голосе появились такие нежные, щемящие обертоны… „Воледя, спой еще! Ой, Воледя, что ты со мной делаешь!“ — говорила Марина. И обнимала его, и голову ему на плечо укладывала… От этой пары исходило такое сияние, что — ну не знаю — если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это она!»

В дни записи в студию на улицу Станкевича они всегда

приезжали вовремя, минута в минуту. «Марина на диванчике сидела, — млел от избытка впечатлений звукорежиссер Игорь Вагин. — Ноги мне ее запомнились, такие красивые, в тончайшие чулки затянутые. Очень элегантно у нее получалось почесывать одну ножку другой. Я так понял, что у них тогда самая любовь была. Представляешь, моль огромная откуда-то вылетела и прямой наводкой — к Влади. Высоцкий так ретиво ее от насекомого спасал, что даже аппарат нам снес „Штуцер-37“. А работал Высоцкий очень легко. С Мариной, конечно, повозиться пришлось…»

Если ножки и моль — это, конечно, поэзия, то «штуцер» — безусловно, суровая проза.

Минуло полгода. Записи были окончательно отшлифованы, утверждены и макеты конвертов для пластинок с прекрасными фотографиями Плотникова, но печатание тиража все откладывалось и откладывалось. В «Мелодии» все — от клерка до «генерала» — беспомощно разводили руками: понимаете…

Марина не понимала и не отступала. Преодолев массу препон и условностей, все же добилась рандеву с тогдашним министром культуры СССР Петром Ниловичем Демичевым, которого вся Москва за глаза звала кто «Ниловной», кто «Химиком» (по базовому образованию). Министр принял Марину с Владимиром радушно: усадил в удобные кресла, отдал строгие указания: референту — ни с кем не соединять, секретарю — подать к чаю сушки. Марина объяснила ситуацию, о которой и без нее «Химика» заблаговременно проинформировали референты. Петр Нилович огорченно качал головой, сокрушался, даже приносил свои извинения за нерасторопность подчиненных, поражался неслыханной волоките, то и дело произносил укоризненно: «Ай-яй-яй! Ну как же так?» и обещал лично посодействовать «ускорить процесс». Потом терзал телефон, звонил кому-то по «кремлевке», заверяя своего невидимого собеседника: «Лично я не возражаю».

Но классически обманул. Диск в конце концов все-таки вышел, но совсем не «гран», а малюсенький — миньон. И, разумеется, без всяких фото. С безобидными березками.

Кстати, автору фотопортретов Марины и Владимира, Валерию Плотникову, чуть позже удалось проникнуть в закрома «Мелодии», где ему, в нарушение всех существовавших правил и инструкций, знакомые ребята показали тот самый макет конверта, на котором в левом верхнем углу стояла анонимная резолюция: «До особого распоряжения». Этим «особым распоряжением» стала смерть Владимира Семеновича Высоцкого.

Потом, правда, когда Марина только заикнулась о судьбе пластинки, в «Мелодии» ей ответили: «А кто вы теперь такая?..

Так, вдова…»

Но вдова даже спустя четверть века, в «нулевые» годы XXI века, во время песенного фестиваля в Сан-Ремо сумела сделать так, что один из вечеров был посвящен памяти Владимира Высоцкого. «Местные барды перевели и пели его песни, — рассказывала потом Марина, — и я пела их на итальянском…»

«Все остальное — Франция, Париж…»

«Ну вот и здравствуй опять, мой мифический муж:! Еще день прошел и приблизил минуту нашего свиданья. А ты себе представляешь эту минуту свиданья? Я не знаю положительно, что это будет. И мне нравится именно то, что я не знаю, как это будет. Вдруг я буду держать в своих руках, в своих объятиях всего моего Антона, буду целовать его голову, буду чувствовать его дыхание, его ласку, его голос, буду видеть мои чудные, удивительные глаза и мягкую улыбку и все мои морщинки и гладенький затылочек и весь, весь Антон будет около меня близко, близко! Господи, даже невероятно!»

О. Книппер-Чехова — А. Чехову

Москва, 29 декабря 1901 года

…Только она могла понять, прочувствовать смятение, душевные переживания, которые он пытался тщательно маскировать беспечной, насмешливой улыбкой. Марина предполагала, что замок Одиль ошеломит Володю. Пока добирались до Монсо, она без устали просвещала мужа:

— Это один из бывших аристократических районов Парижа. Таня поселилась здесь, когда вышла замуж за итальянского графа Поццо де Борго, потомка семейства Боргезе, между прочим. И даже, кажется, дальний-предальний родственник Наполеона… Ну, не смейся. Нет-нет, мы не будем заезжать во двор, лучше пройдемся чуть-чуть. Тут очень интересно…

Марина припарковала машину, и они прошли десяток-другой метров вперед по мощенной булыжником улице Гренель, остановились у высоких чугунных ворот. Вошли за ограду: двор

«каре», типично французский. В центре возвышался роскошный особняк, по бокам — два больших флигеля.

— Восемнадцатый век, — уточнила Марина.

— «Три мушкетера» случайно не здесь снимали? — усмехнулся Высоцкий.

Марина покачала головой: «Съемки здесь обошлись бы продюсеру в копеечку».

Парадная лестница, мраморные львы, бронзовые ручки, анфилады комнат — справа и слева.

— Нам сюда, — негромко подсказала Марина.

Они стали подниматься по широкой лестнице на второй этаж. Таня-Одиль, умница, была само радушие: тут же и обняла, и расцеловала и, подхватив дорогого гостя за руку, увлекла за собой. Марина шла следом за ними и, раздавая поклоны гостям, слышала недоумевающий шепоток за спиной: «Боже, и что же такого она в нем нашла?..» Марина узнала голос, но не обернулась, продолжая шествовать по ступенькам и весело посматривая на Володю, который с нескрываемым озорным любопытством озирался по сторонам. Слышал ли он то гнусное шипение? Наверняка. Да бог с ними. Он, смешной и непосредственный, ведь рассчитывал на домашнюю обстановку, дружескую компанию, посиделки, как там, у них на Матвеевской или у Абдуловых. Даже оделся привычно: джинсы, курточка. А тут…

На следующий же день они отправились в «шоп-тур» по лучшим парижским магазинам. Накупили целую кучу самых модных вещей, костюм, рубашки, туфли на платформе. И странно: почувствовали легкость на душе. Когда возвращались домой, Марина, сидя за рулем, посмеивалась и тихонько напевала: «Я платье, говорит, взяла у Нади. Я буду нынче, как Марина Влади…» Высоцкий глядел на нее и улыбался. И дела им не было до того, что кто-то без устали попискивал вослед: «Марина таскает Володю по дорогим парикмахерским и бутикам, одевает и стрижет, как ей самой нравится. Он уже напоминает суслика…»

Почти два с половиной года они терпеливо ждали, пока перед ними, точнее — перед ним, поднимется к небу, словно сдаваясь врагу, полосатый пограничный шлагбаум, открывая дорогу на Запад. Вначале Высоцкий даже не осмеливался заикаться о возможности свободного выезда на «побывку» к жене. Знающие люди предупреждали: откажут раз — считай, что навсегда; подожди, не бузи, не высовывайся, пусть привыкнут к твоему новому статусу.

Вот какое время было раньше,
такое ровное — взгляни, Алиса…

А потом, когда уже решились, когда все предварительно проговорили-обсудили все с теми же «полезными людьми», когда «прокачали» все возможные варианты, началось то, о чем ни он, ни она даже не догадывались. Заявления, анкеты, служебная характеристика, медицинская справка, справка из домоуправления, само, собственно, прошение-приглашение: «Я, нижеподписавшаяся, Марина-Катрин… приглашаю на полное материальное обеспечение своего мужа, Высоцкого В. С. …»

И все равно дни тянулись за днями, недели за неделями, но никто из чиновников не смел и не собирался взять ответственность на себя и сказать окончательное: «Да». На кой, спрашивается, ляд рисковать, не из любви же к искусству?

Доброжелатели в Москве и в Париже, не сговариваясь, дали верный совет, и Марина, отбросив сомнения и гордость, обратилась за помощью к президенту общества дружбы «Франция — СССР» Ролану Леруа (сама она курировала в этой почтенной организации вопросы культуры). Мсье Леруа оказался деловым человеком. Он быстро вник в ситуацию, снисходительно улыбнулся и тут же договорился о встрече с Жоржем Марше, генеральным секретарем Центрального Комитета Французской компартии. Но прежде чем отправиться на рандеву с товарищем, Леруа дотошно, в подробностях расспросил Марину о ее недавней встрече в Париже и общении с Леонидом Ильичом Брежневым.

— Но вы же тоже были на этом посольском приеме с активистами нашего общества…

— Ну и что! Быть-то я был, но ведь разговаривал товарищ Брежнев именно с вами. И выпивали тоже…

— Помните, после официальной части, как обычно, был фуршет, — начала вспоминать Марина. — У меня в руках был бокал с шампанским, у Брежнева — рюмка с водкой. Он подошел ко мне. Улыбаясь, порекомендовал для поднятия настроения выпить водки, эдак «граммов 100 или 150». Когда я отказалась, он сказал: «Ну, тогда уж лучше чай!» Все вокруг рассмеялись. Вот и все общение. Да, а через день мне домой привезли расписной электрический самовар — подарок генсека… Вот, в общем-то, таково было общение. А еще у меня осталась фотография на память.

— Этого вполне достаточно, — смекнул мсье Леруа, за долгие годы научившийся до тонкостей разбираться в советской «технологии принятия ответственных решений».

Словом, вскоре Владимир Высоцкий стал «выездным». А снимок улыбающейся Марины рядом с самим Леонидом Ильичом Брежневым для них стал чем-то вроде чудодейственного пропуска по всему Советскому Союзу с красной полосой наискосок и магическими словами «Проход всюду».

«Может быть, нескромно это говорить, — как-то сказала Марина, — но я помогла ему открыть какой-то мир, который он, конечно, не смог бы открыть без меня…»

Если в России Владимир стремился познакомить Марину с людьми, которые ему самому были по-настоящему интересны и дружбой с которыми он гордился, то во Франции они, естественно, поменялись ролями. И уже Влади определяла круг новых знакомств мужа. Ей очень хотелось, чтобы о нем узнало как можно больше людей, чтобы его полюбили, чтобы восхищались им так, как она.

— Ты собираешься здесь работать? — в первый же день в Париже робко поинтересовалась она.

— Буду. Хочу. Намереваюсь. В общем, поглядим, разберемся, — бодро ответил Высоцкий. — А что?

— Значит, тебе нужно рабочее место, — рассудительно сказала Марина, что-то уже прикидывая в уме.

Весь следующий день они разбирали хлам в одной из комнат. Перебирали старые журналы, совершенно ненужные газетные вырезки, скопившуюся почту, безжалостно выбрасывали в пластиковые мешки причудливые безделушки, какие-то сувенирчики, даже слегка поцарапанные диски, глядя на которые Высоцкий цокал языком и приговаривал: «Ты представить себе не можешь, что сказали бы о нас с тобой пацаны, которые у „Мелодии“ на Калининском „The Beatles“ или „Deep Purple“ из-под полы приторговывают, увидев, чем мы с тобой тут занимаемся! Страшно даже повторить!»

Но все-таки устроили наконец Высоцкому «рабочее место», установили стереосистему, вот ручка и бумага, все чисто и просторно.

«Володей восхищалась вся моя родня, — получив возможность демонстрировать всем „живого“ мужа, Марина была счастлива, — все мои парижские знакомые и, как ни странно, даже те, кто никогда не был связан с Россией, с Советским Союзом ни в каком смысле: ни по языку, ни по политическим условиям. Его песнями у нас заслушивались».

Да что там заслушивались — сами заводились. Когда он пел «На Большом Каретном», ему дружно подпевали и Одиль, и Элен, и Марина…

Но восхищались, впрочем, далеко не все. Некоторые из

«русских парижанок», например, та самая подруга далеких детских лет Татьяна Марет-Фролофф, в зрелые годы превратившись в даму чопорную и высоконравственную, так и не смогла понять, «зачем он все-таки нужен Марине… Приятный мужчина, но мертвецки пьяный. Пил и пел… Через два часа „концерта“ он стал не совсем адекватным и не смог подняться со стула… Ольга, правда, говорила, что „Высоцкий обаятелен и очень изобретателен как любовник“.

Зато каким отчаянно веселым получился вечер в парижской квартирке Влади, когда сюда на пару дней заглянул Даниэль Ольбрыхский, давно звавший Марину „сестричкой“.

— Я попросил Высоцкого спеть что-нибудь новенькое, — рассказывал Данек. — Он тут же взял в руки гитару. Через несколько минут раздался стук в стенку: „Немедленно выключите магнитофон! Безобразие!“ Марина попыталась объяснить соседям, что к ней приехал муж из России, но они стали кричать, что вызовут полицию. Будь они русскими, сами в гости бы напросились. А французы… Да что тут говорить!..

Потом, когда хозяева вышли на улицу проводить гостей, Высоцкий не удержался и вновь запел. Тогда кто-то, шутки ради, приложил палец к губам и указал ему на надпись на заборе: Chantier interdit.[27] Владимир замолчал, попытался перевести. Что означает „interdit“, он уже знал — „запрещено“. А вот „Chantier“… шантье… шансон! „Chanter interdit“ — значит, „петь запрещено“? Он смутился, плюнул и вздохнул: ну что за нравы в этом городе Парижске, ну почему именно у этого забора французы запрещают петь?..

С сестрами Марины, и прежде всего с Таней-Одиль Версуа, у Высоцкого сложились самые теплые отношения.

„Хорошая баба, — говорил он о ней и, изображая доброго родственника, скажем, дядюшку, предлагал своему питерскому приятелю Кириллу Ласкари, которого каким-то чудом однажды занесло в Париже: — Хочешь, женю тебя на Тане? Будешь жить в замке. Латы тебе справим, меч выстругаем…“

Кстати, именно у Татьяны, которая организовала прием в честь своего гостя Михаила Барышникова, прибывшего из Штатов, Марина и Владимир впервые увидели и близко познакомились с художником Михаилом Шемякиным, к которому у Влади сложилось двойственное и осторожное отношение. С одной стороны, Шемякин был состоявшимся, успешным художником и скульптором, по-своему яркой фигурой в русском зарубежье. С другой, Марину смущал необузданный нрав Михаила, о загулах которого с самым непредсказуемым финалом в эмигрантских кругах ходили невероятные слухи…

Одиль вообще любила устраивать у себя „русские вечера“. Ее гостями часто оказывались гастролировавшие во Франции советские артисты. Однажды это были звезды ленинградского БДТ — Иннокентий Смоктуновский, Евгений Лебедев, Татьяна Доронина. „Одиль оказалась легкой в общении, говорила по-русски почти без акцента. Чем-то неуловимым и узнаваемо русским: мягкой женственностью, светлостью облика, сиянием ясных серых глаз она напоминал свою сестру — Марину Влади, — вспоминала Доронина. — Ужинали на кухне. „Клико“ лилось рекой. Пели…“

Ну а уж когда в Париж нагрянула „Таганка“…

> Конец спектакля. Можно напиваться!
> И повод есть, и веская причина, —

вспомнил Высоцкий свой старый экспромт, едва закончился „Гамлет“ на сцене Palais De Chaillot, и предложил друзьям: „Поехали к Тане!..“

— А удобно?

— Удобно! — Подхватив Демидову и Смехова, он устремился к машине, где их уже ждала Марина.

„И мы попали в огромный дом в Латинском квартале, — вспоминал Вениамин Смехов, — все чинно, просто, великолепно… вот-вот почувствуем себя „месье и мадам“… Мы ждали посреди великолепия, что приплывут на стол невиданные, непробованные яства… Ночью, после „Гамлета“, на левом берегу Сены, на втором этаже старинного замка, в честь русских артистов… торжественно внесли два гигантских блюда — горячую гречневую кашу и гору „московских“ котлет… И вкусно, и весело, и экзотично“.

А Алла Сергеевна была рада встрече с Милицей, с которой они когда-то вместе встретились на пробах к фильму Таланкина „Чайковский“. Как актриса Милица была, по мнению московской Гертруды, средняя, но работяга, бесспорный трудоголик, как и младшая сестра…

Из всех бесчисленных Маринiных парижских друзей и знакомых Владимир Высоцкий, безусловно, был очарован блистательной актерской четой — Симоной Синьоре и Ивом Монтаном.[28] За столом он даже попытался воспроизвести какой-то старый печальный шлягер конца 1950-х — то ли „Осенние листья“, то ли „Большие бульвары“, — но ничего не выходило, что немудрено — Ив сам едва ли помнил слова этих своих полузабытых песенок. И тогда Высоцкий с помощью Марины сообщил Монтану, что в Союзе он по-прежнему популярен, что

его любят, а у Марка Бернеса, самого известного советского шансонье, даже есть песня, посвященная ему: „Когда поет далекий друг“, и напел пару строк: „Задумчивый голос Монтана…“

Забавной и бурной получилась встреча с молодым, но уже популярным актером Жераром Депардье,[29] которую тоже организовала Марина. Они сразу пришлись друг другу по душе. „Мне показалось, — говорил затем Жерар, — что мы с ним похожи. Он пел мне свои песни, и хотя я не понимал ни слова, но чувствовал их… Словно в романе, встретились француз и русский, и между ними вспыхнула, как искра, какая-то духовная близость. Человек потрясающей энергии, настоящий вулкан… Мы пили несколько дней одну сплошную водку, да так, что у меня руки распухли и не пролезали через манжеты рубашки…“ Хотя, конечно, не только в водке было дело. Уже тогда в беспокойном творческом воображении Высоцкого бродила пока еще неясная, мутная, как молодое вино Жерара, окончательно еще не созревшая шальная идея возможного интернационального кинопроекта, потенциальным участником которого вполне мог оказаться и Депардье.

Но в Париже Высоцкому, разумеется, было гораздо проще общаться, кроме Марининой родни, с бывшими соотечественниками и земляками, кого забросила судьба в дальние края. По крайней мере, не останавливал языковой барьер (хотя к концу 1970-х Владимир уже вполне неплохо изъяснялся по-французски. „У него было хорошее произношение, это, наверное, чисто актерское качество, — замечала Мишель Кан, дававшая Высоцкому языковые уроки. — В последние годы Володя говорил по-французски даже лучше Андрея Тарковского, которого растила французская бонна“).

Только вот русскую эмиграцию новой волны Марина Влади не жаловала. „Человек свободен выбирать, где ему жить, — говорила она. — Я знаю среди русских эмигрантов таких, которые, покидая свою страну, думали, что они несправедливо не признаны и что стоит им „выскочить“ в Европу, поругать родину, как тут же к ним придут и признание, и всяческое благополучие. Смею заверить: не придут. Людям бесталанным, не умеющим трудиться, в Европе и Америке делать нечего. Такие там обречены на нищету, а то и на гибель“.

От встреч с „непризнанными гениями“ Марина обычно ловко уклонялась, а уж Владимира тем более берегла. Правда, не всегда это удавалось.

…Отказаться от визита к Мишель Кан было невозможно. Все-таки в свое время у них случались „земляческие“ встречи в

Москве, когда Мишель работала в издательстве „Прогресс“, были и общие знакомые в Париже. В тот вечер, когда они оказались в гостях у Кан, компания там собралась довольно пестрая. Присутствовал некто Коган, кажется, преподававший в одном из университетов, с женой-француженкой, странный музыкант-авангардист, художник-эмигрант Николай Дронников, но и светлое пятно — очаровательный танцовщик Михаил Барышников. И, к счастью, Шемякин не пришел, сославшись на плохое самочувствие.

К Дронникову Марина никаких теплых чувств не питала. Поселившийся в начале 1970-х в Париже в фамильном особняке жены, русский художник первым делом повесил на воротах жестяного двуглавого орла и занялся свободным творчеством. Но особых высот не достиг. Впрочем, мня себя „летописцем русской эмиграции“, охотно рисовал карандашные портреты прославившихся на Западе соотечественников — Мстислава Ростроповича, Святослава Рихтера, Насти Вертинской. Позже в этой серии появились также портреты Влади и Высоцкого… Выпросив у эмигрантов первой волны старенький печатный станок, Дронников объявил себя книгоиздателем. Самым известным его трудом стало шеститомное собрание „Статистика России 1907–1917 годов“, удостоенное снисходительной похвалы самого Александра Солженицына за „отстаивание истины о нашей заплеванной Родине“. Но более всего смущали Марину радикальные политические воззрения Дронникова, которые тот всегда провозглашал так, скандала ради.

Влади назвала его провокатором, когда он принялся усиленно зазывать Высоцкого на прием по случаю вручения Андрею Синявскому какой-то литературной премии. Отговорить Владимира было невозможно, никакие аргументы не действовали. Ведь сколько уже раз зарекалась она перечить мужу, наперед зная, что это еще больше его распаляет, возбуждает желание поступать вопреки уговорам.

Конечно, репортажи с фотографиями с чествования Синявского появились в эмигрантской печати. В Москве, естественно, тоже все стало известно. Даже Дупак, директор театра, бедолага, пострадал — досталось „за недостаточную воспитательную работу в коллективе“. Одному Володе — хоть бы хны: „Не знаю, может, напрасно я туда зашел, а с другой стороны, хорошо. Хожу свободно и вовсе не чураюсь… Занервничали мы. Как *они* все-таки, суки, оперативны. Сразу передали по телетайпу — мол, был на вручении премии…“

Жена Синявского, Мария Розанова, понапрасну ехидничала: „Марина Влади была „девушка официальная“, заинтересованная в

добрых отношениях с советскими властями. И, мне кажется, боялась общаться с „особо опасными“.

Конечно, боялась, конечно. Потому что всеми силами стремилась сохранить хрупкую возможность как можно больше быть со своим любимым. Какой тут грех?..

Она была признательна тем вчерашним советским гражданам, которые, проявляя такт и понимание, не особо докучали им с Владимиром, не навязывали никчемных свиданий-посиделок или, хуже того, участия в каких-либо публичных акциях. Образцово в этом отношении держали себя осевшие кто в Париже, кто в Мюнхене, кто еще где писатели Виктор Некрасов, Владимир Войнович, Анатолий Гладилин. А другие? Некоторые просто были неинтересны ни Марине, ни Владимиру. Даже общение с выдающимся виолончелистом и дирижером Мстиславом Ростроповичем вызывало у них неоднозначные чувства. Владимир, скажем, был откровенно разочарован первым знакомством и, рассказывая Марине, обошелся грустным каламбуром: „Да, любит наш Слава славу..“, вспоминал, как Мстислав Леопольдович, демонстрируя своему гостю разнообразные награды от лидеров иностранных государств, благоговейно перебирал блестящие ордена своими гениальными пальцами и с придыханием приговаривал: „Это от английской королевы… Это от президента… Это от премьер-министра…“ — „И это Ростропович?!.“

Зато при первой же возможности Марина и Владимир стремились повидаться с балетным чудодеем, удивительно обаятельным Михаилом Барышниковым,[30] с которым Высоцкий был знаком еще по Питеру.

Приезжая из Штатов на гастроли в Париж, Михаил нередко останавливался у Тани-Одиль, которая его просто боготворила. Во время одной из встреч Барышников похвастался книгой стихов Иосифа Бродского[31] с дарственной надписью автора. Марина вслух прочла:

Пусть я — Аид, а он — всего лишь — гой,
И профиль у него совсем другой,
И все же я не сделаю рукой
Того, что может сделать он ногой!

Высоцкий присвистнул: „Такие слова, Мишка, — да выбить бы золотом на мраморе на твоем доме в Нью-Йорке“. Поэт и мечтать не смел, что спустя какое-то время сам удостоится наивысших похвал от будущего нобелевского лауреата. Преподнося Высоцкому свой сборник „В Англии“, Бродский

написал: „Лучшему поэту России, как внутри ее, так и вне“.

После смерти Владимира Марине показали слова Иосифа Бродского, ниспосланные вослед ушедшему: „Я думаю, что это был невероятно талантливый человек, невероятно одаренный, — совершенно замечательный стихотворец. Рифмы его абсолютно феноменальны“.

* * *

Марина делала все, чтобы Владимир увидел мир, но не глазами любопытствующего и праздного туриста, а глазами человека, который в предложенных обстоятельствах просто живет, работает, любит.

Полагая, что знает все закулисье шоу-бизнеса, Марина на свой страх и риск предпринимала робкие и в чем-то наивные попытки организовать его выступления перед французской публикой. Ее подводила слепая вера в то, что тот ошеломительный напор и колоссальное обаяние, которыми Высоцкий мгновенно завоевывал слушателей, не понимавших ни слова из того, что поет этот русский, откроют ему путь на любые эстрадные подмостки и к сердцам парижан. Пусть сегодня это будет небольшой зал L'Elysée Montmartre, но завтра — непременно Olympia! Дебютные выступления надежд не оправдали. Марина была донельзя огорчена, Высоцкий, без всякого труда собиравший многотысячные аудитории в любом городе Союза — от Ташкента до Калининграда, воспринял свои не вполне удавшиеся концерты провалом и даже оплеухой.

К выступлению на празднике газеты „L“ Humanité“ Марина попросила Мишель Кан подготовить подстрочник текстов, чтобы перед исполнением песен Володи читать их зрителям. Правда, прежде Мишель никогда не занималась поэтическим переводом, специализируясь в основном на переводах для французских коммунистов трудов товарища Л.И.Брежнева.

Читая подстрочное переложение „Охоты на волков“, „Натянутого каната“ и других песен, Марина чуть не плакала от досады и бессилия. Эти прозаические тексты больше напоминали казенные правила охотничьего клуба и инструкции по технике безопасности для цирковых артистов.

Но Мишель оправдывалась и уверяла, что зрители вообще не хотели слушать какого-то безвестного им певца, а потому проявили полное равнодушие к его выступлению. Влади утешала себя и других тем, что даже в советском посольстве в Париже далеко не все слушатели толком „воспринимали то, о чем пел

Володя: для этого надо было чувствовать жизнь страны так, как чувствовал ее он…“.

Она переживала, ссылки на языковые проблемы уже не казались убедительными. Она же видела, говорил Анатолий Гладилин, насколько хорошо в Париже проходил Окуджава, настолько неудачно проходил Володя. Но почему? Да потому, объясняли друзья, что ты слишком уверена в своем знании всех составляющих успеха, поскольку сама являешься звездой. А ты была и есть, не обижайся, но лишь элементом громадного механизма целой индустрии под названием „шоу-бизнес“. Ты полагаешь, что слава и успех приходят сами собой? Напрасно.

Нужна целенаправленная, продуманная, тщательно выстроенная рекламная кампания. Имя должны запомнить, оно должно застрять в мозгах, люди должны захотеть его слушать и только потом уже *купиться*, поддавшись его обаянию и силе голоса… А ты даже не удосужилась анонсировать концерты хотя бы в эмигрантской „Русской мысли“. Об афишах тоже забыли… Дилетанты. Publicity, Public relations — это не искусство, это же целая наука! Ты, кстати, знаешь, кто ее создал? Сэм Блэк. Твой соотечественник, между прочим. Семен Черный из Одессы! Не смейся, его умные родители, удирая в начале века в Штаты, прихватили с собой смышленого мальчишку, который это все потом и придумал… Вот так-то, madame.

Вскоре на радио „Франс Мюзик“ давний знакомый Марины мсье Эруан организовал передачу с участием Владимира Высоцкого. Он появляется в телепрограмме на популярном канале TF1. Заметки с упоминанием Высоцкого начинают время от времени мелькать в известных французских изданиях — „Le Monde“, „Paris Match“, конечно же, коммунистической „L“ Humanité».

В Париже она знакомит Владимира со знаменитым английским режиссером Питером Бруком,[32] который уже окончательно перебрался во Францию и возглавил театр «Буфф дю Нор». К ее немалому удивлению, уже через минуту у них обнаруживаются общие знакомые.

— Валентин Николаевич Плучек, кажется, ваш брат?

— Да, — Брук был несколько обескуражен такой осведомленностью. — Кузен. Наши отцы были родными братьями.

— Сегодня Валентин Николаевич — один из самых известных режиссеров Москвы, главный режиссер Театра сатиры.

— Да-да, я знаю, — говорит Брук.

— Я немножко работал с ним, писал песни для его спектакля «Последний парад».

— Так, может быть, вы и для моих артистов споете? —

деликатно предложил Брук. — Я думаю, им будет интересно послушать своего московского коллегу.

— Что, прямо сейчас?

— Ну а почему бы и нет?

И все трое засмеялись — чисто одесским получился диалог!..

Актеры Брука снисходительно так смотрели, вспоминала Марина, думали: ну выйдет две-три песни. Володя взял гитару — и пел почти три часа…

Спасибо вам, Валентин Николаевич, за невольную протекцию.

Я Ваш поклонник с некоторых пор,
И низкий Вам поклон за Вашу лиру,
За Ваш неувядаемый юмор,
За Вашу долголетнюю сатиру!

…Маринка мечется между плитой, счетами и делами, с грустью видит Высоцкий и жалеет ее. У нее колоссальная почта. В основном все требуют денег: штрафы, налоги, страховки, благотворительная помощь, гонорары адвокатам… Тут же звонок из телекомпании, далее от фотографа — нужно делать снимки для журнала. После этого — парикмахерская, интервью и съемка. Вечером гости… И так — без конца и края, голова идет кругом.

Но главное, чем заняты все ее мысли, конечно, была проблема с записями будущих пластинок Высоцкого.

Надо отдать должное настойчивости Михаила Шемякина, который сумел убедить их в необходимости создания полного звукового собрания сочинений Владимира Семеновича Высоцкого. И показал, кстати, пример профессионального подхода к делу: специально приобрел самую лучшую на то время аппаратуру — два «Ревокса», оборудовал в своей мастерской студию и даже окончил курсы звукооператоров.

Высоцкий очень серьезно отнесся к работе. «Он перепевал многие песни по восемь-девять раз, — рассказывал Шемякин. — Запись продолжалась часами. Иногда он выскакивал из студии просто мокрым».

А в Марине вновь не мирились противоречивые чувства. Да, она понимала, что друзья занимаются благим, в сущности, делом. Но ведь все-таки, как бы ни похвалялся Миша своей аппаратурой, это был лишь любительский уровень. Что, мало было таких «кухонных» записей в той же Москве?.. А каков реальный, практический выход? Пшик…

Хотя, конечно же, приятно было, прогуливаясь с Володей по московским бульварам, слышать из распахнутых окон его голос «с *намагниченных лент*» и видеть, что он втайне гордится этим

своим победным шествием по родному городу. Кажется, Любимов, рассказывая о поездке театра в какие-то неведомые Набережные Челны, сравнивал Высоцкого со Спартаком, шагающим по поверженному Риму… Да, красиво, но…

К тому же эти многочасовые отлучки мужа, естественно, раздражали. Тем более в компании с Шемякиным, от которого чего угодно можно было ожидать. Ведь это же он недавно подбил Володю удрать то ли со званого вечера, то ли из театра — и отправиться гулять в «Распутин», в «Царевич» или в «Две гитары» и хулиганить чисто по-московски, даже пытаться поджечь бистро, из которого их выставили негодяи-официанты…

(Впрочем, теперь Марина не отрицает, что домашние шемякинские записи столь же бесценны, как рукописи классиков литературы. Но тогда, в 1970-е, Михаил был для нее и, естественно, Владимира не более чем «французским бесом»-искусителем. А Шемякин и не отрицал: «У нас с Мариной никогда не было блистательных отношений. Она очень ревновала к нашей дружбе. В то время, когда Володе становилось плохо, она вызывала меня, сдавала мне его на руки, и я с ним возился по десять дней кряду. Запои — страшная штука…»)

Тогда она всю ночь провела в доме у Ревекки, жены Шемякина, ждала его и тихо шалела. «Мы сидели на кухне, — вспоминала Рива, — и курили, курили, курили… Я уж не знаю, сколько сигарет мы выкурили. Марина сидела совершенно бешеная. Я говорю:

— Ну, Марина, давай с юмором к этому относиться.

А ей было не до юмора — она очень сильно переживала. А еще у нее утром была съемка, кажется, в „Марии-Антуанетте“ — ей надо было с утра быть свежей и красивой. И она сидела у нас на кухне и сходила с ума… Потом она все-таки уехала. Сказала мне:

— Как только они появятся — позвони…»

А потом, когда Владимир спел ей уже в Москве «Французских бесов» — о своих парижских «подвигах», Марина сначала хохотала, а затем, дослушав до конца, вдруг принялась демонстративно собирать чемоданы и, задохнувшись от возмущения, сорвалась:

— Ты! Ты вспомнил обо всех — о венграх и болгарах, о цыганах и армянах в браслетах и серьгах, а другу — «гению всех времен» — посвятил всю песню! В этом ты весь! Для меня у тебя не нашлось и полсловечка! Мои слезы не стоят ни гроша, так, по-твоему?.. Вы все негодяи!

— Разберемся, — сказал Высоцкий. — Зачем ругаться, если все равно помиримся?.. А, Марин?

Но она улетела в Париж. А он вслед за ней.

* * *

Не раз и не два Марина и Владимир обсуждали самые различные варианты легализации его песен. От «Мелодии» по-прежнему — ни бе ни ме. Нужно было искать фирмачей во Франции, которые бы согласились рискнуть и запустить русского. Хозяева фирмы «Le Chant du Monde» готовы были взяться за проект, но с одним условием: «шансонье совьетик» должен согласовать свой репертуар с Министерством культуры СССР.

— Они меня надуть хотят, — ругался Высоцкий. — Коммунистическая фирма, мать их так!

На согласование ушли месяцы, спал изначальный азарт. Даже на требования министерских искусствоведов радикально пересмотреть «клавир» Высоцкий махнул рукой:

— Все лучше, чем ничего.

После долгих дискуссий было принято решение, что музыкальное сопровождение должно быть оркестровым. Но аранжировщик обязан более-менее знать русский язык, чтобы понимать, о чем идет речь в песне. Было и еще одно условие Высоцкого: желательно, чтобы мелодист не имел консерваторского образования, то есть не был зашорен классикой жанра.

— Так получилось, — рассказывал болгарский музыкант Костя Казанский, давненько осевший в Париже, — что три или четыре человека, к которым они с Мариной обратились за советом, назвали мое имя. К тому же выяснилось, что мы были как бы знакомы, еще не зная друг друга. Я работал с Алешей Дмитриевичем, и была какая-то частная вечеринка… Мы спели пару песен, и, конечно, там была Марина с каким-то молодым парнем. И Дмитриевич говорит: «Вот, познакомься: Валентин». Он перепутал имена. И я с каким-то Валентином говорил 10–15 минут… Я не думал, что это Высоцкий. Я только слышал тогда о Высоцком, мне казалось, что он должен был быть уже в возрасте, таким мощным, пожившим…

Когда началась настоящая работа, позже вспоминал Костя, мы все — Марина, я, Борис Бергман, который тогда помог найти других музыкантов, — мы все хотели, чтобы было все сделано именно так, как хочет Высоцкий. Мы работали много и очень хорошо друг друга понимали…

Чтобы понапрасну не тратить время на бесконечные переезды из предместья в Париж и обратно, Марина сняла квартирку у

Костиного дяди на rue Rousselle, поблизости от студии.

А потом, вспоминала Марина, Володя сидел над своими пластинками, выпущенными французами, и плакал от счастья. Как мальчик. Он ведь всегда оставался ребенком. Во всяком случае, для нее одной.

* * *

В одном из интервью Высоцкий как-то сказал, что «счастье — это путешествие. Необязательно из мира в мир. Это путешествие может быть в душу другого человека… И не одному, а с человеком, которого ты любишь. Может быть, какие-то поездки, но вдвоем с человеком, которого ты любишь, мнением которого ты дорожишь…»

Марина безошибочно, природным женским чутьем угадала неизбывную эту тягу к странствиям и перемене мест.

«Хотя разрешение на выезд распространялось только на Францию, мы с ним объездили весь мир, — гордилась Марина Влади. — Когда он возвращался в СССР, то, по тогдашним правилам, надо было сдавать заграничный паспорт в отдел кадров. Там у всех просто глаза вылезали из орбит: кроме отметок о пересечении французской границы, стояли штампы Мексики, США, других экзотических мест. Но обходилось без неприятных последствий. Чиновники считали, что раз Володя так лихо путешествует по свету, значит, кто-то наверху его поддерживает. Конечно, все это было не так, но эта их боязливость играла нам на руку».

Для своих странствий они избирают самые неожиданные и замысловатые маршруты. Марине ловко удавалось совмещать приятное общение с друзьями и работу Ее ждали по всему миру В олимпийском Монреале Марину и Владимира охотно принимает старинная подружка, известная канадская певица Диана Дюфрен. Деятельная, легкая на подъем, компанейская, веселая, она тут же знакомит заокеанских гостей со своими канадскими приятелями, награждая каждого восторженным комплиментом:

— Это Жиль Тальбо, наш замечательный продюсер… Знакомьтесь: волшебник Андре Перри, звукорежиссер, «лучшее ухо американского континента». Он, кстати, записывал первый сольный альбом Джона Леннона… А это — Люк Пламандон, изумительный поэт, пишет песни для меня. Сейчас мы вместе работаем над первой франко-квебекской рок-оперой «Стармания». Люк сочинил чудесное либретто.

Ладно, ребята, все, располагайтесь, отдыхайте,

развлекайтесь, хозяйничайте. Не думайте ни о каких проблемах — вы в раю. А я вас покидаю, у меня во Франции концерты и встречи с композитором Мишелем Берже, он пишет музыку к нашей «Мании». В общем, я спокойна — вы остаетесь на попечении моих друзей…

Диана упорхнула, оставив свой двухэтажный особняк в полном распоряжении Марины и Владимира. После первой же вечеринки, завершившейся, конечно, песнями Высоцкого, Тальбо и Перри приглашают их в свою суперсовременную музыкальную студию в фантастическом стеклянном доме на берегу озера в окружении берез и предлагают сделать записи для пластинки. Марина посмеивается, вспоминая московскую эпопею с «Мелодией», свои бессмысленные светские беседы с «Ниловной»-Демичевым с обещанием «ускорить процесс».

Владимир с Мариной переглядываются — предложение, конечно, заманчивое, но подобные несанкционированные вольности дома могут обернуться для него немалыми неприятностями. А, черт с ними! Мало ли магнитофонных записей гуляет без контроля?!! Вот кто-то под шумок и… Условились, что канадские впредь он будет называть «пиратскими». Без обид, господа? Да ради бога, как вам угодно…

Воздух свободы — *«свежий ветер избранных пьянил»* — добавлял адреналина в кровь и порой толкал их на сумасбродные поступки. Например, взять ни с того ни с сего да и махнуть из Кельна в Голландию или погулять (опять-таки без всяких виз) по городу Мадриду, поужинать в ресторане «Фламенко», послушать местных певцов и посмотреть картины Эль Греко, а потом в аэропорту перед вылетом в Америку повиниться перед милым парнем-пограничником, которому ничего другого не остается, кроме как развести руками и шепнуть: «Нет визы на въезд — нет и визы на выезд».

…Пройдошистый продюсер студии MGM Майк Медовой расстарался и умудрился собрать на вечеринку в Лос-Анджелесе, как говорится, весь Голливуд. Кого там только не было — Грегори Пек, Роберт де Ниро, Пол Ньюмен, Рок Хадсон, Джек Николсон, сверкали улыбками и жадными очами кинодивы… Поначалу мало кто обращал внимание на гостя, ради которого, собственно, и был затеян этот прием. Публика с бокалами в руках неспешно прохаживалась, раскланиваясь и обмениваясь дежурными улыбками. Тягостно тянулись минуты. Скомкать чопорную обстановку решился только Милош Форман,[33] уже успевший стать здесь классиком-«оскароносцем». Он с ходу предложил заскучавшему Высоцкому:

— Ну-ка, Володя, заспивай!

Форман, уроженец Чехословакии, русский язык еще со школы худо-бедно знал, но говорил со смешным, то ли украинским, то ли белорусским, акцентом. В Москве ранее (до эмиграции) он бывал и в компаниях друзей-киношников песни Высоцкого, конечно же, не раз слышал.

— Ну, что ты, Милош, как я могу здесь петь? — пытался возразить Владимир. — Что они поймут?

Но Форман настаивал:

— Ну, пожалуйста, Володя, хотя бы пару песен.

Известный русский актер и поэт, как поспешил представить его Медовой, взял в руки гитару.

Марина стояла у стены и была напряжена, как перед своим первым выходом на сцену. Кто-то, слегка прикоснувшись к ее руке, предлагает ей присесть, а она вздрагивает, как от удара, вспоминая развалившееся под ней кресло в том кошмарном дебютном спектакле.

Первой на пение Высоцкого откликнулась киноактриса Натали Вуд. Сначала ее задел необычный голос и бешеный бой гитары, но потом стали доставать и слова. Это понятно: Наташа — дочь русских эмигрантов Гурдиных. Постепенно Высоцкого начинает окружать голливудский бомонд. Вуд шепотом — «с листа» — кое-как пересказывает стоящим рядом содержание песен. «От твоих песен их бросает в дрожь. Женщины прижимаются к своим спутникам, мужчины курят, — торжествует Марина. — Исчезает небрежность манер… масок не осталось. Вместо светских полуулыбок — лица. Некоторые даже не пытаются скрывать и, закрыв глаза, отдались во власть твоего крика…»

Бродвейская superstar Лайза Минелли и вовсе пристраивается чуть ли не в ногах заморского гостя. Влади со снисходительной ревностью отмечает плотоядный взгляд Лайзы, которым та впилась в Высоцкого. Пожалуйста, любуйся. «Ты исполняешь последнюю песню, и воцаряется долгая тишина. Все недоверчиво смотрят друг на друга. Все они в плену у этого человека. Лайза Минелли и Роберт де Ниро задают тон, выкрикнув:

— Потрясающе! Невероятно!..»

Вместо традиционных для подобных приемов пяти-семи минут Высоцкий пел около часа. Минелли опустилась перед ним на колени.

Московский бизнесмен иранского розлива Бабек Серуш, принимавший самое непосредственное участие в организации этого приема, во время пения Высоцкого не отрывал глаз от Марины и видел: она по-настоящему счастлива.

Они покидали прием победителями. Милош Форман потом

скажет: «На вечер к нам пришла Марина Влади с мужем, а ушел Высоцкий с женой…» Но ведь она сама этого так хотела, и она этого добилась.

Уж позже, анонсируя выступления Высоцкого в Штатах, крупнейшая эмигрантская газета «Новое русское слово» сообщала: «Всемирно известный русский бард Владимир Высоцкий и французская кинозвезда Марина Влади…»

* * *

…«Тайны Бермудского треугольника», конечно, не обещали стать шедевром, но съемки предполагались где-то в Мексике, на острове Косумель, посреди Карибского моря и не должны были слишком затянуться. Марина подписала контракт, хотя Высоцкий понимал: «Роль ей неинтересная ни с какой стороны. Только со стороны моря, которое… прямо под окнами маленького отеля „La Ceiba“».

Но жара! Высоцкий один-единственный раз заставил себя выбраться на съемочную площадку и попал в настоящий адский котел. Тут же сказал: «Баста!» и, сидя в номере под кондиционером, сообщил другу в заснеженную, видимо, Москву: «А жена, добытчица, вкалывает до обморока».

Конечно, спасало благословенное море. Здесь оно удивительное, ежесекундно меняющее свой цвет — от синего до голубого. В перерывах между сменами Марина окуналась, плавала поблизости от кораблика со съемочной группой.

— Мадам! — кричал ей с борта вахтенный матрос. — Осторожнее! Далеко не отплывайте, акулы у нас — не редкость, даже барракуды встречаются. Осторожнее, мадам… Я вас очень прошу…

Но Марина все плавала и плавала, не желая расставаться с морем, которое ласкало и нежило, баюкало, как в детстве. Наверное, лет в двенадцать она впервые начала ловить странные взгляды пляжных атлетов (и не только их), особенно когда выбегала на морской берег. Ее купальник лишь прикрывал срам, как выражалась горюющая бабушка, и неудивительно, что местные аполлоны таращились на нее, как на обнаженную Афродиту. Нет, не на богиню, а на нее, Марину! Конечно, она догадывалась о причинах, и это знание будоражило кровь, но юный возраст не позволял придавать мужчинам слишком большого значения. Но сейчас, когда чувствовала на теле жадный, раздевающий ее взгляд нахального матроса, она снисходительно прощала ему это чересчур пристальное внимание, которое порой

казалось даже неприличным, и даже сама намеренно чуть-чуть поддразнивала…

Вернувшись в отель, она принимала душ, смывая морскую соль. А потом рассказывала мужу о дневных впечатлениях:

— Сегодня к нам приплывала барракуда! Я ее видела своими глазами! Это такая омерзительная змея толщиной с ногу, наверное, метра два длиной, с противной собачьей мордой и жуткими челюстями… Ужас! Но, говорят, она очень вкусная. Только надо уметь ее приготовить…

— Завтра я тебе ее поймаю, — говорит Высоцкий. — Собираюсь понырять… Ужин за тобой, договорились?

Она засмеялась и ласково потрепала его по плечу: загорел.

— Когда ты успеваешь? Сидишь тут, в номере, все пишешь. Ты же свой «Бермудский параллелепипед» вроде бы уже сочинил.

— Никогда не поздно кое-что подправить, изменить. Все в моих руках, никто не стоит за спиной. Вот смотри, эти строчки, кажется, вообще выпадают и замедляют ритм:

Вот отпор мы дали блюдцам
И тарелки разгребли, —
В треугольнике Бермудском
Исчезают корабли…

— Убираем? Убираем!..

После окончания съемок они заглянули в Мехико. Там у Марины тоже, оказывается, живет подруга, бывшая балерина, с русскими, между прочим, корнями. Сын балерины работает на местном телевидении, и парень сразу воодушевляется идеей сделать передачу с участием гостя из далекой России.

В Югославии они поменялись ролями: Высоцкий снимался в фильме «Единственная дорога», а Марина в свое удовольствие, с комфортом отдыхала на острове Свети-Стефано. Все было чудесно! Даже звонок встревоженной Одиль из Парижа ее не так уж слишком огорчил.

Конечно, поначалу было обидно до слез: ведь дом дочиста обворовали. Все, что было приобретено за двадцать лет работы, пропало. Драгоценности, серебро, меха, в том числе большая норковая шуба, киноаппаратура, радиотехника. Особенно было жаль маленьких маминых колечек, которые Марина носила, не снимая, а в этот раз почему-то оставила дома. Унесли все, кроме картины Пикассо и первого издания Мольера. Услышав последнее, Марина засмеялась и воскликнула:

— Господи, какие интеллигентные воры пошли! И не попались!

Одиль, конечно, сразу решила, что с ней истерика. Володя тоже очень расстроился. Но, увидев реакцию жены, воспрял духом и даже стал шутить:

— Ну, наконец-то я свою бабу сам одену!

Он тут же направился с друзьями в самый лучший магазин и купил Марине дорогую дубленку.

А в Полинезии их радушно встречал бывший муж Марины, Жан-Клод Бруйе. Он постарался слелать все, чтобы, как говорила Влади, «наша жизнь на островах в Тихом океане была чем-то вроде медового месяца». Особенно ее удивило, насколько быстро и крепко умудрились подружиться Жан-Клод и Владимир: «один — ярый антикоммунист до мозга костей, второй — только что приехал из этой безумно-красной России, один — пилот, бизнесмен, другой — актер, поэт, певец». Что между ними, задавала себе вопрос Марина, могло было быть общего? Может быть, она сама? Да нет, как раз наоборот. Ведь и тот, и другой являлись жуткими ревнивцами. Тогда что? Наверное, просто два сильных, волевых характера тянуло другу к другу взаимное уважение. В знак дружбы Бруйе подарил Высоцкому свои золотые часы, которые были при нем до самого последнего дня. А разбитая гитара Высоцкого осталась висеть на стене в доме Жан-Клода на берегу океана.

Потом он приглашал Марину и Владимира на свою четвертую свадьбу на Таити. Влади раньше прилетела на острова из Парижа, Высоцкий должен был прибыть чуть позже, после концерта в Калифорнии.

«Праздник в самом разгаре, — вспоминала Марина. — Со всех островов приехали музыканты и танцоры. Мои сыновья Игорь, Петя и Владимир ждут тебя с тем же нетерпением, что и Жан-Клод…»

Она видела, что Высоцкий жадно впитывал новые впечатления, ему нравились разные страны. Однако с сожалением признавала: «Но только первые две недели. Потом он начинал скучать и собираться домой. И неважно, где мы были — в Париже, в Нью-Йорке или на Таити…» Марина знала, что он «подолгу не мог здесь жить — ему быстро все надоедало. Здесь, я думаю, его тяготило, что его никто не знал. В Москве это был настоящий любимец публики. Я видела вещи, которые никто в жизни не мог бы сделать, кроме него, — например, остановить самолет, уже мчащийся по взлетной полосе. Пилотам передали, что Высоцкий опаздывает, и они притормозили. Здесь, конечно, такого не было. И знаменитому человеку быть никем было не очень приятно…»

Марина по себе знала, что такое популярность, но видела и «географические» различия: «Во Франции… как бы сказать?.. эта

популярность спокойная, что ли… А в России… страстная!»

* * *

Близкий товарищ Владимира по Большому Каретному, писатель Артур Макаров, считал, что для Высоцкого его «заграничные периоды… Акапулько, Туамоту — были периодами очень интенсивного творчества. Он там очень много работал. Сохранилось много стихов, написанных на бланках зарубежных отелей. Ему там очень хорошо работалось… и очень хотелось скорее вернуться и проверить все это на людях…»

После очередного возвращения в Москву Высоцкий начинает тормошить Эдуарда Володарского: давай писать сценарий, есть живой сюжет. И 1 января, сразу после встречи нового, 1979 года, они начинают писать киноповесть «Венские каникулы» («Каникулы после войны»).

Впрочем, нет, Высоцкий не пишет — он быстро расхаживает по своему домашнему кабинету и диктует Володарскому, и тот записывает то, что соавтор видит, как в объектив кинокамеры, прямо перед глазами. Видит движущиеся фигуры, слышит их голоса, понимает разворачивающийся сюжет вплоть до финальных сцен. Он знает главных героев своего замысла. Даже имен придумывать не надо — главный герой Владимир, понятно. Жерар — конечно же, Депардье. Даниэль, нет вопросов, разумеется, Ольбрыхский. А Вахтанг, безусловно, Буба Кикабидзе. И все попадания — в яблочко!

«Только бы поскорей все записать! Надо успеть!» — сверлит одна мысль. Соавторам понадобилось всего несколько суток, чтобы черновой вариант сценария был готов. А их женщины-музы были рядом, за стенкой, продолжая праздновать Новый год и коря своих неугомонных мужей. Марина угощала гостей, вспоминал Володарский, а мы сидели в кабинете. Иногда стучали в дверь, звали:

— Кончайте с ума сходить, ребята! Пошли чай пить!

— Мы работаем! — кричал в ответ Высоцкий.

Поставив точку, счастливый Владимир тут же сообщил о своем замысле зарубежным друзьям, соблазняя их возможностью «артельной» работы. Марина увезла рукопись в Париж, перевела и показала Депардье. Тот пришел в восторг и заявил, что готов сниматься хоть сегодня и без всякого гонорара. Данек Ольбрыхский, которому Высоцкий сам прочел сценарий, тоже сказал, что готов начать работать в любую минуту. О Бубе и говорить нечего…

Только ни советское Госкино, ни французских продюсеров не интересовала поразительная история русского, грузинского, польского и французского летчиков, случившаяся с ними в годы войны. Правда, якобы летом 1980 года за работу над проектом был готов взяться Милош Форман. Как будто бы даже с кандидатурами исполнителей он был согласен. Только главного героя уже не было на белом свете…

Ольбрыхский говорил, что «после смерти Володи деньги для фильма действительно отыскались. Нас снова стали приглашать на съемки, где роль Володи должен был сыграть кто-то другой. Но я сказал, что это невозможно. Да и по возрасту мы уже больше смахивали на полковников, а не на молоденьких лейтенантов, как это должно было быть по сценарию… На том все и закончилось».

Писательство — заразная болезнь, все больше убеждалась Марина. Она чувствовала и видела, как оживляется Владимир, когда ему в конце концов удается нащупать нужную строчку, образ, найти ту самую единственную рифму. В такой момент он сдерживает себя, чтобы тут же совершить что-нибудь из рук вон выходящее, все равно что — даже взбежать в восторге на стенку и отбить чечетку! Она радовалась за него и немножко завидовала.

«Когда умерла мама, — рассказывала Марина, — мы с сестрами решили написать о нашей русской артистической семье. О корнях и традициях. Мы хотели рассказать о любви наших родителей, о четверых внучках нашей бабушки — двух брюнетках и двух блондинках, которые прожили счастливую жизнь на улице Альзас в Клиши и у которых много детей. А также о проблемах, которые мучили нас. Наши старшие сыновья — мой и сестры Милицы — оказались подвержены наркомании. Мы захотели честно рассказать другим об этой трагедии. Предупредить. Кроме того, в своей книге мы хотели провести мысль о том, что „звезды“ театра и кино — тоже люди, со всеми человеческими проблемами. Когда мы писали свою книгу Babouchka (в переводе не нуждается), между звездами и обычными людьми существовала пропасть».

Честно сказать, свою «Бабушку» сестры вовсе не писали, а только наговаривали по вечерам урывками какие-то свои жизненные истории на магнитофонную пленку. Иногда, вспоминала Марина, «нам приходилось прерываться, потому что было очень тяжело, нас душили слезы, охватывала тоска и печаль. Нужно было переждать какое-то время: некоторые раны, которые, как мы думали, зажили, вновь открывались». А потом все эти записи обрабатывались и редактировались журналисткой Лоли Клер.

Все истории были самые разные. Марина больше вспоминала

о детстве, рассказывала о своем восприятии замужеств сестер, об их общей артистической карьере, о работе над «Тремя сестрами», о том, как подрастали племянники, чем отличались…

Книга появилась на прилавках магазинов в 1979 году.

* * *

Будучи человеком самостоятельным, Марина тем не менее смотрела на друзей глазами мужа. И перенимала от него привычку помогать им в нужную минуту. Двери парижской квартиры Влади на rue Rousselles, ворота дома в Maisons-Laffitte всегда были открыты для ее московских приятельниц и Володиных товарищей. В 1978 году, умчавшись по неотложным делам в Швейцарию, она оставляла ключи Олегу и Веронике Халимоновым. После кошмарной автокатастрофы под Тулой «курс активной реабилитации» в парижском предместье проходил Всеволод Абдулов. По приглашению Влади у нее гостила свекровь. В печальные июльские дни 1980 года, когда все дышали любовью и безмерным соучастием друг к другу, Марина, обнимая Нину Максимовну, ласково шептала ей: «Мама, вы можете по полгода проводить у меня в Париже…»

Вдвоем с Владимиром они устроили настоящий праздник своему знакомому — питерскому балетмейстеру Кириллу Ласкари, у которого во время гастролей во Франции случился 40-летний юбилей. Во время отсутствия хозяйки в ее доме останавливалась чета Митты. Когда «Таганку» чудом занесло в Париж, Влади, как старшая сестра, опекала подрастерявшегося Ивана Бортника. «Мы вели ночной образ жизни, ходили в ресторан „Распутин“», — с гордостью и тоской вспоминал потом он. А возвращаясь под утро в гостиницу, он тащил с собой то, что Марина ему с собой туда собирала… Когда у жены Володарского врачи обнаружили признаки тяжелого заболевания, Марина устроила Фариде «парижский консилиум», показывала лучшим докторам и отвлекала от болячек.

Однако порой Марина Владимировна стремилась едва ли не силой оградить мужа от излишне назойливого и обременительного, с ее точки зрения, общения с наезжающими из Союза друзьями, прекрасно понимая, чем начинаются и могут заканчиваться «мужские игры на свежем воздухе». Виктор Туров, к примеру, смертельно разобиделся на нее, когда, будучи во Франции и «рассчитывая на взаимопонимание», позвонил в Maisons-Laffitte, а трубку сняла Марина: «Витя, извини, Володя спит, и я его будить не буду…»

* * *

Со временем Владимир Семенович в совершенстве научился ориентироваться в существующих правилах игры и «нормах поведения советских граждан за рубежом», а посему никогда не избегал общения с работниками посольств СССР в странах пребывания. Во Франции в первую очередь.

«Как только он появился, стало очевидным, что Володя здесь свой человек, — рассказывал новичок парижского консульства Вадим Мельников, работавший „под прикрытием“. — Никто не испытывал в общении с ним напряженности. На лице Володи широкая и добрая улыбка. К месту — реплика, шутка… Сказал, что прилетел в Париж навестить жену… Ну и немножко отдохнуть».

Потом, когда Мельников подвозил его в центр и спрашивал, когда же он у них, в представительстве, выступит, пассажир как-то странно посмотрел на Вадима: «Ты что, не знаешь или издеваешься? В такие места меня не пускают. Посол меня не только не пригласит, но и близко не подпустит».

Конечно же, Чрезвычайный и Полномочный Степан Васильевич Червоненко не мог нарушать негласное указание МИД: «В упор не замечать Высоцкого». Себе дороже…

Но все-таки Мельникову удалось побывать на парижском выступлении Высоцкого — в представительстве Аэрофлота. С такими организациями Владимир Семенович старался дружить, и по возможности взаимовыгодно. Даже заключил в июле 1978 года любопытный договор с Центральным рекламно-информационным агентством Министерства гражданской авиации СССР «Авиареклама».

«Согласно договору АВТОР обязуется перед ЦРИА до 1 января 1980 г.:

а) пропагандировать Аэрофлот в Советском Союзе и за рубежом в своих стихах, песнях, выступлениях в советских и зарубежных органах массовой информации;

б) предоставлять ЦРИА исключительное право на издание его стихов и песен о гражданской авиации (без оплаты авторского гонорара);

в) участвовать в рекламных кино— и фотосъемках;

г) выступать в МГА, управлениях, республиканских и других производственных объединениях, предприятиях, учреждениях, организациях и учебных заведениях гражданской авиации.

ЦРИА же, со своей стороны, обязуется:

а) предоставлять автору и его жене Марине Влади 50 %-ную скидку с основного тарифа при полетах по внутренним и

международным линиям Аэрофлота».

«Автора и его жену», прежде всего, конечно, интересовали рейсы Москва — Париж — Москва. Тем более что за год до этого были удовлетворены заявления сначала Марины, а потом и Высоцкого в МВД СССР относительно получения разрешения на многократные поездки по данному маршруту. Поскольку в написании подобных челобитных они талантом не отличались, друзья помогли.

«… от гр-на Высоцкого В.С.

Я женат на гражданке Франции Де Полякофф Марине Влади — известной французской киноактрисе. Мы состоим в браке уже 7 лет. За это время я один раз в году выезжал к жене в гости по приглашению. Моя жена имеет возможность приезжать ко мне всегда. Ей в этом содействуют советские организации.

Приезжая ко мне, она отказывалась от работ и съемок, оставляла детей в интернатах, а когда была жива мать, то с матерью. Теперь положение изменилось. Моя жена должна много работать, и детей оставлять не с кем. Всякий раз, когда у нее трудное положение, естественно, необходимо мое присутствие у нее, а я должен и могу бывать у нее после длительного оформления и один раз в год (максимум два в году).

Я не хочу переезжать на постоянное жительство во Францию — этот вопрос окончательно решенный, а жена моя является, кроме всего, видным общественным деятелем — она президент общества Франция — СССР и приносит большую пользу обеим странам на этом посту…»

«Elles deux» — «Их двое»

— А что, *мадам* из Парижа приехали? — Любимов был вымотан после репетиции, но держался, как всегда, молодцом.

— Не знаю, Юрий Петрович, — отозвался художник Давид Боровский. — Кажется, Володя что-то такое говорил. Но я особо не прислушивался.

— Нет, вы обратили внимание, как он сегодня работал?! Выкладывался полностью, не спорил, не ерничал, был собран. Сегодня я Высоцким очень доволен. Только вы уж, Давид Львович, пожалуйста, ему мои слова не передавайте…

— Конечно, Юрий Петрович.

— А вы знаете, в чем секрет? Потому что он был свеж, здоров и не на похмелье. Может же он бросить, когда Марина приезжает! А так — что, не может?! Ерунда все это!

Боровский усмехнулся:

— Мне помнится, вы Марину как-то иначе использовали.

— То есть?

— Ну, когда мы готовили «Гамлета», у меня создалось впечатление, будто вы на репетициях Володю нарочно поддразнивали, задевали и так резко критиковали, когда в зале присутствовала Влади. И не только я это, кстати, заметил. Вот Алла мне тоже говорила, что вы тогда умышленно провоцировали Высоцкого при жене, чтобы растормошить в нем темперамент, злость и эмоциональность. Будете отрицать?

— Не буду! — Любимов махнул рукой. — А как иначе я мог тогда разбудить этого еще не родившегося «принца Датского»?.. Вот вы знаете, как Станиславский работал с Михаилом Чеховым? Тогда послушайте…

Действительно, случалось, Марину использовали и в качестве «неотложки», «Скорой помощи», «спасательного круга», когда Высоцкий оказывался не в форме. Ее разыскивали, звонил Сева Абдулов или кто-либо другой из особо доверенных людей — и она, как говорится, с поднятой ногой уже в аэропорту, а там хоть пой «Который раз лечу Москва — Одесса…». «Надо будет ему подсказать слова подправить», — накручивала себя злющая Марина, отвернувшись от всего мира к окну иллюминатора.

Поначалу к его алкогольным проблемам она относилась более-менее терпимо. Думала, что все это можно вылечить, что все это как-то само собой пройдет, что ситуацию можно контролировать. Ведь был же на самом деле такой эффект, подтверждал Дыховичный, Марина приезжала — и он прекращал пить.

Ее жизнь была подстроена под него.

Когда в Прибалтике под угрозой срыва оказались съемки фильма «Четвертый», Влади в пожарном порядке вызвали из Парижа. Она примчалась и принялась отпаивать, выхаживать, выручать его и, стало быть, всю киногруппу. Приводила его в норму известными только ей способами и средствами, а потом сообщала режиссеру, когда за ним можно присылать машину…

Но постепенно (люди пьющие весьма изобретательны) Владимир адаптировался и стал от нее бегать, скрываться… И Марина перестала приезжать каждый раз, когда он запивал. Просто звонила московским друзьям и говорила: «Сделайте что-нибудь. А когда он начнет „выходить“ — я приеду». И тогда жены и подруги близких людей брали над ним «шефство». Когда он пил, Марина просто видеть его не могла, презирала…

Во время одного из очередных Московских кинофестивалей буквально перед официальным приемом Высоцкий оказался, мягко говоря, далеко не в лучшем состоянии, и показываться на людях ему было противопоказано. Но появляться на приеме почетной гостье фестиваля в одиночестве было не к лицу Владимир призвал на выручку друга детства — Анатолия Утевского: «Толян, помогай. Тебе одному я могу доверить жену». В роскошном зале гостиницы «Россия» Марина, пряча глаза в букет цветов, чуть не плакала: «Я так хотела сегодня быть вместе с ним, быть в этом зале вдвоем с Володей, а он…»

Но затем начинались светлые, «сухие» периоды благополучия, покоя и небывалого творческого подъема. Испытывая вину и искреннее раскаяние, он в сумасшедшем темпе наверстывал упущенное, словно замаливая свои прошлые грехи. Марина вспоминала бабушкины рассказы о дедовых загулах, ее казавшиеся девчонке смешными сетования на несчастную женскую долю и наставления насчет креста, который следовало безропотно нести. И, следуя советам, прощала все свои обиды.

Марина спасала его, продлевала ему жизнь. Об этом в один голос говорили друзья: «Если бы не она, он ушел бы намного раньше. Мы-то знаем… Если бы не Марина, не любовь к ней, Володя мог бы давно покинуть этот свет… Благодаря этой любви замедлял временами сумасшедший темп жизни и, может быть, поэтому прожил больше лет, чем было написано ему на роду… Именно она, Марина, вселяла в него силы, стремления, желание петь и любить. Попросту говоря — жить!» — твердили они чуть не в унисон.

Она сразу поверила в гемосорбцию — новейший метод внепочечной очистки крови, хотя некоторые медики отговаривали, считая, что это слишком сильный удар по сердцу.

«Но она же железная, — сочувствовал своему другу Эдуард Володарский, — солдат, а не баба».

Однажды Марина чуть ли не силой потащила Высоцкого к прибывшему в Париж наставнику далай-ламы — нет, бесполезно, нулевой эффект. А после совместного с Владимиром «культпохода» к модному психоаналитику вернулась домой вся в слезах. Позвонила Одиль, нажаловалась: «Представляешь, этот псих, побеседовав с Володей, заявил мне: „Мадам, перспективы вашего альянса довольно мрачны. В представлениях вашего мужа вы являете собой огромную черную тучу“. Какой идиот!!. Сказал, что я „туча“! Ну, скажи, какая же я туча?!.»

Кто-то из доброхотов от чистого сердца порекомендовал радикальный метод: «Он пьет — и ты пей, авось одумается… Попробуй».

Но Марина просто не понимала, как себя надо с ним вести, был уверен Юнгвальд-Хилькевич. Настаивала, чтобы он не пил, убеждала его, но в доме постоянно была водка. Это для Марины, которая всегда пила-то по чуть-чуть… Вот-вот, подпевал одесскому режиссеру его польский коллега Ежи Гофман: она же на глазах Высоцкого пила водку из стакана, выжимая туда лимон! А Шемякин, роняя скупую слезу, говорил жене: «Знаешь, мне кажется, Марина спивается… Сидиту телефона, ждет его звонка и с тоски — по чуть-чуть, по чуть-чуть… Поверь, уж я-то знаю, как это бывает…» Только Иван Дыховишня стоял на своем: «Марина удар спиртовой держала лучше многих мужиков…»

Вынужденно следя за фармакологическими новинками, Марина привозила из-за рубежа самые эффективные медицинские препараты, в том числе средство кодировки «Эспераль». Чуть ли не силой заставляла Владимира «зашиваться»:

— Ты боишься, да? Ладно, смотри. Доктор, начинайте с меня.

Но все равно продолжение следовало.

На завершающем этапе съемок «Сказа про то, как царь Петр арапа женил» Высоцкий, долгое время работавший без срывов, все чаще подходил к Митте и просил: «Саша, скорее. Снимай меня быстрее, снимай меня быстрее, я скоро не выдержу». И буквально на последних днях съемок он все-таки сорвался. Прилетела Марина, в очередной раз отвезла его в больницу Склифосовского, где работали надежные, испытанные врачи, а вернувшись, учинила Александру Наумовичу форменный допрос: «Что случилось? Как это все произошло? Володарский опять несет какой-то бред…»

Митта с грехом пополам пытался объяснить: «Марина, ну ты же знаешь, как Володя все воспринимает… близко к сердцу. В нем накапливается негатив, вся эта грязь… Ему нужно снимать стресс,

который в нем оседает. Я его совсем не оправдываю. Но когда он начинает пить, выясняется, что он помнит все — каждую мельчайшую обиду, каждое вскользь брошенное неосторожное слово, каждую попытку его унизить. Пойми, в нем все это откладывается зарубками. А потом вырывается, ему нужно весь этот негатив выплеснуть из себя, чтобы очиститься, чтобы жить дальше, чтобы работать, писать…»

— Да-да, конечно, — кивнула Марина, но лицо ее оставалось безжизненным. — Я все понимаю… Я должна… Девятнадцать раз я возила его в реанимацию. Все. Сегодняшний — это последний…

Но оказалось, не последний. Свои московские исчезновения Высоцкий уже стал практиковать и в Париже. «Я знаю, как ей приходилось трудно, — говорил Ольбрыхский о своей „сестричке“. — Володя, приезжая в Париж, случалось, пропадал с Мишей Шемякиным — и хорошо еще, если только дня на три…»

Во время гастролей «Таганки» осенью 1977 года в Марселе Высоцкий резко «ушел в пике». Любимов вместе с Боровским искали несчастного Гамлета всю ночь напролет по всем русским кабакам, потом по портовым. Нашли на рассвете. Вечером Высоцкий должен был выйти на сцену. Юрий Петрович позвонил Марина в Париж, и она тут же примчалась.

«Он спал под снотворным до вечернего „Гамлета“, — вспоминала Алла Демидова, — а мы репетировали вариант на случай, если Высоцкий не сможет выйти на сцену… Так гениально он не играл никогда — ни до, ни после… Это уже было состояние не „вдоль обрыва, по-над пропастью“, а — по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен как полотно. В интервалах между своими сценами прибегал в мою гримерную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это. Володя тогда мог умереть каждую секунду. Это знали мы. Это знала его жена. Это знал он сам — и выходил на сцену… Иначе Высоцкий не был бы Высоцким».

Но самым большим несчастьем в жизни Марины стало то, что, кроме пристрастия к алкоголю, он начал страдать еще и наркоманией. «Шприцы она обнаружила у него случайно в кармане, когда он „отключился“ после выпитого, — признался Шемякин, — и это, конечно, был страшный день в ее жизни. Она поняла, что это конец, потому что соединение наркотиков с алкоголем приблизило его кончину… В свое время это трижды проклятое зелье едва не отобрало у нее старшего сына, Игоря».

Когда во время свидания в Венеции Высоцкий наконец согласился с тем, что у него не хватает сил, чтобы остановиться, Марина чуть не столкнула его в воду. Потом, немного успокоившись, сказала:

— Ну, вот что, Володя. Из этого мало кто выскакивал, но ты — все же человек сильный. Давай решим так: или ты мне даешь слово, что все это прекратится, или мы с тобой расстаемся навсегда…

Потом, уже во Франции, когда Марине ее друзья (и московские, и парижские), видя ее состояние, близкое к истерике, безумный страх окончательно потерять любимого, советовали запереть Высоцкого в специализированной клинике, в тот самый Шерантон, она долго не могла пойти на это: «Потому что он был все-таки свободная птица. И его свобода для меня, как моя свобода, была дороже всего. И я не решилась на это… Никто не может сказать, что было бы. Я не знаю, если бы он пережил такое enfermement… чтобы заперли его… Я думаю, что он не прожил бы больше… Я не решилась… Свобода для меня самое… sacré, самое святое…»

В одном из последних своих писем он писал:

«Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то что я сейчас нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде. Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и невольным. Главное — я хочу, *чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты — единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз — я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо. Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо.*

Тв. В. Высоцкий»

«А ты… одна ты виновата в рожденьи собственных детей»

— Не знаю, не знаю, мой милый. Ничего не знаю. Ну, поезжай с богом. Нет, постой… еще минуточку… Наклони ко мне ухо… Знаешь, о чем я жалею? — зашептала она, прикасаясь губами к моей щеке. — О том, что у меня нет от тебя ребеночка… Ах, как я была бы рада этому!

А. Куприн — «Олеся»

…На Ваганьковом, стоя у открытого гроба и не в силах отвести глаз от лица покойного мужа, Марина чуть слышно произнесла, ни к кому не обращаясь, в пустоту: «Как жаль, что у нас с ним не было общих детей…» Но тут же, словно очнувшись, коснулась руки Пьера, который был рядом. «Что, мам?» — вглядом спросил сын. «Ничего», — тоже глазами ответила она, мимоходом отметив, что сегодня Петька, слава богу, держится нормально, не как тогда, 25-го, когда они прилетели, и вечером ему пришлось вызывать «неотложку».

Десять лет назад, да, почти десять, дамочка из московского районного загса, внимательно изучая документы, ее и Володи, судя по всему, вела в уме свои нехитрые арифметические подсчеты: ишь ты, на двоих четыре брака, пятеро сыновей. Ну, молодцы…

Хотя кто знает, может быть, эта чиновница вовсе не осуждала их, а просто завидовала?..

Еще девушкой, думая о замужестве, Марина мечтала о том, что у нее как минимум будет шестеро детей.

Впервые она привезла своих мальчишек в Москву, когда была занята на съемках «Сюжета для небольшого рассказа». Друзья определили их в пионерский лагерь «Орленок». С первого момента знакомства ее сыновей с Высоцким между ними установились самые теплые отношения. «Они тогда были маленькие и тянулись к Володе, как крошечные зверечки, — вспоминала Марина, — ластясь и получая в ответ нежность и ласку, доброту и сердечность. Он не был им отцом по крови, но они, может быть, даже сильнее, чем можно любить отца, любили

его — как друга, как своего парня, как брата… Он открыл им Россию. Если бы не он, им, может быть, никогда бы и не довелось ее увидеть… Володино влияние было колоссальным. Мои сыновья обожали его, если не сказать — боготворили…»

Самым живым и непосредственным в выражении своих эмоций был, конечно, младшенький — Володька. Он сразу же загорелся пылкой дружбой к своему старшему тезке, от него только и было слышно: «Володя… Володя…» А вот отношения Высоцкого с Игорем и Петром скорее напоминали заговорщические, они все больше секретничали, о чем-то своем, тайном, договаривались, спрашивали взрослого совета.

Поначалу, приезжая в Москву, Марина нередко оставляла сыновей на попечение Лили Митты, благо художница работала в основном в домашней мастерской. «Этих маленьких бандитов (прекрасные дети, но очень самостоятельные), — смеясь, вспоминал Александр Митта, — она привозила утром, потом моталась по городу и возвращалась вечером. Детей укладывали в маленькой комнате вместе с нашим сыном Женей или забирали, если они были подъемные… Володька — абсолютная ртуть, чистый бесенок, который переворачивал все, что было возможно, в доме и тут же засыпал. Считалось, что так и надо — мы не реагировали…»

Марина как-то выпустила его на улицу, чтобы Вовка в общении со сверстниками быстрее постигал премудрости русского разговорного языка. Через два дня все дворовые мальчишки заговорили по-французски. Он оказался лучшим учителем, чем они. Даже свое уличное прозвище он получил на французский манер — «Сава». Стоя под окнами, приятели кричали: «Эй, Сава, когда выйдешь на улицу? Давай!» А Володька-Вольдемар, перевалившись черед подоконник, жизнерадостно приветствовал своих новых друзей: «Comment ça vas?!» — «Как дела?!»

«Ему было шесть лет, — рассказывал Иван Дыховичный, — и он назначал моей жене тайные свидания. Он ей говорил по-французски: „Жду тебя в пять часов“. А про меня презрительно спрашивал: „И что ты в нем только нашла?..“»

Высоцкий очень трогательно относился к детям Марины, замечали друзья, переживал за них, любил, с радостью встречал, когда они прилетали в Москву. У него отсутствовало чувство безразличия, равнодушия — мол, чужие дети… Однажды Марина приехала в Москву с Володькой, который буквально накануне поездки сломал руку. Оставить дома его было не с кем, а не ехать в Союз, когда обо всем уже было условлено и договорено, тоже невозможно. Рискнула, взяла сына с собой. Поначалу все шло

благополучно, он нормально перенес перелет, но через день-другой стал плакать, жаловаться на сильные боли.

Была поднята на ноги вся московская медицина. Высоцкий договорился со старым «другом „Таганки“, добрым доктором Баделяном, и привел мальчишку в свою клинику. Выяснилось, что со спицами, вставленными в кость французским хирургом-мясником, была занесена инфекция. Мнение врачей было однозначно: мальчика надо срочно класть в стационар. Марина в ужасе: она впервые видит своего жизнерадостного, неугомонного сына растерянным и нахохленным, в окружении десятка чужих, посторонних людей.

Высоцкий куда-то исчезает, но через пять минут уже возвращается, улыбаясь: все в порядке, договорился с заведующим отделением, Володьку определяют в отдельную палату. Он успокаивает Марину: „Не волнуйся. Теперь мы сможем посменно дежурить возле него. А сейчас подожди немножко, побудь еще с Вовкой, а я тут — на полчасика“. Он уходит и дает небольшой концерт для медсестер, врачей и всех больных.

Маленький Володька гордился своим взрослым тезкой. Постепенно он акклиматизируется здесь, и однажды, вспоминала Марина, оставляя его в слезах, мы буквально через несколько минут видим, как он организует футбольный матч в больничном коридоре, изо всех сил лупит по резиновым игрушкам, приводя в восторг недавно прооперированных малышей, которые прямо с капельницами выползают из палат посмотреть на этот удивительный матч… „Давай, Сава! — кричат ему больные юные болельщики. — Гол!“ — „Comment ça vas?“ — откликается он.

Марина видела: Высоцкому маленький тезка ужасно нравился, чувствовал живую, родственную душу. Владимир с любовью отзывался о нем: „Белокурый дьяволенок с благими намерениями: и нам понравиться, и оставаться пай-мальчиком. Но последнее не получается…“

На взрослых средний сын Марины, Пьер-Петя-Петька, производил ровное впечатление: мягкий парень, немного флегматичный, себе на уме, только и знает, что играет на гитаре, и ни до кого ему нет дела… Позже он всерьез увлекся музыкой. Высоцкий к его занятиям относился уважительно, хотя играл подросток еще очень по-школьному. Когда — „как коллега коллеге“ — он подарил Петру гитару, тот неожиданно ужасно смутился. А потом они вместе долго обсуждали возможности получения музыкального образования в Москве. Владимир видел и понимал: Петьке — „и хочется, и колется“.

Позже по классу гитары Пьер Оссейн окончил Парижскую консерваторию. Но не забывал и другие струнные, время от

времени выступая с диковинным для Франции музыкальным инструментом — балалайкой. Но так, ради экзотики, гитара по-прежнему оставалась для него на первом месте. В 1977-м Петр вместе с Костей Казанским и контрабасистом Альбертом Тэссье даже аккомпанировал Высоцкому во время его концертов в L» Elysée Montmartre. Марина была в восторге. В 18 лет он дебютировал в кино, сыграв в странном фильме «Любовник мадам Мегрэ». Мама сдержанно похвалила, слава богу, избегая профессиональных оценок. Потом добрый дядя Говорухин занял его в малюсеньком эпизоде в фильме «Место встречи изменить нельзя». Молодого актера, конечно, не заметили, но вот на фамилию в титрах — «Пьер Оссейн» — внимание обратили. Кроме того, он принимал участие в некоторых театральных постановках и своего отца, потом другого режиссера — Бруно Спейссера.

Только вот с первенцем, Игорем, дела обстояли гораздо сложнее. Многим знакомым он всегда казался нелюдимым, замкнутым, оживавшим только при общении с Высоцким. Все замечали, что в Володе он души не чает, постоянно обращается к нему, вдвоем они что-то оживленно обсуждают, планируют.

Но Марина чувствовала, что Игорь с каждым годом все дальше и дальше отдаляется от нее, от дома, витает в каких-то своих, неведомых мирах, которые пытался изобразить на холстах. Конечно, понимала она, сын нуждался в нормальном мужском общении, совете небезразличного человека. Робер Оссейн, к которому она обращалась со своими тревогами по поводу Игоря, лишь пожимал плечами: «Марина, парень ищет себя. Это естественно в его возрасте… Я видел его картины, по-моему, весьма неплохо. Бросил? Жаль, но, может быть, когда-нибудь он еще вернется к живописи… Кстати, не вижу ничего дурного в том, что Игорь увлекся восточной философией, эзотерикой. Там немало интересного… Что касается сцены, то она его не влечет. Ты же знаешь, я не раз приглашал его работать со мной… Вроде бы получалось, но так, с ленцой, без всякого энтузиазма. Может, ты его в кино сосватаешь?..»

В 1972-м Игорь сбежал из дома. Потом, через несколько дней, когда его уже начала разыскивать полиция, он все-таки позвонил матери: «Не беспокойся, я проживу без тебя». Обосновался у каких-то своих хиппи. Позже вернулся, но страшно маялся, изводя всех домочадцев.

После долгого и трудного разговора с Игорем Владимир посоветовал: «Отпустила бы ты его на волю, Марин. Он совсем уже тут истерзался. Ни ему, ни тебе покоя нет. И не будет. Пусть идет себе на природу или куда он там хочет. Попробует свои

силы, пооботрется. Не насилуй его. Игорь, должно быть, из породы самоотверженных приближенных, но не вожаков, я ведь вижу. Очень увлекается людьми, легко поддается чужому влиянию, но, к сожалению, именно тех, кто потакает его слабостям. Думаю, дружба его с двоюродным братом до добра не доведет…»

Она послушалась совета. Игорь отправился восвояси, как и хотел, на все четыре стороны. Путешествовал и по Испании, и по Англии, потом пустился в странствия по Франции в компании все тех же друзей-хиппи. И где закончились эти путешествия? В замке Шерантон! Самой известной во Франции клинике для душевнобольных. Не приняла природа Игоря с кузеном Алексом, испугала и отторгла, и заменили ее ребята марихуаной да ЛСД.

Еще по дороге в Шерантон Владимир предупредил Марину: «Говорить с врачами буду я. Ты раздергаешься, наговоришь им всякого. Ладно? А я эту публику в белых халатах знаю, им бы первопричину назвать. А тут ты рядом. Стало быть, и искать никого больше не надо. Знаешь, что они определят? „Отсутствие должной материнской любви и заботы“. Обижала дитятко, стало быть, тепла недодавала, притесняла всячески и измывалась. Вот вам — и сдвиг, естественное чувство протеста».

Высоцкий оказался прав. Битых три часа они мусолили с врачами одно и то же: неполная семья — это всегда беда, проблемы. Вы, мадам, живете в своем мире, мы понимаем… Потом намеки на славу, популярность, деньги, когда весь мир в кармане, но рядом эгоизм и равнодушие к судьбе детей вообще и своего чада в частности… Она едва сдерживалась и уже готова была нахамить, но Володя успокаивал, и она старалась все же общаться с этими медицинскими светилами максимально корректно. Какое им дело до того, что у нее внутри?

В конце концов сошлись в одном: Игорю нужен покой, полный покой, отсутствие любых поводов для волнений. Этим врачам, как показалось Марине, тоже был необходим покой, то есть избавление от беспокойного пациента. Какие могут быть варианты? Уговорить отца взять к себе Игоря и контролировать его поведение? Вряд ли это реально, а кроме того, подобное не устраивало саму Марину. Значит, необходимо уговорить Игоря вернуться домой, но только после полного завершения курса лечения.

Когда они пришли к нему в палату, он сидел на кровати, был бледен и безучастен ко всему вокруг, с остановившимся взглядом.

— Тебе чего-нибудь хочется, Игорь? Мы могли бы с Володей завтра привезти…

В ответ какой-то странный лепет: да, хочется. Хочу в Африку,

хочу жить с вами, но непременно с Алексом. Работать тоже хочу, чтобы потом поехать в Африку…

Подходя к машине, Высоцкий первым делом отобрал ключи: «Я сам поведу». В дороге сперва долго молчали. Потом Владимир заговорил: не понимаю, как ты все это выдерживаешь и как будешь выдерживать дальше — не понимаю. Но положение безвыходное. Созерцать, как парень гибнет, нельзя. А он-то ведь хочет гибнуть.

Дома весь остаток дня провели в печали, ужасе и страхе…

* * *

Марина никогда не считала Володиных сыновей чужими для себя. Во всяком случае, на первых порах. Тем более она видела: «Ты и сам мучаешься от всего этого… Мои трое мальчиков приезжают к нам на каникулы, ты их очень любишь, но жалеешь, наверное, что твои собственные дети не с нами…» Но ее неоднократные попытки к сближению неизменно находили холодный отпор со стороны Аркадия и Никиты.

Ну, хорошо, не желаете общаться с моей женой, говорил Высоцкий сыновьям, но что мешает вам встретиться с ее детьми, они — хорошие мальчишки, вам вместе могло бы быть интересно. Помогли бы французам адаптироваться в Москве… «Он как-то привел Володю, Мариниого младшего сына (он как раз между нами — Аркаша 62-го года, а я 64-го, он — 63-го — и мы были совсем молодые), — вспоминал Никита Абрамов (он носил тогда фамилию матери), — говорит: „Отведите его на каток“. Катался на коньках я, Аркадий — не очень, а я так прилично. Я уходил на тренировку и говорю: „Вот, Аркаша пойдет“…»

Бабушке, Нине Максимовне Высоцкой, тоже не удавалось наладить отношения. «Она трепетно относилась к традициям семьи, — рассказывал Никита, — старалась их поддерживать. Даже хотела подружить нас с Мариной Влади. Но не получилось. А отец и не настаивал. Раза два-три мы общались с ней, пока он был жив. Несколько раз по телефону после смерти, и все. Запретного для нас с братом в их отношениях ничего не было. Просто не сложилось. Он, думаю, просто увидел, что мы к этому не готовы… Марина — главный персонаж его жизни, она сыграла большую роль, много для него сделала. Он ее любил. Благодаря ей он много ездил по миру, общался с интересными людьми…»

Хотя доброхоты усердно нашептывали Марине: в том, что «не получилось», во многом виновата мать Аркадия и Никиты, Людмила Абрамова, которая в какой-то момент вообще лишила

отца права общения с сыновьями. «Володины дети сами вообще не очень к нему тянулись, — говорил Валерий Янклович, который по поручению Высоцкого регулярно отвозил в семью конверты с деньгами. — Только в последние полгода как-то потеплели. Стали приходить на спектакли, домой…»

В конце концов злым языкам удалось утвердить Влади в мысли, которая ее уже не отпускала: «Рождение двух сыновей, навязанное хитростями твоей жены, которая сообщила тебе об этом, когда уже поздно было что-либо предпринимать, привело тебя в отчаяние… Семья твоей бывшей жены долгие годы внушала тебе, что нервная болезнь, которой тогда страдал твой старший сын, есть следствие твоего алкоголизма…»

Последнее было главным препятствием в осуществлении их собственной мечты об общем ребенке. Но все же не единственной причиной. После долгих и мучительных размышлений Марина решилась сказать Высоцкому, что никогда не согласится родить ребенка — заложника их жизни. Она убеждала: наше положение, и без того трудное, станет невыносимым, если нас объединит еще и ребенок. Он станет не связующим звеном, а огромной помехой. В нем сконцентрировались бы все противоречия каждого из них. Дитя Востока и Запада — сын или дочь — никогда не смогло бы определить, где его корни.

Хотя втайне она продолжала мечтать о дочери: «Я жалею, что у меня нет хотя бы одной дочери. Каждая из моих сестер имела девочку. Сыновья — это всегда дети. А дочь… Есть, конечно, моменты тяжелые, как и со всеми детьми. Но когда девушке уже двадцать два или двадцать пять, то есть когда она уже становится женщиной и у нее есть свои любовные дела, тогда она делается подругой матери… От чего бы я ее предостерегла, что бы посоветовала? Всегда хранить свою свободу…»

Когда все было кончено и Владимир упокоился на Ваганьковом, чуть не во время поминок одна из таганских дамочек, уведя Марину на кухню, доверительно сообщила, что у Высоцкого где-то растет дочь. Марина тихо вздохнула, пожала плечами и обреченно произнесла: «Если это правда, пусть уж девочка носит его фамилию…»

Влади неизменно подчеркивала, что получила русское воспитание. Я не жесткая французская каменная женщина, баба. Я, как все, страдаю, хочу плакать и очень часто могу даже прослезиться, когда не в силах терпеть. Но не позволяю себе показывать движения души. Это никого не касается… Суть в том, что не следует ничего выносить на люди, опускать руки, страдать на глазах у всех.

Ее самообладанием, мужеством восхищались. Когда на

Марину разом навалились проблемы — и прогрессирующая болезнь Одиль, и усугубляющиеся Володины беды, и бесконечные волнения из-за Игоря, — она все равно продолжала улыбаться. Мы вместе обедали в ресторане, вспоминала Алла Демидова, и она сияла как ни в чем не бывало.

— Марина, с какой стати?

— Знаешь, это только вы, советские, несете свое горе перед собой, как золотой горшок. Но если идешь в ресторан — надо веселиться. Во всяком случае, не подавать вида, что тебе плохо. Нужно соответствовать предлагаемым обстоятельствам…

Это — светскость, поняла Демидова. Действительно, на самом деле никому нет дела до того, что у тебя творится на душе… Но если ты общаешься с людьми, сидишь в ресторане, то должен соответствовать этому обществу или не ходить никуда, сидеть дома.

Маринка! Слушай,
милая Маринка!
Кровиночка моя
и половинка!
Ведь если разорвать,
то — рупь за сто! —
Вторая будет совершать не то…

Первые, совсем еще робкие претензии к Марине Влади (в ее отсутствие) сыновья Высоцкого высказали еще на «девятинах» памяти отца. И даже не к Марине. А к собравшимся на печальную тризну взрослым людям, которые, рассыпаясь в комплиментах вдове, не вымолвили ни одного доброго слова в адрес их матери. Старший сын, Аркадий, встав, сказал тихо и проникновенно: «Конечно, папа Марину очень любил. Марина очень любила папу. Но тут никто еще не говорил — ни в первый день, ни сегодня — про нашу маму. Хотя наша мама не „открыла ему мир“ и не возила его по заграницам. Она — простой человек. Но она очень его любила. Тоже. И до сих пор его очень любит. И он ее очень любил. И поэтому странно, что друзья старые, которые и его, и ее знали очень давно, никто ничего не сказал. Хочу, чтобы за маму тоже выпили…»

Собравшиеся за поминальным столом взрослые дяди и тети несколько смешались, горестно поохали, как бы соглашаясь со своей промашкой, попытались утешить, а мудрая Елочка Абдулова заметила: «Я думаю, что очень многое еще не сказано…»

Ребенку, о котором мечтала Марина с Высоцким, в июле 1980

года исполнилось бы от одиннадцати лет до года.

«В гости к Богу не бывает опозданий…»

Тузенбах. Надо идти, уже пора… Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни, так или иначе. Прощай, моя милая…

А.П. Чехов — «Три сестры»

— Господи! Только бы Володька не умер… Хоть бы он не умер, — как заклинание, шепотом повторяла Марина, глядя на лицо Одиль, которой уже никто не в силах был помочь. В больнице она не отходила от сестры.

Последнюю ночь они провели вместе, лежали рядышком на одной кровати. «Знать бы, — думала Марина, — как отобрать на себя хотя бы часть той боли, которая терзает родного человека?» Когда восемь лет назад Тане-Одиль поставили страшный диагноз — рак крови, — она не сдалась, мужественно переносила мучительные процедуры, пыталась отогнать от себя зависший злой рок. С трудом передвигаясь на костылях, все равно находила в себе силы появляться в театре, даже пыталась работать.

А как замечательно начиналась жизнь! Очень рано стала сниматься, контракты следовали один за другим — Франция, Италия, Англия, вся Европа у ее ног. Потом этот поспешный и не совсем удачный брак с актером Жаком Дакмином. Вспоминая, Марина чуть не ущипнула себя: а разве я сама не спешила? Потом, когда Таня после длительного периода зарубежных съемок вернулась в Париж, в ее жизни появился этот граф Франсуа Поццо ди Борго, который стал отцом четверых детей Одиль — Барбары, Карла-Андре, Алекса-Александра (проклятье семьи!) и Ванины. Рак настиг Одиль, едва ей исполнилось всего сорок два.

Бедная девочка….

Высоцкий на похороны не прилетел. Марина решила, что он просто боялся показаться ей на глаза. Но он уже летел навстречу своей гибели.

* * *

О смерти мужа Марина узнала банально — по телефону: «Мне позвонили в пять утра… и сообщили. Это такой шок, такой ужас. Я была как бы не в себе… Как будто я снимаюсь в каком-то страшном кино… как будто это не я… как будто это не он…»

Позвонить в Париж отважился только Всеволод Абдулов.

«В консульство рано утром пришла Марина Влади, заплаканная, перепуганная, — вспоминал дипломат Вадим Мельников. — Попросила срочную визу в Москву. Хоронить Володю. Визу приготовили действительно быстро, но возникла… ситуация. Никто в консульстве не знал отчества Володи Высоцкого. Он ведь был … просто Володей».

В Шереметьево 26 июля Марину с Пьером встречали Янклович и Бабек Серуш. Привезли на Малую Грузинскую, завели в комнату, где лежал Высоцкий. Оставили их наедине на целый час. Это был момент не окончания любви, а крах воплощенной мечты. Ее и его.

Потом, когда в доме началось настоящее столпотворение, суета и неразбериха, она полностью взяла себя в руки, попросила накрыть стол на кухне. Каждому, кто приходил, находила какие-то добрые слова. «Когда я приехала… просто не узнала Марину, — рассказывала Юлия Абдулова. — Вместо лица был плохо пропеченный блин». Но все равно, все равно…

Обняла Кирилла Ласкари, примчавшегося из Ленинграда: «Ты знаешь, Кириль… Володя говорил, что никогда ему не было так хорошо и спокойно, как у тебя».

Многих просила, чтобы написали что-нибудь о Володе. Все, конечно, обещали…

— А это кто? — Марина мельком взглянула на какую-то заплаканную блондиночку лет двадцати, которая сомнамбулически раскачивалась, стоя у зашторенного окна.

— Кто? Это? Э-э-э, это сестра, — нашелся Абдулов, — сестра Валеры Янковича.

— А-а…

Ближе к вечеру Марина перебирала вещи Высоцкого, его рукописи, искала свои письма к нему и не находила. Потом кто-то заговорил о том, что нужно снять посмертную маску. Такова традиция, так всегда поступали с выдающимися личностями. Ведь смерть открывает истинное лицо человека. На этих масках как будто навечно застывает последняя, а значит, самая искренняя эмоция умершего. Это — словно документ, выданный самой смертью.

Юрий Петрович Любимов тут же спохватился: «Я знаю, кто сможет это сделать. Юра Васильев! Он снимал посмертную маску Назыма Хикмета, еще кого-то. Сейчас я ему позвоню…»

Как ей не хотелось вспоминать предсказание Высоцкого, описывавшего собственные похороны!

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи…

На Малую Грузинскую Васильев приехал вместе с сыном, начинающим художником. Марина впустила их в квартиру, проводила в комнату. Предложила помощь: «Я же в юности занималась скульптурой». Хорошо, согласился мастер скорбного ремесла, пока я разведу гипс, смажьте Володино лицо вазелином. Потом Васильев делал слепок, что-то шепча. Марине кажется, что он молится. Может, так и было.

Васильев свято верил и убеждал других, что «посмертные маски имеют свойство жить, реагировать. Будем ругаться — она будет хмуриться. Будем радоваться — она будет улыбаться… Маски имеют обыкновение вмешиваться в нашу жизнь. Посмертная маска может реагировать на происходящее. Даже на настроение окружающих. Я много их снимал. Видел…»

Слава богу, все самые маетные, кажущиеся пустыми, но все же необходимые организационные хлопоты взяли на себя самые преданные люди. Юрий Любимов ругался по телефону по поводу проведения похорон и траурной панихиды с тогдашним «хозяином» Москвы Виктором Гришиным, искал выход на всесильного шефа КГБ Юрия Андропова. Иосиф Кобзон через Моссовет договаривался насчет места на Ваганьковском кладбище.

Сама Марина кротко позвонила в дверь соседу по дому. Володя их как-то знакомил: Теодор Гладков, писатель.

— Простите, нужно ваше участие.

— Ради бога, конечно!

— Мне сказали, что вы можете мне помочь. Надо составить письмо Брежневу.

— ?!!

Марина, как сумела, путаясь, объяснила ситуацию, о которой ей еще вчера толковали друзья на кухне. Проблема заключалась в том, что, по закону, после смерти владельца квартиру следовало сдать обратно в кооператив. Друзья советовали: пиши прямо Брежневу, но не как жена, прости, вдова, а как член Общества советско-французской дружбы, проси, чтобы жилье передали Нине Максимовне, которая ютится где-то в Черемушках. А вот сосед Теодор, он — писатель, он должен знать, как составляются такие бумаги… Каких только еще идей не возникало тогда в

воспаленных головах, вплоть до поспешного сокрытия архива…

Гладков немало удивился просьбе — в таком жанре он еще не работал, но кое-как отстукал на пишущей машинке пространное послание на имя Генерального секретаря ЦК КПСС, надеясь, что за это ему ничего не будет. Потом Марина позвонила Виктору Суходреву,[34] с которым они не раз встречались в дружеских компаниях.

— Виктор, нужно поговорить.

«Я пришел уже к концу поминок, — рассказывал Виктор Михайлович. — Марина утащила меня в Володин кабинет. Помню, что мне туда даже какую-то закуску принесли… водка там стояла. Марина показала мне свое письмо к Брежневу и попросила помочь как-то поправить, сделать его лучше, одним словом… Письмо действительно было составлено неумело — и стилистически, и по сути дела.

Я стал делать замечания, подсказывать, что именно в нем надо изменить, чтобы письмо звучало как чисто личное (именно от Марины, а не от „группы товарищей“), чтобы оно было эмоциональным, но без каких-то „расплывчатостей“. Нужно было конкретно поставить вопрос, чтобы эта квартира сохранилась как (возможно, в будущем) квартира-музей или „памятная“ квартира Высоцкого. Замечаний у меня было много, и в какой-то момент Марина спросила:

— Может быть, ты сам и напишешь это письмо?

— Марина, оно должно быть написано твоей рукой. Каким бы оно ни было, но — твоей рукой.

Мы основательно переделали текст. Марина переписала письмо заново. Я позвонил Александрову-Агентову, помощнику Брежнева, потому что мало ли какое отношение к этому будет наверху, а мне очень не хотелось бы… взять письмо, которое я не смог бы по назначению передать. Он ответил: „Берите“. На следующий день утром через курьера фельдсвязи я это письмо отправил в секретариат Брежнева. Через какое-то время после очередной деловой встречи у Брежнева Андрей Михайлович мне сказал:

— Кстати, это письмо от Марины Влади, которое вы мне тогда переслали… Вы знаете, я его Леониду Ильичу даже не показывал. В этом не было необходимости, я просто позвонил в Моссовет, переслал его туда — и вопрос решился очень быстро, можно сказать, в одночасье…»

Но еще предстояло пережить самое страшное — похороны, поминки… И вообще, как жить дальше? И зачем?..

А накануне среди родни и приживалок Высоцких зашелестел шепоток, будто Марина вознамерилась увезти с собой, во

Францию… сердце Владимира. Они принялись контролировать каждый ее шаг, следовали буквально по пятам, не отступая ни на минуту.

Да, такая мысль в какой-то миг у Марины действительно мелькнула. И так, в порядке бреда, даже переговорила со знакомым фельдшером… Но потом остыла. Организаторам похорон удалось «похоронить» и эту Маринину мечту.

Последнюю ночь она провела в комнате рядом с Владимиром.

То, что творилось в Москве в те дни, известно. Олимпиада, множество гостей — и вдруг смерть Поэта. Позже Марина скажет, что видела множество похорон королей и принцев, но такого — никогда в жизни. Прощание с Высоцким объединило тысячи людей…

Пришли все. Не «вся Москва», а именно *все*, потому что он пел для всех про то, что они чувствовали, думали, но не умели или не могли сказать вслух. Их было так много, что охраняли другие тысячи людей в форменных рубашках с погонами. Хорошо, что последних было много. Иначе маленькому зданию, где Он лежал, пришел бы конец, началась бы Ходынка… Грузовики с камнями и мешками с песком, как разумно расставленные плотины, устойчиво перегородили близлежащие улицы и заставили море войти в строго очерченные берега. Из потока образовалась людская река…

Она начиналась от Котельнической набережной и медленно текла к «Таганке», где на сцене в последний раз находился Поэт и Гамлет. В зале сидели родственники, друзья, коллеги, знакомые. А он смотрел на них с портрета. Из динамиков тихо неслось, обволакивая: «С миром отпущаеши…»

К ваганьковским воротам кортеж подъезжал очень осторожно. Дмитрий Чижиков через свой фотообъектив имел возможность, не привлекая к себе внимания, рассмотреть Маринино лицо, попытаться представить себе ее душевное состояние: «Неожиданно я понял, что эта женщина, оказавшаяся в сложнейшей и драматической ситуации, совсем не растеряна. В безмерном своем горе она предельно собранна, сосредоточенна, словно уже приняла — на четвертые сутки трагедии — какие-то глубоко продуманные, может быть, пока скрываемые от посторонних, решения — как же ей жить дальше…»

После похорон Фарида Володарская, уже не в силах сдерживать себя, решила «просветить» Марину и сообщила, что у ее дорогого Володеньки в последнее время была «одна молодая девка, которая везде-везде постоянно его сопровождала».

— Когда тебя не было, он ее, сучку, даже к нам на дачу привозил, представляешь? Да и тут она не раз ночевала, в твоей

спаленке!

С каменным лицом Марина произнесла: «Je vous prie, pardonnez-moi, Marie, mais vous avez des maniéres un peu grossières».

— Что-что? — не поняла Фарида.

— Это цитата. Чехов. «Три сестры»: «Прошу извинить меня, Мари, но у вас несколько грубые манеры».

Фарида даже задохнулась от праведного возмущения:

— А без Чехова ты не можешь? Он что, тебя преследует?!

— Скорее я иду за ним, — кротко улыбнулась Марина. — Все время ищу связь…

Она вернулась в комнату и отозвала в сторону Янкловича:

— Давай-ка, Валера, я хочу познакомиться с твоей «сестрой».

— Марина, ну чего теперь-то? Володи уже нет в живых… — пытался урезонить ее Янклович.

«И вот тут она себя показала истинно русской бабой, — рассказывал он потом, — всех начала пытать, расспрашивать. А мне в гневе высказала: „Как вы посмели, зная об этом, выставить меня в таком свете?“ Она была уверена, что, кроме нее, у Володи никого не могло быть. Нет, ей было понятно, что у него может быть интрижка случайная — ведь она сама актриса и понимала, что у актера может что-то такое произойти. Но чтобы что-то серьезное — это у нее даже не укладывалось в голове…»

На следующий день Марина позвонила Вадиму Туманову, который в последние годы был самым близким и авторитетным для Высоцкого человеком, попросила приехать на Малую Грузинскую:

— Вадим, есть разговор.

Дома за столом сидели Эдуард Володарский с женой, Макаров, Янклович, Сева Абдулов, кто-то еще, человек девять-десять.

— Вадим, я считала тебя своим другом, а ты молчал, что у Володи здесь была женщина… Правда это или нет? — глядя на него в упор, жестко спросила Марина.

Вадиму Ивановичу не впервой было держать удары. Но тут…

— Марина, — помедлив, сказал он, — во-первых, даже если бы это была правда, я все равно бы ничего тебе не сказал. Во-вторых, это чистая чушь, и тот, кто тебе это сказал — а он среди нас, — это настоящая сволочь. И мне очень неприятно, что все это происходит, когда не время и не место об этом говорить, даже если бы что и было.

Все молчали. Туманов встал и, ни с кем не прощаясь, уехал.

Позже, касаясь этой непростой темы, он деликатно обмолвится: «Она часто и подолгу жила в Париже, Володя

оставался в Москве один, с ним рядом почти всегда находились люди, в том числе женщины…»

Вообще, присутствие некой Оксаны в жизни Владимира Семеновича, как выяснилось после трагического июля 1980 года, стало полной неожиданностью для многих. Даже Валерий Золотухин, который неизменно стремился быть в курсе всех сердечных сует друга, откровенно недоумевал: «…Что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал… Ничего не знал… Ничего… Любовь не вечна, и с годами страсть проходит. Высоцкий был чертовски обаятельным человеком, женщины его обожали, да и он — натура увлекающаяся. Марина многого не знала из его донжуанского списка…» И, блюдя мужскую солидарность, на всякий случай добавлял: «Да и Володя, думаю, не подозревал, чем живет без него Марина…»

Однако о существовании Оксаны знали другие. В свое время она была (без церемоний) представлена и Абдулову, и Бортнику, и Ласкари, и Бабеку Серушу, и соседу Валере Нисанову, и тому же Вадиму Туманову. Поначалу друзья отнеслись к ней как к очередной девушке Высоцкого, а потом, как уже она сама полагала, это переросло в совсем другое отношение: кто-то принял, кто-то — нет. Нина Максимовна Высоцкая даже общалась с «этой девицей», но на поминках, обнимая Марину, твердила сквозь слезы: «Мариночка, ты — наша с Семеном Владимировичем единственная дочка. Надеемся, ты будешь с нами…»

Через два дня после похорон Марина улетела домой. Москва стала для нее чужим городом, отобравшим у нее Володю, городом, населенным людьми, которые предали ее. На все уговоры остаться, побыть еще она говорила: «Я должна лететь. Я не могу оставаться тут и бесконечно лить слезы. Не могу и не хочу. И не буду. Я должна, я не имею права срывать контракт. Меня ждут. Я не могу никого подводить».

В самолете она думала: «Речь не о том, чтобы закрывать глаза на измену, а о том, чтобы уметь прощать. Мужчины не могут не смотреть на других женщин. У них другой подход к жизни… У французов есть поговорка: „Макать перо в чужую чернильницу“. Но в итоге это не имеет никакого значения. Больно, конечно, но надо иметь мужество сказать: „Ну, хорошо, пусть будет так…“ Это в двадцать лет я думала по-другому… Но своим мужьям я никогда не изменяла. Никогда… Так-так-так, надо приводить себя в порядок. Помни, тебя ждут. Из-за тебя остановили съемки. Фильм по Мопассану. Как же он называется? Ах, да — „Сильна, как смерть“. Ну что ж, превосходное название. В точку. Спасибо».

На «девятины» в Москву она решила не возвращаться —

собрала близких в квартире Михаила Шемякина. «На столе хаос. Шемякины вообще баламуты, — вспоминал „братик“ Даниэль Ольбрыхский. — Кроме них, Марины и сестер, гитарист Высоцкого Костя Казанский и я с Зузанной. Посредине стола хозяева поставили пустой прибор, при столе — пустой стул. Икра, свежие огурцы, рыба — все из лучших армянских магазинов Парижа. На горячее — отличный украинский борщ… ну и бефстроганов с гречневой кашей. Наконец, водочка. Московская, столичная — бутылки обросли толстым льдом. На стене — гитара и фотография усопшего. Стараясь, чтобы не оставались пустыми рюмки, вспоминали лишь забавные приключения с Володей, потому что печали за столом он, боже сохрани, не переносил. Мы не плакали, потому что раньше отплакали в церкви, где одетый в черное, опохмелившийся — тут я его понимаю — Шемякин рыдал в голос, чем не нарушил церемонию, так как еще громче звучали прекрасные грегорианские хоры. Впрочем, каждый из нас всхлипывал потихоньку…»

Марина, уткнувшись лицом в неизменный черный френч Шемякина, тихо-тихо рассказывала ему про какую-то неведомую Ксюшу, говорила: «Представь, Мишка, сижу, снимаю маску с любимого человека, а душа раздирается на части: хочется дать ему пощечину, и в то же время целую его мертвое лицо…»

А Михаил, утешая, говорил ей, как ему казалось, успокаивающие слова: «Женщин у него, конечно, хватало. Но по-настоящему Володя любил только тебя…» Гладил ее по плечу и думал: «Боже, что с ней случилось? Мешок с костями…», но вслух тихонько повторял: «Ну, Марина… Марина, успокойся. Я не терплю женских слез». Его жена Рива все плакала и твердила: «Володя так и не успел попробовать мой „мокрый наполеон“. Все время просил, а я, лентяйка…»

Потом, покончив с неотложными делами, Марина вновь вернулась в Москву. На Малой Грузинской не появлялась: уж слишком тягостны и горьки воспоминания. И вообще она считала, что свой долг перед матерью Володи она исполнила, Моссовет решение принял, стало быть, делать ей там, на Грузинах, больше нечего. Поселилась в Красной Пахре, у Володарских.

Ее осаждали вопросами: что делать с архивом? Оказывается, здесь якобы существует такая правовая норма, как «творческое наследие». Хотя при чем тут какой-то литературный архив? Да не было у Володи никакого ни литературного, ни какого другого архива! Он что, Максим Горький? Почему надо все его бумаги перебирать, перечитывать, потом куда-то сдавать, нумеровать, брать на архивный учет?! Вы же даже в Союз писателей не хотели его принимать! Чего же сейчас спохватились?.. Опомнились?..

Она не могла расстаться ни с одним листочком, исписанным быстрым почерком Владимира. Но убедили: все полагалось сдать. Ну хоть копии-то можно сделать? Можно. Валера Плотников заниматься этим кропотливым делом отказался, сославшись на страшную занятость. Но посоветовал одного паренька, Диму, профессионального фотографа, который вроде бы в последнее время часто крутился в театре. А он справится? Конечно! Он владеет новой технологией — микрофильмированием…

Наблюдая за работой фотографа, Марина мрачно шутила, спрашивая: «Как вы думаете, хватит ли объемов моего бюста для вывоза всей этой контрабанды?» Хватило с лихвой.

«Я не увезла ничего, что связано с творческим наследием Володи, — говорила Марина. — А две самодельные книжки[35] в Париж привез сам Володя. И они хранятся у меня как память о нем…»

В Москве она оставалась до традиционных «сороковин». После поминального обеда вновь поехала на Ваганьковское кладбище. Темнело, лил дождь, и вся улица была запружена народом. На могиле Высоцкого белели листочки бумаги со стихами-посвящениями. Стихи неумелые, бесхитростные, школярские, но искренние. Мелькало в них и ее имя…

. . . .

Таганка толпами растоптана.
Асфальт помят, он мягче глины.
Под головой — картонка тонкая.
И ни гитары, ни Марины.

. . . .

Ее печаль и наше горе
Хотелось с нею разделить.
(Хоть кто-нибудь бы догадался
Зонт от дождя над ней раскрыть.)

Какая-то ясновидица Дарья Миронова, загнав Марину в укромный угол, все нашептывала: «А в последние годы его пыталась приворожить одна из его женщин. Она хотела любой ценой увести его из семьи. Приворот мощнейший! Поэтому он и мучился, и пил, и нервничал, и не понимал, что происходит. В результате летальным стал сердечный приступ. „Сердечный“ — здесь ключевое слово… Останься он с тобой и был бы верен, жил бы долго…»

Боже мой, да как же еще и это вынести?!.

Марина мечтала установить на могиле Высоцкого вместо обычного памятника вросшую в землю глыбу гранита, в которую бы врезался осколок метеорита с брызгами от него по камню. И чтобы выбито только «ВЫСОЦКИЙ» и даты его жизни. «Это был бы памятник-символ, лаконичный, — считала она, — но говорил бы он гораздо больше, чем те, где хотели передать портретное сходство… Удивительно красиво и со смыслом — по небу пролетела звезда».

Художник Давид Боровский сделал очень красивый макет с метеоритом, который по ее просьбе Туманов сумел отыскать где-то в тайге. Но, увы… Мечта осталась мечтой. Вернее, метеорит разбился о бронзово-нерушимое решение родителей Владимира, которые настояли на установке полюбившегося только им надгробного памятника.

Увидев *это* на Ваганьковом в январе 1986 года, Марина ужаснулась: «Карлик с гитарой над головой…» — и заплакала. Потом добавила: «Для меня могила Володи ничего не значит, он у меня все время — до конца жизни — в сердце. На этой могиле мне вообще не хочется бывать из-за этого памятника… Это оскорбление Володиной памяти, который ненавидел именно такой стиль…»

«Женщина, преследуемая смертью…»

«Я нахожусь в том состоянии, когда не чувствуешь под собой почвы! И около нет ни души, которая могла бы что-либо посоветовать и беспристрастно отнестись…»

Л. Мизинова — А. Чехову

Монтре, 3 октября 1894 г.

Ей казалось, что она медленно умирает, и уже ничто, никто и никогда не заставит ее вернуться к жизни. Папарацци, которым однажды удалось засечь Марину в сопровождении французского режиссера Жан-Пьера Сантье,[36] были разочарованы: если роман между ними и был, то скоротечный и горячечный — как сиюминутный порыв, попытка бежать, попутно мстя за причиненную обиду…

Что говорил ей Гамлет голосом ее Владимира?

…И в смертной схватке с целым миром бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть… и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?..

«Забыться сном»? Ну, что ж, пусть будет так.

Очнувшись, она сразу вспомнила свой «Сон номер семь»: *«Я иду по знакомой мне улице в сторону кладбища, на котором похоронена моя мама. По другой стороне улицы в том же направлении идет человек моего возраста — я знаю, что он старел вместе со мной. Это Владимир Высоцкий. Я зову его. Он подходит и обнимает меня. Спрашиваю: зачем тогда давно ты притворился мертвым? Зачем тем самым принес мне столько горя? Владимир улыбается, но не отвечает. Я расспрашиваю Владимира, как он прожил все то время, что мы не виделись. Оказывается, он женат,*

у него маленькие дети, дом — и я вижу это совершенное деревянное архитектурное строение. Он нежно прощается со мной…» И снова мокрые глаза…

Нет, это невозможно!

Какое счастье, что удалось-таки расквитаться с квартирными, дачными и прочими имущественными делами, которыми донимали ее Володины наследники.

27 февраля 1981 года между «гражданкой Франции де Полякофф Марина Катрин, проживающей — Франция, 10 АВ Марина Мэзон-Лаффит, корпус 4, кв.41, гражданином Высоцким Семеном Владимировичем, Высоцким Никитой Владимировичем… Высоцким Аркадием Владимировичем…» заключен договор о разделе наследственного имущества. В собственность Н.М. Высоцкой и ее внуков переходили «накопления в жилищно-строительном кооперативе „Художник-график“ (7179 руб. 61 коп.) …и паенакопления в гаражно-строительном кооперативе „Художник-график“ (1753 руб. 43 коп.). При подписании договора гражданка де Полякофф в возмещение полученного имущества (двух битых автомобилей) обязывается выплатить определенные суммы наследникам и оплатить расходы по заключению договора…»

Кое-как, с трудом пройдя через череду публичных дрязг, перепалок, разбирательств, рассоривших многих ранее очень близких людей, удалось также оставить за спиной и навсегда забыть дурацкий и никчемный спор по поводу дома Высоцкого, который они построили на дачной территории Володарского. Можно было облегченно вздохнуть и брезгливо отряхнуться: уф-ф-ф!

…Улетая после траурных мероприятий по поводу годовщины смерти Высоцкого, в Шереметьево Марина столкнулась с Аллой Демидовой. Нетерпеливая очередь к посту паспортного контроля тихо поругивала медлительных пограничников, каждый мечтал поскорее добраться до уютного кресла в самолете «Air France», принять из рук стюардессы чего-нибудь освежающего… Мельком окинув Марину профессиональным взором, Алла сразу отметила: не выспалась.

Угадывая ее мысли, Марина потерла ладонями лицо: «Вчера с ребятами до утра сидели в „Каме“ на Таганке. Не хотелось расставаться, неизвестно, скоро ли еще увидимся… А в Париж надолго?» — «По частному приглашению. По срокам — как получится».

В салоне Марина критически огляделась, досадливо поморщилась: «„Эконом-класс“, все понятно… Хорошо хоть ты рядом». Салон был забит французскими туристами, что

называется, под завязку. Средние буржуа — публика шумная и бесцеремонная. Но главное — непоседливая. Марине досталось крайнее место, и снующие туда-сюда пассажиры то и дело задевали ее — кто рукой, кто сумкой. «Трам-тарарам! Мать твою! — ругалась Влади исключительно по-русски. — Знали бы они, с кем летят, ноги бы мне целовали!»

Алла засмеялась: «Знаешь, а вы с Володей все-таки так похожи! Как-то мы куда-то вместе летели, не помню уж куда, и когда ему стюардесса не разрешила курить в салоне, он грустно так посмотрел ей вслед и сказал: „Эх, знала бы ты, девочка, кого везешь…“»

За разговорами время прошло незаметно. «И вот, уже в парижском аэропорту, мы стоим на эскалаторе, — рассказывала Демидова, — о чем-то говорим, и вдруг вижу: она на глазах меняется — лицо светлеет, молодеет, вытягивается, вся опухлость проходит. Я оборачиваюсь, стоит какой-то маленький человечек. Она меня знакомит: „Шварценберг — известный онколог…“»

— Да-да, — рассеянно кивнула Алла Сергеевна, а в голове у нее почему-то мелькнули старые-престарые шаловливые евтушенковские строки: «Какие девочки в Париже, черт возьми! И черт — он с удовольствием их взял бы!..» Не желая служить помехой, решила деликатно распрощаться. — Adieu. То есть au revoir…

* * *

Начало знакомству Марины Влади с Леоном Шварценбергом положили события печальные. Впервые она обратилась к профессору, когда заболела мама, чуть позже к нему же привела новая беда, которая стряслась с Одиль. Ну а когда летом 1980-го саму Марину с головой накрыла темная волна депрессии, сестры, опасаясь за нее, обратились за советом к доктору Шварценбергу. Нет, не как к узкому специалисту, но как к человеку, врачующему души.

Марина сутками лежала в нетопленом доме, укрывшись до бровей толстым пледом, не зажигая света, отказывалась от еды. Друзей и родных гнала прочь, швыряла в них все, что попадалось под руку, — тапочки, телефонный аппарат, книги, настольную лампу… Кричала в спины убегавшим: «Проваливайте! Никого не хочу видеть! Мне никто не нужен!»

В один из дней в Maisons-Laffitte появился профессор Шварценберг. Она его не приняла. Он пришел еще раз. Опять неудачно. На третий день все-таки удалось немного поговорить.

Потом Марина уже признала: «Это счастье, что я с ним встретилась после смерти Володи. Каждый день он вытаскивал меня из бездны… Он пытался меня разговорить, встряхнуть, мы общались, и он дал мне возможность жить и работать, чувствовать себя нормальной женщиной… Жизнь продолжалась…»

В какой-то момент ей показалось, что она нашла выход из кризиса: «Я стала работать, как сумасшедшая. Все, что мне предлагали, я брала, брала, брала…» Телевизионщики, словно ловчие, почуяв легкую добычу, взяли ее в оборот и завалили заявками. Марина работала без отдыха, без остановки, без пауз. Опомнившись, прикинула: за неполных три года она снялась более чем в десятке телефильмов и сериалов. Изабелла Брабантская? Пусть будет Изабелла! Маркиза Деспард? Тоже неплохо. Мадам Берделей? Хорошо. Мадам Дольной? Да пожалуйста! Почему бы и нет? Главное — самой бы в них не запутаться и не заблудиться… Что у нас там завтра? «Тайна принцессы Кадиньян» или «Игры графини Долинген де Грац»? Какая, в сущности, разница?!. Куда там Годару с его актерами-роботами, снаряженными горошинами-микрофончиками в ушах?!.

Но эта трудотерапия, бесконечный марафон окончательно глушили сознание, доводили до полного душевного и физического истощения. Она даже решила, что болевого порога у нее вообще больше нет. Только полное отупение. И вновь руку помощи протянул Леон: «Я встретила человека, который был совершенно не похож на других. Никакой другой человек не мог бы мне помочь так».

Исповедальными становились домашние разговоры. О политике, музыке, литературе, искусстве, философских проблемах бытия. Тема жизни и смерти, многим кажущаяся запретной, греховной, для них тоже была естественна, обсуждалась совершенно свободно и спокойно.

— Я помню, вы, Марина, вместе с сестрами в свое время вынуждены были давать согласие на отключение аппарата жизнеобеспечения, когда поняли, что вашей матушке он уже не помогает, а лишь продлевает агонию. Ведь вы тогда были уверены, что вы жестокие, неблагодарные дочери, казнились, что палачи, что выносите своей маме смертный приговор. Не так ли?

Марина кивнула: «Да, и это было так страшно и мучительно».

— Но почему вы не задумывались над тем, что, с вашей стороны, это было актом милосердия? — продолжал Шварценберг. — Сегодня, когда можно заставить биться сердце уже после его остановки, а легкие дышать при помощи

специальных аппаратов, очищать кровь искусственной почкой, когда можно заменить больные органы здоровыми и так далее, — прежнее определение смерти безнадежно устарело… Смерть человеческого существа должна устанавливаться с того момента, когда умирает сознание. Человек мертв не потому, что его органы прекратили работу, а потому, что он умер для рода человеческого, его нет, так как уже его сознание затихло…

— То есть вы полагаете, вся разница между человеком и остальными живыми существами — это сознание?

— Совершенно верно, Марина. Вы точно уловили суть. При поддержке современных препаратов, новейшего оборудования человек как бы продолжает жить. Но формально. Это… растительная жизнь — сердце бьется, кровь бежит по венам, идет процесс обмена веществ… Только сознание уже угасло. Значит! — Леон произнес это непререкаемо, как врач, оглашающий окончательный диагноз, — Значит, человек уже должен рассматриваться как умерший.

Они помолчали. Потом профессор спросил:

— А вы знаете, что в переводе с греческого означает «эвтаназия»?

— Легкая смерть?

— Да, верно: благая, хорошая смерть. Сколько раз в своей практике мне приходилось слышать просьбы — да нет, мольбы! — смертельно больных людей помочь им поскорее умереть, избавиться от адских мук! Поначалу даже сама мысль об этом казалась мне кощунственной, отвратительной. Я, врач, знал: как бы ни был ослаблен человек, как бы ни было тускло его сознание, у него есть право на жизнь, и ему должна оказываться медицинская помощь.

Только со временем ко мне пришло понимание, что человек — не просто совокупность органов — сердца, печени, легких, почек и прочего, — но, прежде всего, личность, обладающая мышлением, сознанием, волей… Подло поддерживать функционирование физиологических органов в теле фактически уже умершего человека. Вряд ли можно называть гуманистом врача, который, невзирая на жуткие муки пациента, полагается на судьбу, которая, возможно, смилостивится над ним и сама все решит.

— Я вообще не верю в судьбу, — поддержала Марина. — Не понимаю тех, кто говорит: «На все воля Господня». Уверена: очень многое, если не все, можно изменить. Знаю это по себе. И не жалею ни о чем — ни о радостях, ни о горе, которые выпали на мою долю. Я любила и была любима, у меня выросли сыновья, в кино и театре сыграла много интересных ролей. Больше десяти

лет я прожила с гениальным Владимиром Высоцким. О чем тут можно жалеть?..

Однажды вечером Леон приехал в Maisons-Laffitte на своем стареньком «Рено» и признался ей, что бросил все, ушел от жены и сына, оставил им свой дом, и попросил приютить его на несколько дней, пока не подыщется новое жилье. Но последнее не понадобилось. «Это были совсем другие отношения, — говорила Марина, — любовь-благодарность, любовь-дружба, когда зрелые люди встречаются, уже имея опыт потерь, и идут вместе рука об руку…»

Их связь широкая публика обнаружила совершенно случайно. К Марине обратились корреспонденты французского радио с просьбой высказать свое мнение по так называемому «делу Шварценберга» (в те дни имя профессора пресса трепала на все лады, обвиняя в пропаганде эвтаназии, нарушении клятвы Гиппократа и чуть ли не в мздоимстве).

Марина шокировала журналистов, а заодно и радиослушателей, заявив, что у нее нет никаких оснований сомневаться в порядочности и неподкупности профессора: «Я живу с этим человеком в одном доме, сплю в одной постели. И могу на крови поклясться, что честнее Леона я не знаю никого…»

Конечно, она прекрасно понимала, какова будет реакция на изменения в ее личной жизни, прежде всего в России. «Когда я потеряла Володю, мне было сорок два, — терпеливо объясняла Марина тем, кто пытался обвинить ее в измене, предательстве. — Жизнь продолжалась, я ведь не умерла. Через какое-то время я встретила человека… Он старше меня на 15 лет, он полюбил меня и смог помочь мне в той ужасной трагедии, которую в пережила, потеряв Володю. В годы войны Леон пережил холокост, был участником движения Сопротивления. Его младших братьев казнили фашисты в лагере Маутхаузен. Леон Шварценберг — крупная личность, много занимается политикой, очень храбрый человек. И я горжусь тем, что я рядом с ним. Считаю, что, живя с человеком таких высоких моральных качеств, я не оскорбляю Володю. Наоборот!..»

— Да и вообще, — напоминала она, — читайте Чехова. Милый русский доктор говорил, что женщины без мужчин тускнеют, а мужчины без женщин — глупеют. Bonne chance, господа!

* * *

Через некоторое время Влади нашла в себе силы решиться

еще на один смелый поступок. После четырнадцатилетнего перерыва, весной 1983 года, Марина вернулась в театр. Живя между Парижем и Москвой, она не могла рассчитывать на роли в постоянном театральном репертуаре.

Марина никогда не скрывала, что сцена для нее имеет куда большее значение, нежели съемочная площадка: «Конечно, прежде всего я киноактриса. Но театр и кино — это совершенно разные вещи. Как фотография и живопись. Кино — это механика. Камера выхватывает какой-то момент, выражение лица, глаз, и все. А в театре все идет „вживую“. Зритель должен переживать вместе с артистом, а это уже совсем другое…»

Возможно, ее возвращение случилось бы и раньше, но ни одна из предлагаемых ролей ее не устраивала. Хотелось чего-то совершенно неожиданного.

Однажды при встрече в Париже Габриэль Гарсиа Маркес стал рассказывать Марине о том, что киношники решили экранизировать его повесть «Невероятная и грустная история наивной Эрендиры и ее жестокосердной бабушки».

— Может быть, вы читали?

Услышав утвердительный ответ, знаменитый колумбийский «патриарх» невероятно обрадовался: «Я считаю, „жесткосердная бабушка“ — ваша роль, мадам! Я именно такой ее и представлял, когда писал свою повесть. Но, к сожалению, вы чересчур молодо для нее выглядите…»

— К вашему сожалению, дорогой Габриэль, к вашему — не к моему. Но за комплимент спасибо.

Прошло несколько месяцев, и к Марине обратился бразильский режиссер Аугусто Боял и пригласил принять участие в его спектакле по книге Маркеса на сцене «Театр де л'Эст Паризьен». После некоторых сомнений Влади согласилась.

— Не знаю, действительно ли я создана для этой роли, — рассказывала после премьеры Марина. — Но, наверное, во мне все же есть нечто, напоминающее портрет бабушки, который создавал Маркес: белокурая, полная, обаятельная женщина… Кроме того, описываемый им мир был не столь уж далек от того, в котором я росла. В произведении Маркеса нет, на мой взгляд, абсолютно отрицательных персонажей. Есть просто люди, которые борются за свое существование. Обычная жизненная драма, типичная для Южной Америки, где у женщин — увы! — подчас нет никакой иной возможности зарабатывать на жизнь, кроме как продавать себя или своих детей… Прекрасная пьеса с очень выразительным текстом…

Леон радовался успеху жены, ждал продолжения и не хотел понимать, почему Марина отказывается от новых предложений.

Но согласился с ее позицией, которую она избрала для себя: «Теперь я предпочитаю играть лишь то, что близко моей душе, что доставляет мне подлинную радость. Я уже не хочу играть так, словно игра — необходимая работа».

Марина поражалась фантастической разносторонности интересов мужа. При всей своей колоссальной загруженности по работе (он уезжал в клинику в пять утра и возвращался поздним вечером) Леон любил музыку, живопись, философию, театр, литературу.

По отношению к прошлому Влади профессор вел себя удивительно корректно. Во всяком случае, он с удовольствием посещал постановки Оссейна, восхищался певческим талантом Высоцкого и никогда не позволял себя даже слова упрека Марине, что в их доме на почетном месте висел портрет ее покойного русского мужа, что постоянно звучали его песни, что она перечитывала его старые письма. Он не обиделся, прочтя в одном из интервью признания Марины: «Вне всякого сомнения, Владимир был самой большой страстью моей жизни. Конечно, я любила и других мужчин, но любовь-страсть — это он…»

Говоря о Шварценберге, Влади с нежностью отмечала: «Представьте себе пребывающую в любовной гармонии пару, в которой женщина день за днем… доносит до мужчины слова трагической страсти к другому, а ее еще надо при этом успокаивать, поддерживать…»

Но ведь и она сама поддерживала его во всем. Они вместе участвовали в движении «dalle», защищая права бомжей и беспризорных иммигрантов. Активисты «dalle» взламывали двери пустующих домов, заселяли в бесхозные квартиры семьи с детьми. Вместе с мужем Марина проводила ночи в церкви Сен-Бернар, которую оккупировали аффрофранцузы. Шварценберга, начисто лишенного древнего иудейского инстинкта самосохранения, остервенело мутузили полицейские. Марина кое-как отбивалась.

Потом они занимались проблемами Сараева. Марина убеждала равнодушных: «Это у наших дверей убивают людей, отбирают дома, насилуют женщин. Все говорят: это их дело, мы ничего не можем сделать. Можем. Мы проведем манифестацию у Лувра, чтобы остановить эту войну. Все легли на пол, и я легла, потом встала и полтора часа вслух зачитывала письма от жителей Сараева и наше обращение…»

Когда у побережья Франции штормом разбило танкер и нефть разлилась по поверхности моря, покрыв берега, и птицы, испачканные нефтью, не могли летать и умирали, — в те дни на побережье устремились тысячи людей. Они отыскивали

беспомощных пернатых, чистили, отмывали их, согревали, кормили, помогали снова подняться в небо. «Должно быть, — говорила Влади, — с точки зрения здравого смысла затея была никчемной — много ли птиц удалось спасти? И был ли среди них, этих птиц, какой-нибудь редкий вид, особенно ценный науке? Вряд ли. Это были обычные птицы. Но люди, которые их спасали, в душе были поэтами, а потому правы. Они-то и дают всем надежду…»

* * *

— Привет! Скучаешь? — звонок от Симоны Синьоре был, как всегда, и приятен, и неожидан.

— Привет! — откликнулась Марина. — Как раз нет, не скучаю, а читаю твою книгу.

— Вот как? Приятно. А хочешь, я приеду?

— Конечно. А когда?

— Если удобно, то ближе к вечеру, часам к шести. Как Леон?

— Все в порядке. У него сегодня операция. А ты будешь одна, Симона?

— Нет, с господином Джеком Дэниэлсом.[37] Очень приятный господин, хотя и американец.

— Можешь не волноваться. Этот нахальный янки уже здесь. Мы вместе ждем тебя.

Симона оказалась пунктуальной, приехала, как обещала, ровно в 18.00. Марина встретила подругу и провела в комнату, в которой некогда был рабочий кабинет Высоцкого. На низком журнальном столике уже стояла бутылка «Дэниэлса», тяжелые пузатые стаканы, лед, тарталетки. Рядом с креслом лежала раскрытая книга Синьоре «Ностальгия уже не та, что прежде».

— Специально приготовила? — кивнула Симона и бросила на столик мятую пачку «Gauloises» и спички. — По-прежнему не куришь?

Они дружили уже не первый десяток лет. С того дня, когда Синьоре вручила Марине Prix Suzanne Bianchetti, она невольно чувствовала себя покровительницей юной дебютантки, ответственной за ее судьбу. А Марина даже спустя годы ощущала себя послушной ученицей и отвечала на вопросы гостьи по порядку.

— Специально я ничего не готовила. Просто читаю твою «Ностальгию» и не могу оторваться. А курить я давно бросила, еще когда Володя попросил. Сразу легче дышать стало, цвет лица улучшился. И, вообще, курение вредно для кожи… А вот книжка

твоя прекрасна. Читаю, смеюсь, порой грущу. Иногда хочется поспорить. Вот ты пишешь о России… Погоди, сейчас найду.

Она взяла книгу, перелистала несколько страниц: «Ага, вот…» и стала читать вслух. Симона почти не слушала. К чему? Она сама написала эти слова, когда захотелось высказаться, сообщить, что она думает о себе и об этом мире, всем-всем, совершенно посторонним, чужим людям. Ее книга, очень откровенная, остроумная, смелая, пользовалась успехом во Франции. И она ничего не собиралась в ней исправлять, переписывать, о чем-то спорить. Даже с Мариной. Книга — не кино, где возможен новый дубль, и то исключительно на этапе съемок.

— Ну а ты? — Симона затянулась сигареткой и выпустила струю дыма в сторону.

— Что «я»? — удивилась Марина.

— Почему ты не пишешь? Неужели тебе не о чем рассказать? О своей жизни, о своей любви, о трагедиях, которые ты пережила. Я ведь читала вашу книжку, которую вы с сестрами сочинили. «Babouchka». Мне понравилось. У тебя должна получиться очень занимательная история. Если уж я сумела, то ты и подавно сможешь…

Она подняла бокал: «Чин-чин!» Потом кивнула на фотографию Высоцкого на стене:

— Напиши о себе и о нем. Как он жил и почему умер в 42 года… Это же такая проблема, такое несчастье. Что в самом деле случилось… Могу даже подсказать тебе ключ: пиши так, как будто ты с ним разговариваешь… Пиши. Поверь, тебе станет легче жить.

Поздним вечером, проводив подругу, Марина вновь потянулась к ее книге. Чудесно издана, золотом оттиснуто грустное название «Nostalgie…». Красиво! Она вспомнила слова Симоны, которая, глядя на себя в зеркало в холле, на прощание сказала: «Дожила — стала сама себе соперницей…» И, посмотрев на Марину, добавила: «Запомни: с возрастом женщины стареют, а мужчины — мужают. Вот в чем между нами разница. А любить — значит состариться вместе. Это — не Ларошфуко сказал, а я… Salute!»

Мысль о ненаписанной книге уже преследовала. Когда через несколько дней, разговаривая с Крисом Маркером, своим старинным приятелем по киношному миру, о всяких разностях, Марина вскользь вспомнила о визите Синьоре и о ее настоятельном совете писать, Крис неожиданно загорелся:

— Слушай, а ведь это замечательная идея!

— Нет, это ты послушай! — заупрямилась Марина. — Я

никакой не писатель.

— Но ты же писала своему Володе письма? Писала?

— Конечно, писала, и много, и очень часто. Сотни писем. И он мне писал. В них вся наша жизнь, а в жизни, знаешь, бывает все — и прекрасное, и отвратительное. Но Володя был, в общем, сдержанным человеком, а кроме того, он знал, что его письма читают… А мои письма, наоборот, были ужасно несдержанные…

— Вот и пиши свою книгу в виде неотправленных писем к нему… И несдержанных…

Марина прекрасно понимала, что в России, наверное, многие бы ликовали, если бы она, как вдова магараджи в Древней Индии, взошла на костер и добровольно прекратила свое существование на этой земле после смерти Владимира Высоцкого. Но почему нет дела никому до того, что у вдовы может гореть в душе и другой костер — костер воспоминаний?

Вскоре в дневнике Марины появилась запись: *«24 сентября 1984 года… Я принесла несколько листочков и робко читаю их Симоне. Она говорит: „Продолжай“».*

Звонок из Москвы слегка выбил из колеи и рабочего ритма, но все же обрадовал.

— Станислав, вы уже говорите с парижским прононсом!

— Вашими молитвами, мадам. Вернее, благодаря твоим урокам, Марина, — засмеялся в ответ Говорухин.

Поговорив о том о сем, обменявшись новостями и посудачив об общих знакомых, Станислав Сергеевич спросил:

— А как у тебя с рабочим графиком? Ты не слишком будешь занята в ближайшее время?

— С графиком все в порядке. Занята? И да и нет. Для тебя я, конечно, найду столько времени, сколько тебе будет необходимо.

— Тогда у меня имеется деловое предложение. Хочу тебя снять в своем новом сериале по Жюлю Верну. Знаешь, такие вольные фантазии… Удалось найти кой-какие лишние денежки, даже на съемки в Париже хватит. Ну, как, поможешь?

— Конечно!

Парк Монсо, на зеленых лужайках которого стояли памятники Мопассану, Шопену и Гуно, съемочная группа оккупировала всего на два дня. «Со мной трудились отличные актеры, и я была очень довольна работой, — вспоминала затем Марина. — Хотя роль у меня небольшая — переводчицы Жюля Верна, будущей известной украинской писательницы Марко Вовчок…»

Но накануне Марина, лукаво улыбаясь, напомнила Говорухину: «Слава, а ведь за тобой должок. Ты помнишь, как Володя тебя шантажировал и заставлял снимать меня в „Месте

встречи“?»

— Еше бы! Да вы же мне тогда чуть весь фильм под откос не пустили!

— Так вот, дорогой мой режиссер, я всегда была хорошей ученицей и усвоила Володины уроки. Ты же меня тогда не снял, верно? Значит, теперь ты, Славочка, должен снять моего сына Пьера (помнишь Петьку?) в этих своих «Детях капитана…».

— Эми-Гранта, — обычно сверхсерьезный Станислав Сергеевич выдал роскошный каламбур. — Эми-Гранта… Ладно, договорились. Придумаем что-нибудь, шантажистка.

Пусть так. И она, и Говорухин прекрасно понимали, что «парижский эпизод» был нужен картине больше для антуража, придания сериалу дополнительной «достоверности». Зато общение с давним другом лишний раз всколыхнуло память Марины и подарило новые строки в еще не дописанную книгу.

* * *

Из клиники Леон вернулся поздно, мрачный, измученный и молчаливый. Наскоро перекусил, потом принялся шелестеть газетами.

— Как там Андрей? — спросила Марина.

— Смотря с кем сравнивать, — уклончиво ответил Шварценберг. — В общем, не так уж плохо. Но много, слишком много думает о смерти… Сегодня он мне сказал: «По-моему, смерти вообще не существует. Существует какой-то акт, мучительный, страдальческий… Я думаю лишь о физических страдания, а не о смерти как таковой. Мне приснилось, что я умер, и это было похоже на правду. Я чувствовал такое освобождение, такую легкость невероятную, что, может быть, именно ощущение легкости и свободы и дало мне ощущение, что я умер, то есть освободился от всех связей с этим миром. Пожалуй, существует только страдание и боль, а человек просто путает смерть и страдание…» Вот такой у нас с ним состоялся разговор, вернее, я слушал его монолог.

— Знаешь, Андрей же мистик, — задумчиво сказала Марина. — Он мне как-то цитировал Хаксли: «Мистика — это отверстия, сквозь которые капельки знания о реальности просачиваются в нашу человеческую вселенную невежества и иллюзий. Мир, абсолютно лишенный мистики, был бы абсолютно слепым и безумным миром…» Как ты думаешь (только откровенно), его надолго еще хватит?

— Не знаю. Честное слово, не знаю. Очень много

непонятного, откуда вдруг возникают у него какие-то фантомные боли…

Проблемы начались в Берлине, куда знаменитого советского кинорежиссера Андрея Тарковского пригласила немецкая академия. Поначалу мучивший его кашель Андрей списывал на погоду, потом недобрым словом поминал туберкулез, которым переболел в детстве, и все отмахивался: пройдет, не обращайте внимания.

— А осенью мы уехали во Флоренцию, где Андрей начал работать над монтажом «Жертвоприношения», — рассказывала Лариса, жена Тарковского. — Там у него постоянно держалась небольшая температура, знаешь, как при затяжной простуде? Вот это уже его начало беспокоить. Но о причинах этой болячки мы еще не догадывались…

Лариса заплакала. Марина осторожно пододвинула к ней поближе чашечку зеленого чая: «Выпей. Успокойся…»

— Ну вот, — продолжила Лариса, — и мы приехали в Париж, поселились на квартире у Кшиштофа Занусси. Ты, наверное, его знаешь, ну из «Солидарности», по-моему… А сейчас он здесь «Парадигму» с немцами снимает… В общем, обратились в клинику. Андрей прошел все тесты, анализы, сканеры всякие. Окончательный диагноз: рак. Без вариантов. Нам сказали, что здесь, у вас, лучшие онкологи.

— Верно, — подтвердила Марина. — Завтра мы вместе поедем к Леону, в его больницу. Сегодня вечером он как раз возвращается из Нормандии. Он правда лучший. Леон все сделает, чтобы вытащить Андрея, поверь мне. Будем надеяться на лучшее.

— Марин… — замялась Лариса. — Понимаешь…

— Конечно. Я лучше тебя знаю, сколько стоит онколечение.

— У нас сейчас довольно стесненное материальное положение. Деньги за «Жертвоприношение» еще не получены, медицинской страховки у Андрея нет.

— Не беспокойся, я выписываю чек на 16 тысяч — за обследование на сканере. Потом вот еще на двадцать — за первый курс «химии» плюс текущие расходы. Эти деньги — на препараты и всякие обследования. Но Леон будет лечить Андрея совершенно бесплатно, не сомневайся.

Когда стало известно о болезни Тарковского, русские эмигранты тут же загомонили, принялись, как водится, демонстрировать свою крайнюю обеспокоенность и тревогу, бестолково перезваниваться друг с другом: «Ну надо же что-то делать! Надо что-то предпринимать!.. Я вот слышал…»

«Из Вашингтона, — рассказывал Анатолий Гладилин, — в

панике звонит Аксенов: „У Андрея Тарковского рак. Он в крайне тяжелом состоянии. Свяжись с Мариной Влади, пусть она скажет своему профессору Шварценбергу, чтобы он положил Тарковского к себе в клинику“. Звонит Жора Владимов из Германии: „У тебя же с Мариной были особые отношения — уговори ее помочь Тарковскому“. Звонили из Швеции, Израиля и Нью-Йорка: „Вся надежда на лучшего онколога мира, профессора Шварценберга. Найди Марину!“».

Несколько дней подряд телефон Марины тупо отзывался длинными гудками. Наконец поздно вечером ответили: «Марина в отъезде. Если что-то срочное, могу ей передать». Я представился, сказал, что говорю от имени всей русской эмиграции, изложил просьбу к Марине похлопотать о великом режиссере. На другом конце провода терпеливо выслушали мою не очень складную французскую тираду, и низкий мужской голос произнес: «Я — профессор Леон Шварценберг. Мсье Тарковский находится у меня в госпитале. Делаем все возможное».

Вчерашние московские знакомые, видимо, просто забыли жизненный принцип Марины: «Я не мечтаю — я делаю».

После первого курса радио— и химиотерапии состояние режиссера заметно улучшилось, и 11 июля 1986 года он смог покинуть клинику. Марина поселила Тарковских у себя. Андрей даже смог продолжать работу над монтажом. А Марина кормила его домашними биточками, которые он очень любил.

Как-то между делом он сам затеял этот разговор.

— Марина, знаешь, я в последнее время почему-то часто вспоминаю «Зеркало» и ощущаю некую неловкость перед тобой.

— Да ну что ты, Андрей! Какая неловкость? Самая обычная история, это работа… Ты — режиссер, я — актриса. Ту роль ты видел иначе. Все нормально.

— И все же я хотел бы объяснить…

— Да ты же нам с Володей еще тогда, десять лет назад, все сказал.

— Ну, чтобы не оставалось никаких недоговоренностей. Я на роль матери пробовал, кроме тебя, еще трех актрис: Риту Терехову, Люду Чурсину и Ларису Малеванную, эту ты, наверное, не знаешь. И понимаешь, я все время был в сомнениях, на ком остановиться. Показал худсовету пробы. Затеяли обсуждение. Тогда лучше всех, по-моему, Саша Алов сказал. Он был в восторге от каждой из вас. О тебе говорил: «Марина Влади больше поведет на мягкость, на лиричность… Если Тарковскому нужно, чтобы мать — „на скаку коня остановит“, — то это Чурсина. А если „В горящую избу войдет“ — то Терехова. А если брать по принципу „есть женщины в русских селеньях“ — то Влади…»

Марина засмеялась: «Да я бы его расцеловала за такие слова!» А потом тоже кое-что вспомнила: «А я твоего „Рублева“ смогла посмотреть только во Франции. В Москве, когда я просила устроить мне просмотр, все как-то мялись. Толком никто не мог мне объяснить, почему его нельзя посмотреть мне, французской актрисе, члену компартии, члену президиума общества „Франция — СССР“. Самые высокие руководители вашего Госкино обещали, но каждый раз откладывали, переносили, пока наконец не отказали вовсе… Вот только в Париже „Рублева“ и увидела…»

— Ха-ха, — выдавил из себя Андрей.

Внешне у Тарковских все как будто складывалось благополучно. Французское правительство предоставило им гражданство, пообещало государственную квартиру, а также оплатить продолжение курса лечения. Но, к сожалению, ремиссия заканчивалась. Чувствуя приближение катастрофы, Андрей молил только об одном — перед смертью повидаться с сыном. По его просьбе Марина побывала у советского консула в Париже, просила содействия в выдаче визы. Но вопрос «завис», и тогда подключил свои связи Шварценберг. Он обратился к прямо к президенту Франсуа Миттерану, которого хорошо знал. Миттеран написал тогдашнему советскому лидеру Михаилу Горбачеву, и в течение двух дней проблема была снята. Когда приехал Андрей-младший, автор «Рублева» и «Жертвоприношения» сразу воспрял духом.

«Сколько у нас ошибочных и неверных представлений о людях (о французах, неграх и об отдельных индивидах), — писал он в своем „Мартирологе“. — Кто к нам отнесся лучше, чем французы? Дали нам гражданство, квартиру, комитет собирает деньги и оплачивает все, в том числе и пребывание в клинике… Нам следует менять наши представления. Мы не видим, но Бог видит. И он учит нас любить ближнего. Любовь преодолевает все — в этом Бог. А где нет любви, там все идет прахом…»

Марина переживала, когда Андрей Арсеньевич, окончательно изуверившийся в современных методах лечения раковых заболеваний, «по совету неумного друга, вернее, идиотки-подруги» покинул Францию и отправился на юг Германии, где попытался найти спасение у шарлатанов из модной антропософской клиники. Увы, ему становилось все хуже и хуже… Он вернулся в Париж и вновь лег в клинику Шварценберга.

Поздней осенью режиссер сделал одну из последних записей в дневнике: «Леон, который, очевидно, хотел меня порадовать, сообщил, что в Советском Союзе широко идут мои фильмы, информация эта от Марины, которая как раз была в Москве. Я

думаю, что началась моя „последняя“ канонизация. Очевидно, они от той же самой Марины что-то узнали о состоянии моего здоровья, точнее говоря — о моем плохом здоровье. А иначе как объяснить их поведение?.. Очевидно, пришло время, чтобы Госкино начало искать пути к моей реабилитации. У них ничего не изменилось, все осталось по-старому. Как и прежде, там царит страх, подлость, лицемерие, ложь…»

29 декабря 1986 года Андрей Арсеньевич Тарковский скончался. В соборе Святого Александра Невского неподалеку от Триумфальной арки состоялась панихида, на которую собрались сотни людей. Золотые купола пятиглавого храма поднимали к парижскому небу свои кресты, точно пламя свечей, возжженных во славу Божию. «Были все друзья, — рассказывала Марина. — Мстислав Ростропович, сидя на верхней ступеньке на паперти кафедрального собора на Rue Daru, изливал свое и наше всеобщее горе в рвущихся из самой души горестных звуках виолончели…»

В этом соборе когда-то отпевали русских гениев — Ивана Тургенева, Федора Шаляпина, Ивана Бунина. Здесь в 1918 году венчался Пабло Пикассо с русской балериной Ольгой Хохловой.

Погребли выдающегося советского киномастера в заброшенной могиле белогвардейского есаула на русском православном кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Поначалу на могильном холме стоял простой деревянный крест, а потом на деньги русских меценатов воздвигли памятник в виде Голгофы. К вершине горы ведут семь ступней, символизирующих семь фильмов Тарковского. Крест на вершине был выполнен по рисунку самого Андрея. Стоя у могилы, Марина вновь вспоминала московское Ваганьковское кладбище, на котором побывала в этом году, и вновь возвращалась к своей мысли: «То, что поставили на могиле Высоцкого, — это ужас. Володя бы сам посмеялся над этим своим надгробием. Вот говорят, что Высоцкий — это общее достояние, он принадлежит народу, его безумно любят. Что поделаешь, если эта любовь выражается столь безвкусно… Карлик с гитарой над головой…»

* * *

— Как продвигаются твои литературные труды? — поинтересовался Шварценберг, когда они, выпроводив очередных гостей, остались одни.

— Все в порядке, — улыбнулась Марина. — Рукопись в издательстве, обещают выпустить первый тираж в начале года.

— «Fayard» — солидное издательство, своей репутацией они

дорожат. Ну что ж, будем ждать. Ты же мне рукопись так и не позволила прочесть.

— Леон, — Марина, как всегда, прибегла к помощи Чехова. — Антон Павлович советовал начинающим авторам никому не давать читать свои рукописи, а только книги. Тогда твои ошибки останутся только твоими.

— А вот и нет! — возразил профессор. — Я прекрасно помню, как героиня одного его рассказа читала свои произведения какому-то писателю…

— Для нее, к сожалению, это кончилось трагически, — уточнила Марина. — Ну, ладно. Ты смотрел сегодняшнюю прессу?

— Конечно, нет. А что там?

— Ничего, если не считать того, что твою жену опять назвали «артисткой Горбачев-шоу».

Когда в 1986 году Марину Влади официально пригласили в Москву для участия в Международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», она, ни секунды не сомневаясь, согласилась. Дело было не в поводе для очередной поездки в Союз. Поводов и без того хватало, да и возможности позволяли. Просто она искренне верила в то, что «только глупец не прислушивается к тому, что происходит в России, поскольку, если мы закроем дверь в эту страну, это будет равнозначно смертному приговору человечеству. Рано или поздно такая „глухота“ может привести к катастрофе…»

Некоторые западные журналисты принялись обвинять ее в том, что она вместе с другими политиками, деятелями культуры «небескорыстно подыгрывает Москве», «проявляет недальновидность», становясь «заложником советской внешней политики и даже соучастником ее…».

В интервью радио «Европа-1» Влади спокойно советовала своим оппонентам: «Лучше поехать в Москву, взглянуть на все своими глазами, чем сидеть в Париже и, ничего не замечая, брюзжать. Пусть меня лучше считают недалекой, пусть заявляют, что я поддерживаю советскую политику, чем мои дети погибнут в мировой войне».

А-а, не привыкать. Тем более Москва ее тоже взялась поругивать после премьеры фильма «Твист снова в Москве».

— Постой, Леон, я тебе переведу… «Что предложили рядовому французу авторы? Страну, где господствует „черный рынок“, где все покупается и продается в бесконечной гулянке под псевдоцыганский оркестр, где водку пьют вместо лимонада чуть ли не ведрами. Обидно, что фильм вышел на экраны в момент, когда, можно сказать без всякого преувеличения, среди

простых французов, не зараженных предубеждениями, ощущается острый интерес к нашей стране, к ее политике, к тому, как живут советские люди, какие фильмы смотрят, что читают, как отдыхают… Антисоветизм нуждается в постоянной подпитке, он не может не приспосабливаться…»

Это — газета «Советская культура». Слава богу, хоть обошлись без моего имени… Да что там антисоветского? Фильм-фарс. Русские сами бичуют все свои беды, а мне это ставят в вину Хотя, знаешь, в свое время Пушкин, по-моему, по этому поводу говорил (не помню дословно) примерно следующее: я терпеть не могу Россию, но становлюсь патриотом, если ее критикует иностранец. Ладно, разберемся.

В 1987 году издательство «Fayard», как и обещало, выпустило пробный тираж книги Влади «Vladimir ou le vol arrêté» — «Владимир, или Прерванный полет». Даже опытные книготорговцы не ожидали такого успеха. Издательство мгновенно получило новые заказы. Очень скоро общий тираж «Владимира…» с допечатками достиг ста тысяч экземпляров. «Это очень много для Франции. Я надеялась, у меня здесь будет всего несколько тысяч читателей, — говорила счастливый автор. — Вышло так, что моя книга необычайно взволновала людей. Они снова начали интересоваться песнями Высоцкого, покупать пластинки…»

Довольно скоро по Москве стали гулять машинописные копии полупрофессионального, «пиратского» перевода книги Влади. Московские издатели тоже зашевелились. Право на заключение договора получило издательство «Прогресс». Автору было предложено на выбор несколько кандидатур переводчиков. Поколебавшись, Марина сказала: «Чужому человеку я не объясню. Нужен свой».

Она пришла в «свой», до боли знакомый дом Абдуловых на улице Горького. Юлю Абдулову, дочь Севы, она помнила совсем маленькой девочкой. Сегодня это уже была серьезная молодая женщина с прекрасным, еще «домашним» знанием французского, подкрепленного университетским образованием.

Марина Владимировна положила перед Юлией книгу, изданную «Fayard»:

— Почитай. Завтра утром я приду Если тебе понравится и ты согласишься, значит, книга выйдет на русском. Если нет — ничего не будет.

«Она ушла. И я, честно говоря, очень боялась начать читать, — рассказывала Юлия. — При всем уважении к Марине я все-таки опасалась, что это будут мемуары вдовы великого человека. Этого не произошло…»

В Москве Влади честно и просто все объясняла: «Я рассказала о нем то, что знаю. И должна признаться: знаю я далеко не все. А всего не знает никто. Почему я решилась написать о нем?.. Меня однажды как-то повело — остановиться я уже не могла. Подтолкнули же меня к этому все чаще появлявшиеся в печати… как бы это сказать?.. гадости. Нет, конечно, не в ругательном смысле. Под гадостью я подразумеваю здесь ложь, домыслы — короче, все, что искажает лицо человека, перевирает его истинные черты — не имеет значения, в какую сторону. Главным образом меня возмутило то, что из Володи пытаются вылепить эдакого ангела. Нет! Он никогда и совсем не был ангелом! Он был нормальным человеком. Я должна сказать всем правду, не хочу, чтобы его засахаривали… Я хочу, чтобы он остался таким, каким был… Писала очень тяжело. Я три года плакала. Так что работа эта была очень тяжелая…»

* * *

Ну, и что теперь? Отдыхать? А как это: сидеть сложа руки? Марина подобного не понимала и не умела. Зато понимала: как это замечательно, что вынужденные паузы между съемками и репетициями в театре отныне можно заполнять таким увлекательнейшим занятием, как писание! И наоборот. Откладывая в сторону ручку, с головой уходить в актерство.

«Все-таки театр — это мое, — думала она. — Это не означает, что я не люблю свои роли в кино». По крайней мере, ролей двадцать из ста, по ее подсчетам, все же по-настоящему удались. Но прежде в кино из актрис творили богинь, недосягаемых и загадочных звезд. Марине же чаще всего приходилось создавать образ «женщины-вещи», вся задача которой — быть неотразимой красавицей. Таков был стандарт. А сейчас актрисы похожи на продавщиц в супермаркетах. Хотя к ним она относится прекрасно…

— Марина, солнце мое, приезжай скорее, — Этторе Скола[38] позвонил утром и долго извинялся за ранний звонок. — Я тебе даже сценарий высылать не буду. Я уверен: ты согласишься!

— А вот и нет! — Марина решила пококетничать.

— А вот и да, — спокойно возразил Этторе. — Потому что я сейчас скажу, кто будет твоим партнером в моем новом фильме. — Он сделал значительную паузу. — Марчелло…

Фамилию Мастроянни можно было не произносить. «Это была полная неожиданность. От волнения, ужасного смущения я, — вспоминала Марина, — даже залепетала что-то невнятное в

ответ. Ведь когда-то, в молодости, в „Днях любви“ я с ним начинала. Я обожала Марчелло как актера. Это, по-моему, один из лучших артистов». В конце концов она собралась и, как невеста перед свадьбой, решительно сказала: «Да!»

История, сочиненная Этторе Сколой, была проста, трогательна и сентиментальна. «Splendor» («Великолепие») — так назывался старый кинотеатр Джордана, который достался ему в наследство от отца. Но заведение постепенно хиреет, принося хозяину лишь неприятности и убытки. Он решает продать «Сплендор» бизнесмену, который собирается вскоре переделать кинотеатр в суперсовременный мебельный салон. Джордан приходит в свой старый кинотеатр в последний раз и вспоминает прежние добрые времена…

«Наш дуэт с Марчелло был божествен, — говорила Марина. — Но в разгар съемок я узнала, что умерла моя сестра Элен. А меня как раз загримировали для ретроспективных кадров — я в молодости. Предупредили, что если я зареву, то сорву съемки — никакой грим не позволит замаскировать мой реальный возраст. И я держалась. Целых три недели… Человек моей профессии часто не имеет права плакать, когда того требует душа. Это жестокая жертва. Но я не могла позволить себе неважно выглядеть. Профессиональный долг…»

Элен (Милица) по амплуа являлась трагической актрисой, с прекрасным низким голосом. Она была самая театральная из всех нас, считала Марина. Погибла она ужасно. Только купила новый дом, успела провести в нем одну-единственную ночь, а утром, случайно запнувшись на лестнице, упала и больше не смогла подняться. Инсульт, тромб — и смерть.

«Милица — это такое нежное имя, которое носила моя мать, сестра, которое я бы дала моей дочери, если бы она у меня была, — писала Марина в книге „Рассказы для Милицы“. *— Эти рассказы, приоткрывающие память и выплескивающие воспоминания, — сладко-горькая хроника. На разных страницах возникают всевозможные персонажи, оставившие след в моей жизни. Это путешествие в самое сердце событий, которые выковали мою душу. Это еще и память по рано ушедшей сестре Милице».*

В Каннах «Сплендор» номинировали на «Золотую пальмовую ветвь». К сожалению, Сколу обошли более удачливые конкуренты. Хотя приз прессы тоже являлся достойной наградой.

* * *

— Поздравь меня, Марина! — Шварценберг был радостно

возбужден. — Моя министерская карьера наконец-то завершилась!

— Что случилось?

— То, что и должно было случиться! — Леон по-прежнему широко улыбался. — Я сегодня провел пресс-конференцию и огласил перечень первостепенных мероприятий: систематическая проверка на СПИД всех беременных и оперируемых. Далее: бесплатная раздача метадона токсикоманам, бесплатное обеспечение наркоманов шприцами и презервативами. И, наконец, создание журнала по текущему лечению госпитализируемых пациентов.[39] В общем, мне сказали, что я превышаю свои полномочия, как и в пропаганде эвтаназии… Предложено оставить пост в министерстве. Вот и слава богу, больше времени останется для практики. Ты расстроена?

— Нет, — коротко ответила Марина. — Думаю, все правильно. Я вообще с трудом представляла тебя чиновником, занятым всякими интригами и погрязшим в бумагах… Сколько ты просидел в кресле министра? Девять дней? По-моему, это мировой рекорд. Я горжусь тобой… Кстати, по православной традиции, на 9-й день устраивается тризна по усопшему, своего рода жертвоприношение..

Давай-ка и мы с тобой выпьем…

«Помянув», Марина спросила: «А ты не хочешь поехать со мной в Москву? Звонила Юля, потом директор „Прогресса“, они говорят, моя книжка вот-вот выйдет из печати. Готовят презентацию и все прочее.

— Поздравляю. Вот это действительно событие! Но в Москву я сейчас поехать с тобой не смогу, извини. У меня очередь на операции на три месяца вперед».

…Для пресс-конференции, посвященной выходу в Москве книги «Владимир, или Прерванный полет», режиссер Марк Розовский предложил зал своего театра «У Никитских ворот». Мероприятие продолжалось уже более двух часов, журналисты уже закрывали блокноты, выключали диктофоны. «Неожиданно со своего места поднялся молодой человек. Насколько мне удалось понять из сказанного Никитой Высоцким, — стенографировал один из репортеров, — семья отказывалась признать недостатки поэта, о которых рассказала Влади. Вызвало недовольство и то, как Марина повествует о взаимоотношениях Высоцкого с семьей. Влади обвинялась в погоне за громким именем и деньгами. Сыновья Высоцкого покинули зал.

— Я устала от всего этого, — горестно сказала Марина…»

На той пресс-конференции Никита Высоцкий (уже не Абрамов) заявил: «Мы подаем в суд… За клевету…»

Суд? Какая еще Фемида была способна отобрать у нее право на память? Или своим приговором объявить вне закона ее собственное мнение? Или вообще лишить слова?.. Марина была унижена, оскорблена. Она понимала, что эти мальчишки, сыновья Володи, не стоят ее слез и сердечной боли. Совсем других людей она обвиняла в том, что Высоцкий умер, не успев ни дожить, ни долюбить.

«Меня упрекали, что я не все рассказала, что-то придумала, — говорила она тем, кто хотел ее услышать и понять. — Нет. Это моя жизнь, я писала о том, что я знала, о нем, о той среде, в которой мы жили. Я там искренне рассказывала про нас, про нашу любовь… Было очень сложно, но я справилась. Я решила, что если уж я пишу о нем, я должна писать обо всем, обо всех его проблемах страшных… Я вытащила из себя все, что накопилось и мешало мне продолжать жить…

Я хотела объяснить, почему этот человек умер так рано. Когда он не пил, он был гениальным актером, трагическим, глубоким. То, что я написала… я имела на это право. Это моя жизнь, мои воспоминания… Высоцкий был… как все мужики, он тоже гулял, особенно когда пил, — а он часто пил. Он цеплялся за жизнь своими изменами, но он был все-таки интересный человек и гениальный поэт. Про него можно столько всего рассказать!.. Он был удивительный, очаровательный, смешной, не тщеславный, сильный, скромный. И вместе с тем хитрый, лукавый…

Он жил под большим напряжением. Он был бесконечно талантлив, его бесили барьеры, на которые он постоянно натыкался, он все вопринимал слишком болезненно. Это было страшно, когда как будто бы все можно, но на самом деле ничего нельзя. Приходилось постоянно бороться с этой ватной стеной. Отсюда и его надрыв, когда боль надо заливать водкой. Он всю жизнь шел „по проволоке“.

Ведь, с одной стороны, его все обожали, а с другой — он никогда не видел своих стихов напечатанными. Как будто его нет… Когда я говорю об этом французам, они не понимают: ведь главное, чтобы люди его любили. Они не понимают, как чувствуют себя люди, которым все было запрещено: ставить спектакли, выпускать книги, записывать пластинки. Перед ним все время горел „красный свет“, это его выводило из себя. Тем более что он жил со свободной женщиной. Может быть, до встречи со мной он не чувствовал так остро эту несвободу… Страдания, унижения, излишества — все это убило его».

Книга Влади острым топором расколола надвое армию друзей, товарищей, знакомых, коллег и поклонников Высоцкого. Одни восхищались пронзительной исповедью, другие напрочь

отвергали.

Возмущался Юрий Любимов: «Мне достаточно неприятны… мемуары Марины Влади. Так выворачивать наизнанку свою личную жизнь!» С ним был солидарен певец и депутат Госдумы Иосиф Кобзон: «Я не хочу знать, что происходило в интимной жизни Высоцкого… Какое мое собачье дело?! Он для меня — бог и кумир!» Писательница Виктория Токарева назвала «Прерванный полет» книгой-местью: «Марина воздала всем своим обидчикам, главному герою в том числе. Я убеждена: все, что написано в книге, — правда. Высоцкий был алкоголик и наркоман. Но зачем нам это знать? Для нас, русских людей, Владимир Высоцкий — это Спартак, который вел рабов к свободе… Нам не нужна бытовая правда». Валерий Золотухин хитрил: «Во-первых, я ее не читал… Просто мне проза женская, лирически возвышенная, неинтересна… Во-вторых, она женщина другой культуры…»

По отработанному десятилетиями сценарию к общему хору приплели и «голос простого народа». Газета «Литературная Россия» чуть не полполосы отвела открытому письму «В угоду сенсации», подписанному ветераном труда, инженером Алхимовой, преподавателем литературы Нестеровой и членом Союза журналистов СССР Цветковой. Милые, возможно, женщины негодовали: «В любовь М.Влади можно было бы и поверить, если бы не унижающие достоинство ее покойного мужа натуралистические сцены, для которых автор не жалеет красок… Не пощадила М.Влади своего мужа и в чисто интимных подробностях… М.Влади отводит себе роль и этакого открывателя цивилизованного заграничного рая… Она подчеркивает свою ведущую роль гида, знатока, спасительницы. Мысль, которая, можно сказать, подспудно навязывается читателю: это она, М.Влади, фактически создала Высоцкого… Непочтительнее всего, мягко говоря, Марина Владимировна отзывается о родителях Высоцкого и особенно о его отце — фронтовике, офицере… Допустим, отец мог разговаривать с сыном как угодно резко. А разве в других семьях этого не бывает?.. М.Влади была желанным гостем в нашей стране. Русское гостеприимство ей довелось испытать не раз. А вот чем она ответила на это доброжелательство и открытость?.. Немало занимают автора проблемы продовольственного и промтоварного дефицита в нашей стране… Непонятное тяготение испытывает автор к самым „приземленным“ темам — нашим расхлябанным дорогам, далеко не „эстетичным“ общественным туалетам и, извините, толстым задам…»

Совсем уже недостойным стало инспирированное специалистами письмо Нины Максимовны Высоцкой на имя

главного редактора газеты «Правда»:

«Пишет вам мать артиста Владимира Высоцкого, ушедшего из жизни в июле 1980 года. Переживая трагедию потери единственного сына, я страдаю еще и из-за обстановки, сложившейся вокруг его памяти… В январе этого года в издательстве „Прогресс“ вышла книга вдовы сына, М. Влади, „Владимир, или Прерванный полет“. О выходе этой книги шумела вся советская пресса, а когда она появилась кое-где в продаже и, конечно же, на черном рынке, начался настоящий „западный бум“… Автору была предоставлена в нашей стране широкая трибуна — эстрада, театр, радио, телевидение, пресса (публикации прошли более чем в пятнадцати газетах).

Как в книге, так и во всех публикациях М.Влади дает ложные сведения о некоторых событиях, а также дискредитирует нас — отца и мать… не говоря уже о том, какими эпитетами она награждает покойного мужа.

Убедительно прошу поручить журналистам „Правды“ встретиться со мной…»

Уберег Бог от благоглупостей главного редактора. Не стал он публиковать это письмо и от встречи уклонился. Может быть, он больше доверился мнению авторитетного критика Наталии Крымовой, сказавшей о Марине: «Она человек честный. Через многое ей пришлось пройти и многое было под секретом. Она очень буквально и точно описала то, что ей довелось пережить. Это надежный источник…»

Конечно, Влади была прекрасно осведомлена о реакции, которую вызвала ее книга в Советском Союзе. Информировали и друзья, и недоброжелатели. Как она воспринимала обвинения, упреки и оскорбления? Странный вопрос.

«Я очень эмоциональный человек, — не скрывала Марина Владимировна. — Я могу заплакать, слушая Марию Каллас или даже когда гляжу на картины некоторых художников. Вся прелесть жизни заключается для меня в том, чтобы внешне быть крепкой и твердой, а внутри — очень ранимой… Без эмоций я не смогла бы стать актрисой…»

Что касается хулителей, то ответ ей подсказал сам Высоцкий той душной июльской ночью 1980 года. Когда она перебирала рукописи мужа, наткнулась на клочок бумаги, на котором он неизвестно когда и где записал пришедшие в ту минуту две странные строчки:

Равны же во Антихристе
Мы, братья во Христе…

Когда «технология конфликта» обнаружила слабые места «обвинения», тактику борьбы с Влади пришлось несколько скорректировать.

«Судиться с ней собирался не за творческое наследие отца, — теперь стал говорить Никита, — а за клевету на моего деда… Марина в своей книге… не очень хорошо отозвалась о Семене Владимировиче — написала, что он якобы „стучал“ на своего сына… Это чудовищная клевета. После этого деда до конца дней травили звонками с угрозами, незнакомые люди писали ему оскорбительные письма. А ведь Марина ничего толком не знала о нашем деде… Да, дед был очень тяжелым, взрывным, темпераментным человеком. Безусловно, между ним и отцом могли быть и ссоры, и оскорбления, но я при этом не присутствовал…»

«Я не судья Марине, — признавал молодой человек. — У нее был шанс пройти посередине. Если бы она прошла по этой грани, огромного количества грязи, сплетен, откровенной неправды об отце удалось бы избежать… Дело не в том, что мне не хотелось бы, чтобы люди знали, что отец пил. В нашей стране пьет каждый второй. А Высоцкий — один. Надо писать не о том, чем он похож на остальных, а о том, чем он отличался… В этой книге есть жуткие вещи о моем деде. Он так и умер с этим, оклеветанный. Отдавая должное Марине как женщине, которую любил мой отец, я считаю эту книгу скверной… При жизни отца я Марину видел пару-тройку раз. У нее была другая жизнь, которую я не понимал. Я с ней реально познакомился, когда отец умер. Тогда все были объединены этим горем, но с годами эмоции ушли в сторону, и люди разошлись. Я не думаю, что отец сильно переживал из-за того, что его дети не были близки с Мариной и ее детьми…»

Чуть позже он даже допускал сожаление: «К Марине я отношусь уважительно. Она была женой отца, поэтому мне ничего больше не нужно, чтобы я ее уважал. Это его выбор, его жизнь, его жена. Те вещи, которые она видела лично, безусловно, имеют огромную ценность. И потом, она талантливый человек. Книга хорошо написана. То, что она написала с чужих слов, после „разрыва“ с частью отцовских друзей, имеет массу неточностей. Потом Марина сама начала страдать, поняв, что открыла шлюзы „мусору“. Ведь писать можно все, можно прикладывать его друзей, родителей и т. д. И в результате дошла очередь и до нее. И несколько раз, очень серьезно, абсолютно незаслуженно, она была оскорблена. Кстати, много лет, что она здесь не появляется, во многом следствие этого. Многие очень нехорошо, очень некрасиво выступили в отношении нее…»

А его старший брат Аркадий и вовсе признавал: «Я сохранил

о ней самые прекрасные и замечательные воспоминания. Я с ней никогда не ссорился. Я переписывался с ее детьми. Когда она привозила в Москву своего Вовку, я всегда ходил с ним на каток. И вообще, от Влади никогда не дистанцировался. Конфликт с Мариной Влади произошел не у меня, а у моего любимого деда… Конфликт, видно, был на почве каких-то непониманий, столкновений, амбиций. Дед мой воевал, был полковником, очень принципиальным человеком. Он не хотел, чтобы его единственный сын Владимир брал в жены „француженку русского происхождения“. Мы с Никитой ни одного плохого слова о Марине не сказали. Мы ее очень уважаем, мы читали ее великолепную (!) книгу об отце, хорошо знаем ее биографию. Мы восхищены тем, как она подняла всю свою семью, своих родителей и всех своих сестер тащила, родила сама троих детей и отлично их воспитала, дала всем образование… Ей очень тяжело в жизни пришлось. Она достойна настоящего глубокого уважения…»

«Она сильный человек, по натуре боец, она красивая женщина, актриса, но у нее мужской драчливый характер. Мне кажется, для нее не существует обратного хода. Если она что-то сделала, это уже не обсуждается. Я хотел с ней встретиться в Москве, но мы разминулись. А когда был во Франции, то даже не пытался. Мы совершенно разные люди. При этом я испытываю к ней огромное уважение за то, что она сделала для моего отца при жизни и после его смерти. Я ей благодарен даже за эту книгу».

Михаил Шемякин поначалу был на стороне сыновей Высоцкого. Однако, когда Никита начал откровенно торговать именем отца и его творческим наследием, отдал на откуп современным аранжировщикам тексты песен, позиция Шемякина изменилась: «Очень неприятный парень. Я ему звонил и сказал, что, если бы отец был жив, он бы ему просто разбил морду в кровь. Он сейчас издает эти мои пластинки, они вынимают чистый голос Высоцкого и накладывают на другой музыкальный фон, для новых русских, называется „Песни Высоцкого в новом музыкальном обрамлении“. Я говорю: „Что же ты, подлец, делаешь? Это мои записи, мы работали с твоим отцом семь лет над всем этим!“ А он: „Я только продал права на слова“. Я говорю: „Ты, мерзавец, врешь! При чем здесь слова — люди пользуются голосом, который записал я. А ты взял и продал эти пластинки!..“

В начале 2008 года в Самаре была открыта скульптурная композиция Шемякина „Высоцкий и его время“. В нее он ввел и образ Марины Влади.

— От такого шага меня отговаривали многие друзья, —

рассказывал ваятель. — У нас с ней всегда были сложные отношения. Но все же я решил отобразить Марину в бронзе. Если честно, она многое сделала для Высоцкого в последние годы его жизни. И сам он писал: „Тобой и Господом храним“. То, что он столько прожил, это благодаря именно Марине. Однако я все же выразил в скульптуре свое сложное отношение к этой женщине: она у меня представлена со своей нашумевшей книжкой в руках, а из книжки выползает маленькая гадюка… Пилюлю подсластил тем, что тщательно проработал прекрасное лицо Влади и одел ее в платье принцессы Клевской — помните эту ее роль в одноименном французском фильме?..»

* * *

«Милосердие заключается совсем в другом, — считала Влади. — Родным Володи, находящимся… в раздоре со мной, скажу: бороться надо не со мной, а с теми, кто греет руки и наполняет карманы на имени Высоцкого…»

Она была потрясена, увидев собственными глазами, как на Ваганьковском кладбище «за два рубля торгуют нашими с Володей фотографиями, которые были в *нашем* доме. Как они туда попали?.. Ко мне подошел один человек и предложил выкупить хотя бы небольшую часть моих частных писем. То есть на рынке можно обнаружить мои письма, мои любовные письма к Володе?!. Самое личное, самое интимное выставлено напоказ, на всеобщее обозрение… Меня… обвиняли, что я продала все рукописи Володи… Все, что было написано Володей, я сдала в архив. Все, кроме его писем, написанных им мне… Оставила себе и листок, на котором его рукой записано последнее стихотворение: „Мне меньше полувека…“ Я нашла этот текст после его отъезда. Когда он умер, я поняла, что это его последние стихи. Но потом я отдам и это».

В 2005-м по приглашению Влади в Париж приехала директор Российского государственного архива литературы Татьяна Горяева, которой Марина решила отдать оставшуюся часть архива. «Я не ожидала увидеть *такую* Марину, — искренне восхищалась архивистка. — Знаменитая, звезда, а лицо ничем не „подправлено“, божественно спокойна, осанка юношеская. Поразила меня искренностью, быстрыми переливами настроения. Славянская натура — переменчивая, безоглядная, широкая. Талантливая во всем… В гостиной на столе стоял кованый сундучок. Едва она прикоснулась к крышке, открыла, как ее просто заколотило. Потом мы перенесли из кабинета еще два,

выгребли на тот же стол новые пакеты, в которых все было разложено по годам — его письма, ее, телеграммы… Фотографий — не одна сотня! Очень живые, непосредственные, сама снимала… Я так разволновалась, что задала Марине достаточно нелепый вопрос: „И это нам?“ Она залихватски, от плеча махнула рукой: о чем, мол, речь! Отдала все-все, без счета. Объяснила: „Для детей моих это — чужое, я — не вечна. Значит, должны быть там, где их поймут и сберегут“».

Но поставила одно непременное условие: при ее жизни фонд Высоцкого будет закрыт.

* * *

Россия «Колдунью» никогда не забывала и всегда хотела ее видеть. Когда Евгений Татарский задумал снимать фильм по повести Толстого «Упырь», то в главной роли он видел только Марину Влади. Но с подбором исполнителя роли ее любовника, князя Потемкина, пришлось помучиться. Героиню никто не устраивал. В конце концов Татарский взмолился: «Кого же ты хочешь, Мариночка?»

— Марлона Брандо! Вот кто бы подошел!

Эпизод с Потемкиным можно было снять за одну смену. Правда, съемочный день мэтра стоил миллион долларов. Но поскольку фильм продюсировали японцы, с деньгами проблем не было. Жаль только, сам Брандо захворал и свидание Марины со старой любовью не состоялось.

«Господи, она была чудо как хороша! — восторгался режиссер. — И как же ее любили в нашей стране! Был случай, когда после съемок в Крыму буквально перед отъездом Марина мне говорит: „Можешь со мной на базар поехать? Хочу сувениры на память купить“. Жара на улице стояла чудовищная, солнце палило. Марина надела большие черные очки, широкополую шляпу, да еще косынку повязала. Мы приехали на рынок, но не прошло и трех минут, как ее вычислили, и пошло-поехало. Собралась толпа, все тащили ей корзинки с фруктами и овощами. „Не возьму!“ — кричала она, но я ее приструнил: „Марина, это неприлично! Люди к тебе со всей душой, бери! У нас так не делается, чтобы от подарков, которые от всего сердца, отказываться“. В итоге я попросил все погрузить в машину. Приехали на площадку, раздали подарки киногруппе, да еще Влади вечером банкет устроили по поводу отъезда! Марина тогда была как статуэтка, хотя уже отметила 52 года… „Женя, — говорила она мне. — Снимай быстрее. Надо успеть, пока еще не

противно ложиться со мной в постель!“»

На родине она продолжала успешно работать в театре. Все-таки сыграла свою Раневскую в «Вишневом саде» на сцене театра «Эпас Пьер Карден» на Елисейских Полях в постановке режиссера Марселя Марешаля. Рецензенты не скупились на комплименты в адрес актрисы: «Она завораживает по-прежнему сияющими глазами, неподражаемой женственностью и грацией. Несмотря на истинно парижский шик, Марина Влади с удовольствием подчеркивает свое происхождение, произнося чеховские имена чисто по-русски, не меняя ударений. На премьере зрители то заливались искренним смехом, то откровенно всхлипывали. Когда сцена опустела и раздались знакомые звуки — „далеко в саду топором стучат по дереву“, — одна дама в партере вскрикнула, захлебываясь словами: „Что это за шум? Неужели они все-таки рубят деревья? Какой ужас!“ Аплодировали долго. Даже кричали „браво“ — что в Париже большая редкость…»

Затем Марина стала Гертрудой в классической шекспировской пьесе. Так случилось, что в те дни в Париже гостил Юрий Петрович Любимов. Она пригласила создателя «Таганки» на премьеру «Гамлета». Волновалась, ей очень важна была именно его оценка. Но режиссер ушел, даже не дождавшись окончания спектакля. Марина была уязвлена. Звук хлопающего кресла во время представления — наихудшая разновидность аплодисментов.

Зато она сочинила роман. Если прежде писала воспоминания, мемуарную прозу, то теперь это уже был полноценный роман с интригой и сюжетом. Героиней книги «Le Collectionneur de Venise» — «Венецианский коллекционер» — была актриса. «Я взяла знакомый материал, — говорила Влади. — Хотя нет, наоборот, я написала женщину, противоположную мне по характеру».

Итак, стареющая актриса, которую уже не волнуют какие-либо творческие вопросы. Спектакли, кинофильмы, премьеры — все это уже в прошлом, пройденный этап. Да и вообще, эту женщину мало что интересует в жизни. Правда, где-то в деревне воспитывается ее сын, но он не способен скрасить одиночество немолодой женщины. Однако далеко, в Венеции, живет преданный поклонник актрисы, который коллекционирует все, что так или иначе связано с ее именем… Давным-давно, еще 14-летним подростком, он влюбился в звезду экрана, и вот только сейчас (ему уже далеко за сорок) коллекционер осмелился пригласить ее к себе в гости. И она решается на сумасбродство — приезжает к своему заочному поклоннику и попадает в своеобразный музей, который носит ее имя. Венец коллекции — кукла, ее миниатюрная, изящная копия в роскошном платье

королевы.

Тоскующей от одиночества и забытья женщине начинает казаться, что коллекционер — именно тот единственный человек, который ее по-настоящему любит и боготворит. Но — ирония судьбы! — оказывается, он любит не столько ее, сколько свою коллекцию, посвященную ей. Катастрофа душевная сменяется природным катаклизмом. В результате страшного наводнения в Венеции актриса гибнет.

Заканчивается роман печальной сценой: коллекционер и сын актрисы на гондоле плывут на кладбище, чтобы возложить цветы на ее могилу…

Впрочем, сюжет не являлся лишь плодом воображения Марины Влади. У главного героя был реальный прототип — некий итальянец, венецианец. На протяжении многих лет поклонник собирал все, что касалось ее жизни и творчества, — афиши ее спектаклей и фильмов, статьи о ней, рецензии, видеозаписи, плакаты, открытки, дурацкие чашки с ее профилем, автографы и пр. «Когда я увидела его коллекцию, то была ошеломлена. Это что-то невероятное! — говорила Марина. — Он был влюблен лишь в созданную и взлелеянную им легенду».

Задумывая «Коллекционера», она, конечно же, вспоминала себя, молодую, беспечную и самоуверенную, которая, смеясь, отталкивала от себя и Высоцкого, и других и говорила всем: «Да нет же, нет! Вы влюблены лишь в миф, сказку, в которую поверили, глядя на киноэкран. Все безнадежно влюбляются в актрис!.. Не надо!»

Теперь Марина уже не мыслила своего существования без письменного стола: «Я вошла во вкус писательского дела. Похоже, это увлекло меня всерьез и надолго. Компьютеры ненавижу. Все говорят, что я дура. Но я не могу. Я пишу Feutre, фломастер, тонкий такой, которым очень легко пишется. Вот простая тетрадь, обычная школьная зеленая тетрадка. Я могу в любом месте писать, в самолете, в отеле, если на гастролях…»

Взяв ручку, она открыла для себя совершенно удивительный мир, подаривший ей возможность самовыражаться как-то по-особому. Наиболее честно, что ли. «Все зависит только от тебя. И это мне нравится. Человек целиком отвечает за то, что создает… Это тяжело. И легко — ведь никто не стоит у меня за спиной и не говорит, что „это вот не так“, а „вот это я уберу“. Я всегда очень любила писать письма. В школе, хоть я там и недолго училась, писала рассказы…»

Иногда у нее прорывались слова признательности Высоцкому за свой первый писательский опыт («Бабушку» она не считала даже «пробой пера»): «Я благодарна ему, я никогда не стала бы

писателем, если бы не он. Потом я уже написала другие книги, но это стало возможным только после первой книги о нем…» Он подарил ей веру в себя, в собственные силы.

В один из летних вечеров, когда она скучала в одиночестве (Леон, как обычно, отсутствовал — на сей раз по своим депутатским делам в Европарламенте), к ней в гости напросились друзья-телевизионщики, пообещав, что привезут с собой интересного гостя из Ленинграда.

— Конечно, приезжайте. Буду ждать.

Весь вечер российского гостя (он оказался известным кинооператором-документалистом) донимали вопросами об Афганистане. Всем хотелось услышать рассказ живого очевидца событий, а не предсказуемые до последней точки комментарии политических обозревателей и комментаторов. Зрительная память у парня оказалась отличная, снайперская. Он снимал происходящее, а глаза его словно фотографировали все это и откладывали увиденное в нужный уголок памяти.

— …«Груз 200»? — переспросила его Марина. — А что это?

Оператор начал подробно рассказывать о цинковых гробах с телами погибших солдат, которые бортами бесконечной вереницей отправлялись из «Афгана» на родину, в Союз. И она вдруг ясно увидела, как в немом кино, эту страшную картину, темные движущиеся фигуры, укладывающие в чрево самолета свой страшный груз. Потом разглядела сумрачные лица этих молодых ребят, солдат и офицеров, их пустые глаза… Гость еще что-то говорил, дополнял рассказ какими-то жуткими подробностями, а Марина вспоминала потрясенное лицо Высоцкого, который застыл перед телевизором, сидя вот в этом самом кресле в конце 1979 года и неотрывно следя за репортажем французских операторов откуда-то из Кандагара или Джелалабада. Ужас сменился дикой яростью, Высоцкий сорвался с места, готов был тут же мчаться в советское посольство, добиваться разговора с Москвой, с Брежневым, с кем угодно!.. Тогда она едва удержала его. И Высоцкий просто заплакал…

«Я ведь киношник, а потому и пишу, как киношник, — раскрывала свою „технологию творчества“ Марина. — Сначала вижу свою книгу, как кино. А потом, когда все готово, записываю то, что увидела. И вот тогда я тоже увидела все!.. Оставалось только записать эту историю о цинковых гробах, доверху набитых горем, выпавшим на долю целого поколения молодых советских солдат и их родителей…»

Так родился роман «Путешествие Сергея Ивановича» — история чистого и светлого парнишки — юноши из белорусского Полесья, которого сразу через несколько месяцев после призыва

отправили исполнять «интернациональный долг». Он проходит через все круги ада афганской войны. Оказывается вовлеченным в двойной криминал: сначала его заставляют убивать, а потом сопровождать «груз 200» — тело убитого солдата, цинковый гроб которого заодно используют для транспортировки наркотиков. В конце концов он возвращается домой. Перед… самым Чернобылем.

«Для меня, — говорила Влади, — этот парень был сродни герою русской народной сказки… Но название книги я выбирала с учетом французского читателя. Я услышала в нем какую-то перекличку с солженицынским „Одним днем Ивана Денисовича“ и решила, что это может привлечь внимание. К тому же французы еще помнят войну, которую они вели в Алжире: такие же ребята были брошены туда, в это пекло, и вернулись убийцами, встретив дома обращенные к ним спины…»

Каждую главу романа Марина заключала стихотворными строками Высоцкого:

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
От того, что убили — его, не тебя…

В 1993 году Юлия Абдулова, как и тогда с «Прерванным полетом», получила от Марины только что выпущенную в Париже книжку «Путешествие Сергея Ивановича» с настоятельной просьбой: прочти. Если понравится, начнем работать, посторонним давать на перевод не хочу.

Затем Марина Влади предложила готовую рукопись российским издателям. Роман с интересом принимали, быстро прочитывали и — отказывали. Почему? Ответы были уклончивыми. Лишь в одном издательстве главный редактор рискнул объясниться с «молодым автором»: «Понимаете ли, уважаемая Марина Владимировна, сейчас, когда в Чечне полыхает война, антивоенный пафос вашей книги может только дополнительно накалить страсти… Простите. Будет что-либо иное, поверьте, мы готовы к сотрудничеству …»

— Вспомни, Марина, а не ты ли отправляла телеграмму генералу Александру Лебедю с требованием немедленно прекратить резню в Чечне? — задал ей каверзный вопрос один добрый московский знакомый. — Ладно, если бы только адресату… На кой ляд тебе понадобилось публиковать эту «телегу» во всех газетах?

— Но я…

— Да, ты. Вот и получай, родное общество «Франс-Юньон Совьетик»!

Прошло более десяти лет, пока «Сергей Иванович» все-таки был опубликован в России. А еще через несколько лет, в 2009-м, на кинофестивале в Каннах во время традиционной «Русской ночи» с грандиозным фейерверком и банкетом Марине вручили почетный знак «За вклад в развитие культурных связей России и Франции», доверительно напомнив, что ранее этой награды удостаивались только Морис Дрюон, Пьер Карден и Мишель Легран. Отныне, Марина Владимировна, вы — украшение этой достойной компании…

— Спасибо. Я тронута.

* * *

— Марина, ты только не волнуйся. Час назад звонили с Таити…

— Жан-Клод? — она остановилась у порога, даже не успев войти в дом.

— Нет.

— Игорь?

Шварценберг был бледен, взволнован больше обычного, только и смог кивнуть: «Да».

— Что с ним? Он жив?

— Автокатастрофа. Он жив, сейчас в коме, находится в реанимации, я говорил с коллегами, положение непростое.

— Я должна лететь.

— Мы летим вместе, я уже заказал билеты. Вылет завтра в восемь утра.

Совсем недавно Марина звонила сыну, поздравляла с 40-летием, интересовалась здоровьем. Игорь заверял ее, что у него все в порядке, что он бодр, чист, как слеза, и готов к своему следующему сорокалетию.

Способный, талантливый мальчишка, он в 15 лет пристрастился к наркотикам, сбегал из дома, шлялся неизвестно где, связался с хиппи, вместе со своим кузеном Алексом докатился до воровства… Слава богу, хоть удалось избавить его от того адского зелья. Чего это стоило, вспоминать не хочется. В своих увлечениях всегда разбрасывался: то снимался в кино, то занимался гитарой, то живописью. Вечный искатель приключений на свою… голову. Потом каким-то образом нашел общий язык с отчимом, укатил к Жан-Клоду в Полинезию, тоже, как и Володька, стал заниматься этим черным жемчугом. Образумился.

И вот теперь…

Подробности того, что произошло с Игорем, они с Леоном узнали, только когда добрались до этого чертова атолла. Вместе с друзьями сын стоял на обочине дороги, они разговаривали. Неизвестно откуда появившаяся машина на огромной скорости врезалась в компанию. Один из друзей Игоря погиб мгновенно, трое других — в реанимации.

Когда Марина увидела сына в больнице, ей стало дурно, она едва не потеряла сознание. Как хорошо, что рядом был Леон. Вид Игоря ужасен, он весь закован в гипс, опутан массой проводов, тянущихся к каким-то аппаратам. Лечащий врач мнется и ничего толком не может сказать. Будущее туманно. Выйдет ли когда-либо из комы пострадавший — неизвестно. Впрочем, и так все ясно: даже если произойдет чудо и Игорь и выкарабкается, он на всю оставшуюся жизнь будет инвалидом. На-все-гда.

Но едва встал вопрос об ампутации, женщина-хирург сказала: «Я не смогу отрезать ногу такому красавцу!» — и штопала его семь часов подряд. Марина не допускала для сына ничего иного, кроме выздоровления. Врачи рекомендуют: постарайтесь пообщаться с больным. Она приходит к Игорю каждый день, рассказывает о его детстве, поет, читает стихи, делится какими-то самыми сокровенными мыслями. Время останавливается для них. «Я доверяю тебе мои тайны, — шепчет она ему и самой себе, — в уверенности, что они достигнут глубин твоего сознания».

Постепенно состояние Игоря меняется. Он начинает дышать, спустя пять недель впервые открывает глаза. Но она еще не знает, какой удар ждет ее после возвращения к жизни сына. Ребенок не узнает ее, свою мать. Он отталкивает ее, смотрит на нее безумным взглядом, в его глазах Марина читает только ненависть и гнев. «Говорите, говорите с ним как можно больше», — опять советуют ей врачи. Своими рассказами о раннем детстве Игоря Марина пытается оживить его притуплённую память. Но эти воспоминания пугают его еще больше.

Потом он все-таки возвращается к жизни, бросая вызов мрачным медицинским прогнозам. Начинает кое-как говорить, требует жареной картошки, сигареты. Но глаза его по-прежнему пусты. Марина в ужасе, что к ее сыну больше никогда не вернется разум: «Я уже почти сожалею, что смерть пощадила его».

Понемногу, ценой многочисленных операций и изнурительных упражнений, искалеченное тело сына получает некоторую самостоятельность. Марина вновь начинает чувствовать себя матерью. Она держит за руку своего ребенка, что-то напевает, читает стихи, шепчет слова любви у колыбели своего страдания.

В местной библиотеке случайно обнаруживается томик Александра Куприна. Вечером она читала Игорю свою заветную «Олесю». Читала и плакала:

«… *Олеся задумалась. Вдруг слабая улыбка пробежала по ее губам.*

— Я тебе на это скажу маленькую сказочку. Однажды волк бежал по лесу, увидел зайчика и говорит ему: „Заяц, а заяц, ведь я тебя съем!“ Заяц стал проситься: „Помилуй меня, волк, мне еще жить хочется, у меня дома дети маленькие“. Волк не соглашается. Тогда заяц говорит: „Ну, дай мне хоть три дня еще на свете пожить, а потом и съешь. Все же мне легче умирать будет“. Дал ему волк эти три дня, не ест его, а только все стережет. Прошел один день, прошел другой, наконец, и третий кончается. „Ну, теперь готовься, — говорит волк, — сейчас я начну тебя есть“. Тут мой заяц и заплакал горючими слезами: „Ах, зачем мы мне, волк, эти три дня подарил! Лучше бы ты сразу меня съел, как только увидел. А то я все три дня не жил, а только терзался!..“

Потом были новые операции, когда удачные, когда не очень. Во всяком случае, в 2010 году Игорь смог даже приехать вместе с мамой в Москву, смотрел ее спектакль о Владимире Высоцком. Ходил, правда, с большим трудом, по Москве, в которой в детстве проводил каждое лето…

Она написала жесткую книгу „Безумный ребенок“. Предупреждая все вопросы, говорила: „Я стремилась не рассказывать о своих страданиях, а попытаться разобраться в тайне: почему человек выходит из комы другим… В конечном итоге смерть побеждает все и всех. Но любовь все равно в каком-то смысле помогает, спасает и придает невероятную силу… Жертвенность есть в моих генах“.

Два других сына — Пьер и Владимир — время от времени навещали маму в Париже. Младший все-таки оставил свой жемчужный бизнес и уехал из Полинезии. „Сначала я переживала за него, — рассказывала Марина. — Но Володя мастер на все руки. Если что случится, он не пропадет… Но не авантюрист, нет! Но настоящий непоседа, человек свободной профессии… Женился на девушке из Южной Америки, купил ранчо в пустыне Чако (где-то на границе Бразилии и Парагвая), завел коров и стал ковбоем — у него были тысячные стада. Через десять лет развелся и открыл ресторан уже в Южной Африке, в Кейптауне. Потом увлекся фотоделом и тайским массажем. Опять разводился, женился. Все у него получается, но все он бросает на полпути… Позже вернулся на Таити к прежней любви. Охотится на громадных рыб…“

Пьер? Пьер, как и прежде, играет на своей гитаре и

внимательно смотрит на мир…

* * *

Разбирая вечернюю почту, среди писем, газет, журналов, счетов, рекламных проспектов, приглашений на какие-то премьеры и презентации, а также прочей дребедени, Марина заинтересовалась плотным конвертом с совершенно неизвестными ей обратным адресом и именем корреспондента: „Ницца, Вероник Ольми…“

Запоздалая поклонница?.. А вот и нет, в пакете оказалась пьеса с нейтральным названием „Переход“. И коротенькое письмецо от автора — Вероник Ольми, автор нескольких пьес, которые ставились в любительских театрах, а также еще не опубликованного романа „Первая любовь“. И что? Ага, вот мини-аннотация „Перехода“ — пьеса о последнем периоде жизни великой русской поэтессы Марины Цветаевой. Уже интересно. И последняя фраза письма: „Эта пьеса для Вас, madame Vlady“. Даже так?

Марина отложила пьесу в сторону: прочту, обязательно прочту. Только боже сохрани, чтобы эта Вероник — молодая… да, действительно, для писательницы даже юная дамочка — не оказалась из того несметного легиона авторов „женских романов“. В свое время Марина была яростной феминисткой, боролась за легализацию абортов, когда они были запрещены во Франции, за права женщин во всех сферах, политике, бизнесе. Но наотрез отказывала в праве на жизнь такому жанру литературы, как „женский роман“, и гордо заявляла: „Каждая моя книга — это как хороший удар кулаком“.

Но не удержалась и все-таки открыла рукопись пьесы о Цветаевой. И тут же вновь отвлеклась от текста. Усмехнулась, вспомнив, как когда-то оконфузилась на поэтическом вечере Ахмадулиной. Тогда Белла вышла на сцену и объявила: „А теперь я прочту о Марине“. Влади, сидя в зале, вся сжалась от неожиданности и зарделась от столь щедрого подарка: обо мне?!! Оказалось, нет. Конечно, Ахмадулина читала свои стихи, посвященные Марине Цветаевой. Как же они потом хохотали на пару с Беллой!..

Перевернув последнюю страницу „Перехода“, Марина потянулась к телефону, но случайно глянула на часы: ах черт, уже четвертый час ночи, а так хотелось позвонить этой Вероник и сказать: „Я потрясена! Конечно, я согласна. Спасибо. Роль моя“.

„Я плакала все время, пока читала пьесу…“ — позже

рассказывала Марина друзьям. Подумать только, 30-летняя девчонка, француженка, не знающая ни слова по-русски, написала такую вещь о гениальной российской поэтессе! Пьеса для двух актеров о последних годах жизни Цветаевой во Франции, о ее возвращении с сыном Муром в Россию и об их гибели. При этом так точно прописано то время…»

Вопрос с постановкой был решен незамедлительно. Продюсирование частично взял на себя шахматный король Гарри Каспаров, который с юных лет обожествлял Высоцкого, а после смерти Володи перенес частицу своих чувств и на возлюбленную поэта.

Образ Марины Ивановны Цветаевой, ее стихи и горькая судьба еще долго-долго не отпускали Влади. Когда ее подкосила, едва окончательно не сбив с ног, смерть Леона, хозяйка Maisons-Laffitte, казавшаяся всем такой сильной и мужественной, неизменно утверждавшая, что даже «если уже ничего не хочется из-за того, что жизнь тебя „затюкала“, необходимо искать какую-то лазейку — и всегда можно ее найти», сомнамбулой бродила вечером по своему заброшенному саду и искала место, где могла бы свести счеты с осточертевшей жизнью. Цветаева же сумела…

Гражданский муж Марины Влади Леон Шварценберг скончался осенью 2003 года, чуть-чуть не дожив до своего 80-летия. По злой иронии судьбы выдающийся французский онколог умер именно от ракового заболевания. За три года до этого он первым поставил себе смертельный диагноз, но был совершенно уверен, что сможет протянуть еще долго. Все это время она самозабвенно ухаживала за своим захворавшим врачом. Только кто мог предвидеть, что при переливании крови профессору медицины случайно занесут еще и вирус гепатита?

Она точно знала, что Леон, ее нежный и заботливый друг, умирает. «Но я была абсолютно не готова к тому, что он уйдет. Сначала я просто перестала жить, — говорила она. — Упала и не могла подняться. Дети далеко, родных не осталось… Я начала пить, чтобы облегчить страдания. Два с лишним года я жила в плену у алкоголя почти в полном одиночестве, если не считать редких звонков от уже взрослых детей».

«Я ездила на велосипеде, с трудом удерживая равновесие, в ближайший магазин за продуктами, а главное — за выпивкой. Обратный путь был гораздо легче, — день за днем описывала Марина свое тогдашнее существование, превратившееся в сплошные сумерки. — Я даже испытывала некоторую эйфорию, хорошо знакомую алкоголикам. Это в свое время меня удивляло в уникальном человеке — Высоцком, у которого начинала хмельно кружиться голова лишь от одного предвкушения предстоящей

выпивки. Теперь пришла моя очередь… После общения с „черным человеком“ я часто падала. Для этого было достаточно случайного движения одной из моих собак. Я стояла на четвереньках, а когда сознание возвращалось, то мазала зеленкой ободранные коленки и ссадины на руках. Меня разбирал смех и презрение к самой себе…»

— Она позвонила мне среди ночи пьяная, извинялась, предавалась воспоминаниям, плакала, — сплетничала с подругами прежняя соседка Поляковых, Татьяна Марет, та самая, которая когда-то, в прошлой жизни, пыталась пичкать девочек запретными сладостями. — Марина совершенно одинока: мужья скончались, дети разъехались… да и возраст уже преклонный. Я тогда поняла, что если не приеду к ней, то случится беда. Так и вышло. Я нашла ее спящей… Пыталась разбудить, но не смогла. Вызвала «Скорую». Как выяснилось позже, Марина наглоталась снотворного, запив алкоголем. Слава богу, все обошлось. Но даже после этого случая мы не стали ближе, она по-прежнему избегала меня…

От полного отчаяния и самоубийства Марину спасли собаки, за которыми все-таки надо было ухаживать, кормить, выгуливать. Поднимаясь с пола после очередного падения, она кряхтела, как старуха, и приговаривала: «И тут ты прав, Антон Павлович, действительно, доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой…»

А затем неожиданно возникло жгучее желание выплеснуть на бумагу всю накопившуюся внутри боль: «Опустившись практически на дно, я нашла в себе силы, чтобы всплыть на поверхность. Привязанность к выпивке я выбила другой страстью — тягой к писательству. Сначала не прикасалась к алкоголю до шести вечера, а затем вообще сократила его потребление до минимума…»

Свою новую книгу «Sur la plage, un homme en noir» — «На пляже, или Черный человек» — Марина писала на пределе откровенности, не изменяя себе: «Я ненавижу всякую ложь. Я вообще ничего не скрываю и всегда пишу откровенно…»

Но, закончив рукопись, сначала даже не хотела публиковать. Ее убедил старинный друг — издатель Клод Дюран: «Ты пережила трагедию, которая может помочь другим людям в подобных ситуациях».

А потом появилась новая книга «Мой вишневый сад».

«Я много раз играла в чеховском „Вишневом саде“, — пыталась объяснить ее рождение Марина. — Однажды мне пришла в голову удивительная идея: продлить жизнь персонажей пьесы, узнать, что случилось с ними после 1894 года. И чем

больше я думала над этим, тем понятнее мне становилось, что я могу написать историю собственной семьи. Ведь у бабушки был под Курском большой вишневый сад. Я представила себе, что Любовь Андреевна — это моя бабушка. А следом за ней и все остальные родные и близкие мне люди легко вошли в текст. Три года я словно сплетала огромную косу, в которую нитями врастали судьбы всех тридцати героев романа. Главная героиня — моя мама… И мой дед, генерал белой армии…

Книгу я довожу до того момента, как мама приехала вместе со мной в Советский Союз. Встретилась, кстати, с Высоцким. И я этим завершаю круг. Начало книги чеховское: Любовь Андреевна продает имение и уезжает в Париж к любовнику. А конец такой: я играю ее роль перед мамой…»

За четверть века, признавалась Марина Владимировна, «литературный труд для меня стал интереснее, чем труд актрисы, который всегда вторичный… обязательно присутствует режиссер, текст и заданные рамки. За письменным столом я становлюсь свободным человеком. Этого я никогда не чувствовала как актриса, которой нужны текст и режиссер. Хотя… актерство помогает писать — я привыкла влезать в чью-то шкуру, перевоплощаться в своих героев…»

«Я просто умею любить…»

На письменном столе второй день валялся журнал с отчеркнутой синим фломастером фразой: «Этой женщине пришлось пережить столько трагедий, что ее сердце превратилось в кусок железа…»

Марина так и не дочитала до конца статью о себе, натолкнувшись, как на острую иголку, на эти жесткие слова. Сначала усмехнулась: а не послать ли эту вырезку своему «венецианскому коллекционеру»?.. Чуть-чуть всплакнула, совсем чуть-чуть. Задумалась. Да, конечно, если оглянуться на все то, что с ней происходило, кажется, что это невозможно пережить. Но женщине всегда приходится быть лучше и сильнее мужчин. Главное решение всегда остается за женщиной. Всю жизнь она боролась и побеждала. Что поделаешь, такой темперамент. Да и по китайскому календарю она все-таки тигрица.

Что помогало выстоять? Да, дисциплина, внутреннее самообладание, сила воли. Говорите, «кусок железа»? Ладно, тогда извольте принять и такое признание: «Я кузнец своей судьбы. Но моя жизнь вовсе не такая уж удивительно счастливая. У меня было очень много несчастий в жизни, но которые переплетались с большим счастьем… Я ни о чем не жалею. Но главное — я умею любить. Это точно. Я умею любить потому, что отдаю все. Но и беру тоже все, конечно… Максималистка…»

«Да и вообще, — думала Марина, — этому господину сочинителю „куска железа“ следовало бы знать, что с некоторых пор смерти я вообще не боюсь…»

На одном из приемов ее познакомили с театральным режиссером Кристофом Лидоном. Ранее она о нем уже слышала, вернее, не столько о нем самом, сколько о его удачных сценических работах. Конечно, он ее сразу подкупил, сказав Марине, что недавно слушал компакт-диск с записями рассказов Чехова в ее исполнении на языке Мольера и получил громадное наслаждение. Кристоф, хитрец, Чехова, оказалось, помянул неспроста.

— У меня сейчас в работе очень интересная современная пьеса, такая легкая, веселая и грустная одновременно, — увлеченно рассказывал он. — Кто автор? Вряд ли вам что-либо скажет его имя. Впрочем, Лоле Белон. Он предложил мне свою комедию «Дамские четверги». И она мне показалась похожей на чеховскую драматургию. Знаете, ambiance такой, кисло-сладкая история… Три немолодые женщины — Элен, Соня и Мари, но совсем не три сестры, а так, приятельницы, по четвергам

собираются вместе и вспоминают свои былые увлечения, какие-то радостные или печальные события…

— А в каком театре вы собираетесь это ставить?

— В Theatre de l'Oeuvre. Знаете такой?

— Еще бы! — засмеялась Влади. — В этом театре я впервые вышла на сцену в Париже, молодой человек. Это был спектакль по пьесе мужа, Робера Оссейна, «Вы, которые нас судите». Конечно, я помню этот маленький театр. На мой взгляд, он один из лучших по своей атмосфере… И кого вы хотите мне предложить играть, мсье Лидон? Я, кстати, видела вашего «Красного черта», мне понравилось. Так кого из дам?

— Хозяйку «четвергов» Соню. Кстати, по пьесе она из семьи русских эмигрантов, вам это близко. Я понимаю…

— Посмотрим.

Пьеса на самом деле оказалась интересной, с легким юмором. А Соня…

— Моя Соня — очаровательная русская баба — смешная, жизнерадостная, увлекающаяся, — говорила Марина знакомым, приглашая на премьеру. — Добрая душа, готовая всем пожертвовать ради сына. Кстати, автор мне говорил, что эта роль словно написана специально для меня. Я действительно похожа на Соню… Тоже безалаберная, щедрая, богемная. И по-прежнему люблю жизнь… Приходите.

«Солнышко зашло. Пора выпить», — говорила «ее Соня» в спектакле по-русски. Этих слов не было в пьесе — актриса сама добавила. Время от времени по ходу действия некоторые фразы Марина по просьбе режиссера произносила с русским акцентом, душевно пела старую песню «Чарочка моя»… Зрители уходили после спектакля в совершенной уверенности, что «в… лет жизнь только начинается», писали рецензенты.

«Я видел ее на сцене. По-моему, великолепная работа, — одобрил даже Оссейн. — Знаете, женщин, которые были близки вам по жизни, надо ценить и уважать, несмотря ни на что».

Когда Марина прочла его отзыв, то позвонила Роберу, поблагодарила за теплые слова и тут же предложила: «Мы сейчас собираем подписи под обращением к министру культуры Франции…»

— Кто «мы»?

— Я, графиня Колетт Толстая, писатели Эрик Орсенна, Жан-Мари Руар, Марик Хальтер, актер Лоран Терзьефф, кое-кто еще. Нобходимо защитить дом Тургенева в Буживале. Ты давно там бывал? В этом заповедном парке какая-то мощная компания, которая занимается недвижимостью, собирается строить всякие объекты, представляешь?

— Конечно, я тоже подпишу. Ты думаешь, это поможет?

— Еще как поможет! Мы не должны стоять в стороне и спокойно наблюдать за всем, что происходит!

Чуть позже в тургеневском поместье «Ясени» состоялось открытие памятника великому русскому писателю и его возлюбленной Полине Виардо. Марина читала по-русски и по-французски «Песнь торжествующей любви», отрывки из переписки Тургенева и Виардо.

«Кусок железа»… Как бы не так! Ее сердце всегда было наполнено любовью. Она абсолютно нормальный человек, ничего колдовского в ней нет и в помине. А почему ей так везло на необыкновенных спутников жизни — вопрос сложный, отвечая на который она всегда повторяла: «Наверное, я просто умею любить. Прежде всего, они были все талантливы — каждый по-своему. Я искала в своих мужчинах нечто, напоминавшее мне отца… Они всегда относились с симпатией друг к другу, что случается крайне редко. Я думаю, что всю жизнь была прежде всего женщиной, а не актрисой. Больше всего меня интересует собственная жизнь: мои дети, мои мужья. Но я ничем не жертвовала. Я родила детей, я долго их воспитывала, потом снова снималась… У женщин очень много обязанностей. Надо быть и матерью, и женой, и труженицей-профессионалом… Я прожила жизнь женщины, очень наполненную и очень красивую…»

В мужчинах она всегда ценила прежде всего ум: «Если его нет, то мужчина непривлекателен».

Предложение, с которым к Марине обратилась Мишелин Розан, содиректор театра Питера Брука «Буфф дю Нор», — инсценировать книгу «Владимир, или Прерванный полет», — было, конечно, неожиданным.

«Сначала я отказалась, — говорила Влади, — но потом подумала: почему нет? Сама я никогда бы на это не решилась. Они предложили мне новую форму рассказа о Владимире. Под деликатнейшим руководством режиссера Жан-Люка Тардье я с ностальгией вспоминаю о годах, которые я провела между Парижем и Москвой, оставаясь неразрывно связанной с Владимиром Высоцким. Вначале я не знала, как буду все это рассказывать. Я снова погрузилась в воспоминания. Перечитала своего „Владимира“. Да, писать я стала лучше. Тогда писала, можно сказать, девочка, а сейчас пишет старая баба. Но желание выплеснуть энергетический заряд осталось…»

Напоказ? Да!

Люблю тебя сейчас
Не тайно — напоказ!

«Мне трудно играть, — говорила актриса. — В других спектаклях я всегда могла опираться на какой-то вымышленный образ, придуманный текст или партнеров по спектаклю. А здесь нет актерского ремесла, здесь лишь личная боль. Здесь я почти одна на сцене, мой партнер — Высоцкий, но его больше нет. Это тяжело. На сцене я опять в который раз буду объясняться в любви человеку, который был моим мужем, был талантливым, гениальным артистом, был моим любовником.

Спектакль — это квинтэссенция нашей любви. Я проникаю в наше прошлое, я снова живу этим, я вынимаю из себя самое сокровенное. Здесь я не просто актриса, это не только мой текст — это моя жизнь, я вступаю в свое прошлое, и когда я читаю его последние стихи, я еле-еле могу их произносить… Я думаю, что передаю эту cette rage, вот эту ярость, которая меня не отпускает все эти годы…»

«Прерванный полет» создавался для французской публики, никто даже не предполагал, что у спектакля будет столь долгая и успешная творческая судьба. Ни она, ни режиссер не собирались везти спектакль в Москву. Возможно, на этот шаг в какой-то степени их спровоцировала шумная рекламная кампания, которой сопровождался прокат российского фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой».

«Он не понравился мне абсолютно! — возмущенно говорила Марина Влади. — Это оскорбление и Высоцкому, и мне как его жене, черт побери!.. Это гадость. Сын Высоцкого хвастается тем, что, добиваясь для актера наибольшего сходства с Высоцким, они сделали копию из силикона посмертной маски Володи, которую я сама снимала. Это не только скандально, а даже страшно. Это аморально и неэтично. Если бы я была верующей, я бы сказала, что это грех. И кого они показали в этом фильме? Какого-то бедного, несчастного наркомана… Володя мог быть кем угодно, но только не жалким человеком! Людям нужно слушать самого Высоцкого, читать его стихи — это намного полезней для души…»

* * *

Не спалось. Марина поднялась, набросила легкий халат, прошлась по дому. В кабинете постояла у окна. Рассвет был еще далек, и она, опустившись в кресло, зажгла настольную лампу. На секунду задумавшись, нажала «пуск» — и полилась мелодия

Шуберта. Потом коснулась бумаг на столике у дивана. Телеграмма из российского посольства с поздравлениями: 2 апреля 2012 года президент Дмитрий Медведев подписал Указ: «За большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерациенй, сохранение и популяризацию русского языка и культуры за рубежом наградить медалью Пушкина де Полякофф (Влади) Марину — актрису театра и кино, Французская Республика». Улыбнулась.

Что еще? Да так, ерунда, ничего заслуживающего внимания. Пара сценариев, какая-то пьеска. Малоинтересные пустяки.

Дома было тихо и спокойно. Она откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза. Что говорила Ольга в «Трех сестрах»?

«Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на Земле, и помянут добрым словом тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем… Если бы знать, если бы знать!..»

P.S.

Поставив точку, автор в который раз раскрыл томик Куприна. Это уже было похоже на наваждение:

«Я и сам не подозревал, какими тонкими, крепкими, незримыми нитями было привязано мое сердце к этой очаровательной, непонятной для меня девушке. Я еще не думал о любви, но я уже переживал тревожный, предшествующий любви период, полный смутных, томительных, грустных ощущений… Все мои мысли были заняты образами Олеси, все мое существо стремилось к ней, каждое воспоминание о ее иной раз самых ничтожных словах, об ее жестах и улыбках сжимало с тихой и сладкой болью мое сердце. Но наступал вечер, и я подолгу сидел возле нее на низкой шаткой скамеечке, с досадой чувствуя себя все более робким, неловким и ненаходчивым».

La Sorcière — Колдунья…

Влади Марина (Vlady Marina)

Екатерина Марина Владимировна Полякова-Байдарова (Catherine Marina de Poliakoff-Baidaroff). Французская актриса театра и кино, певица, писательница. Родилась 10 мая 1938 г. в Клиши-де-Гаренн, департамент О-де-Сен, Франция.

Фильмография

«Летняя гроза» (1949), «Черное оперение» (1952), «Негодяи отправляются в ад» (1952), «Первосортная девушка» (1953), «Первая любовь» (1953), «Дни любви» (1954), «Перед потопом» (1954), «Колдунья» (1956), «Простите наши оскорбления» (1956), «Преступление и наказание» (1956), «Ты — яд» (1958), «Приговор» (1959), «Ночь шпионов» (1959), «Принцесса Клевская» (1961), «Семь смертных грехов» (1962), «Степь» (1962), «Очаровательная лгунья» (1962), «Веские доказательства» (1962), «Безымянная звезда» (1965), «Фальстаф» (1965), «Две или три вещи, которые я знаю о ней» (1967), «Сюжет для небольшого рассказа» (1969), «Пусть начинается праздник» (1975), «Семь смертей по рецепту» (1975), «Их двое» (1977), «Тайны Бермудского треугольника» (1978), «Багдадский вор» (1978), «В поисках капитана Гранта» (1985), «Твист в Москве» (1986), «Подвиги Дон Жуана» (1987), «Пьющие кровь» (1991), «Сны о России» (1995), «Сын Гаскони» (1995), «Ветер над городом» (1996), «Несколько дней отсрочки» (2010) и др.

Театральные работы

«Вы, которые нас судите», «Три сестры» (Ирина), «Вишневый сад» (Раневская), «Гамлет» (Гертруда), «Невероятная и грустная история наивной Эрендиры и ее жестокосердной бабушки», «Саркофаг», «Синий источник» (Колетт), «Переход» (Марина Цветаева), «Дамские четверги» (Соня), «Владимир, или Прерванный полет», «Всадник одинокий» и др.

Библиография

«Бабушка» (в соаторстве) — (1979), «Владимир, или Прерванный полет» (1987), «Рассказы для Милицы» (1989), «Венецианский коллекционер» (1990), «Путешествие Сергея Ивановича» (1993), «От желудка — к сердцу» (1996), «Мой вишневый сад» (2001), «24 кадра в секунду» (2005), «На пляже, человек в черном» (2006), «Безумный ребенок» (2009).

Действующие лица

Бруйе Жан-Клод (1921). Французский летчик, бизнесмен. Второй муж М.Влади (1963–1966).

Бруйе Владимир (1963). Младший сын М. Влади. Отец — Ж.-К.Бруйе.

Валье Элен (Милица де Полякова-Байдарова, псевдоним Hélène Vallier) (1932–1988). Училась в балетной школе Парижской оперы, выступала в театрах, кабаре «Пигаль». Роли в кино — «Рим, 11 часов», «Портрет Дориана Грея», «Дама с камелиями», «Я убил Распутина», «Простите наши прегрешения» и др. Муж — переводчик Михаил Леснов.

Варен Ольга (Ольга де Полякова-Байдарова, псевдоним Olga Varen) (1928–2009). Телережиссер, актриса. Роли в кино — «Дни любви», «Невыносимая легкость бытия» и др. Работала в кабаре, в балете Б.Князева, театре, ассистентом режиссера, в том числе в фильме «Колдунья». Муж — кинодокументалист Жан Ле Массон.

Версуа Одиль (Этьеннетт Татьяна де Полякова-Байдарова, псевдоним — Odile Versois) (1930–1980). Актриса театра и кино. Училась на курсах М.Кшесинской, выступала в кордебалете Парижской оперы. Роли в кино — «Последние каникулы», «Летняя гроза», «Картуш», «Шиповник», «Ришелье», «Ты — яд», «Бенжамин, или Дневник девственника» и др. Награждена премией С.Бьянкетти. В замужестве графиня Поццо де Борго.

Высоцкий Владимир Семенович (1938–1980). Советский поэт, актер, автор песен, певец, композитор. Третий муж М.Влади (1970–1980).

Оссейн Робер (Гуссейнов) (1927). Французский актер, режиссер. Роли в кино — сериал «Анжелика», «Вампир из Дюссельдорфа», «Негодяи спускаются в ад», «Я убил Распутина» и др. Постановщик театральных эпопей «Дантон и Робеспьер», «Отверженные», «Человек по имени Иисус», «Собор Парижской Богоматери» и др. Автор книг «Ностальгия», «Свет и тени», «Кочевники без племени», «Слепой часовой». Первый муж М. Влади (1955–1959).

Оссейн Игорь (1956). Сын М.Влади и Р.Оссейна. Роли в кино — «За последние пять минут», «Бывают дни, бывают ночи», «Прекрасная история», «Человек с двойным лицом», «Дьен Бьен Фу» и др.

Оссейн Пьер (1959). Роли в кино — «Любовник мадам Мегрэ», «Грязное дело», «Лучшее в жизни», «В поисках капитана Гранта», «Красная икра», «Афера» и др. Принимал участие в постановках Р. Оссейна.

Поляков-Байдаров Владимир Васильевич (1890–1952). Военный летчик, оперный певец, танцовщик, скульптор, драматический актер. Отец М.Влади. Окончил юридический факультет Московского университета, консерваторию, учился в императорском техническом институте, военной школе аэронавтики. Танцевал в опере С.Зимина. Волонтер французской армии во II мировой войне, награжден Военным крестом. Окончил центральную авиашколу, работал инженером на авиазаводе. Выступал в оперных театрах Парижа, Монте-Карло.

Полякова-Байдарова (Энвальд) Милица Евгеньевна (1899–1972). Французская актриса, танцовщица, педагог. Мать М.Влади. Окончила Смольный институт. В эмиграции с 1920 года.

Шварценберг Леон (1923–2003). Французский профессор-онколог. Участник движения Сопротивления. Был членом Европарламента, министром здравоохранения Франции. Автор книги «Изменить смерть». Четвертый муж М.Влади.

Энвальд Евгений Васильевич (1862–1925). Генерал-майор царской армии. Участник русско-японской и мировой войны. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Югославии.

Литература

Жоффр Ф. Нормандия-Неман. — М.: Воениздат, 1960.

Мар Н. Интервью Марины Влади // Советский экран, 1965, № 16.

Долинский М., Чертпок С. Одиль Версуа — Татьяна Владимировна // Советский экран, 1965, № 19.

Пажитнова Л., Каплер А. Возвращение на Родину // Советский экран, 1966, № 8.

Долинский М., Черток С. Три сестры — в «Трех сестрах» // Советский экран, 1967, № 1.

Долинский М., Черток С, *Влади М.* Мечтаю о героине значительной судьбы // Литературная Россия, 1967, 24 февраля.

Соболев Р. Время разрушений // Советский экран, 1969, № 21.

Ахмадулина Б. Однажды в декабре // Литературная газета, 1976, 31 декабря.

Высоцкий В. Интервью на Пятигорском ТВ. 1979> Н сентября.

Годар А., Влади М. Я без ума от Владимира, потому что вижу его через день // Пари Матч (Париж) 1980, 16 мая.

NN Судьба Марины Влади — «Дуга» (Югославия) 1980, сентябрь, № 9.

Далош Л. Так оно и есть. С гитарой и без гитары // Фильм, театр, музыка (Венгрия) 1981, № 12.

Калещук Ю., Влади М. Защищать мир — естественное состояние человека // Дружба народов. 1983, № 1.

Влади М. Каждый день начинать заново // Советская Россия. 1983, № 133– ю июня.

Голигорский Ю. Интервью М. Влади. Би-Би-Си 1984, 25 января.

Крымова Н. Мы вместе с ним посмеемся… // Дружба народов. 1985, № 8.

Якушкин Д. Шум вокруг «Твиста» // Советская Россия. 1986, 28 октября.

Якушкин Д., Влади М. Он сам сказал о себе лучше всех // Московские новости. 1987, 25 января.

Влади М. Интервью // Советская культура. 1987,19 февраля.

Ермаков Н. Отпор клеветникам дают Питер Устинов и Марина Влади // Советская культура. 1987, 24 февраля.

Шадрин А., Влади М. Говорю это как мать троих сыновей… // Крестьянка. 1987, № 4.

Медведев Ф., Ахмадулина Б. Мне нравится, что жизнь всегда права // Огонек. 1987, № 15.

Крымова К. Владимир Высоцкий // ОРТ. 1987, 3° мая.

Коваленко Ю. По сценарию Высоцкого и Володарского // Известия. 1987, 4 сентября.

Плешаков Л., Влади М. Я жив тобой… // Огонек. 1987, № 18.

Гурченко Л. В.В. // Неделя. 1987, № 47.

Белостоцкая Е., Вознесенский А. Признание // Труд. 1988, 24 января.

Влади М., Прохоренко Ж., Абдулов В., Макаров А. и др. Прежде чем обвинять других // Советская культура. 1988, 6 февраля.

Перевозчиков В. Живая жизнь — М.: Московский рабочий, 1988.

Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути: Сб. — М.: Физкультура и спорт, 1988.

Свистунов А. Я вам пишу… // Комсомольская правда. 1989, 26 января.

Шахматов А., Влади М. …Не надо делать ангела // Книжное обозрение. 1989, 3 марта.

Чесноков С. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 1989, 3 марта.

Свистунов А. Обида // Комсомольская правда. 1989, 4 марта.

Алимов Г., Чародеев Г., Влади М. Владимир — человек, а не икона // Известия. 1989, 6 марта.

Садчиков М., Жванецкий М. Наш юмор, увы, лучший в мире // На смену! (Свердловск) 1989, 14 апреля.

Плешаков Л., Влади М. Раньше об этом только шушукались // Крокодил. 1989, № 20.

Приволок К. Чудо и кредо Робера Оссейна // Литературная газета. 1989, 3 мая.

Осипов А., Влади М. Счастье — это миг // Советская культура. 1989, 9 мая.

Свистунов А., Влади М. Мы играли нашу юность // Советский экран. 1989, № 9.

Кравцова А. Да, у меня француженка жена… // Комсомолец Киргизии. 1989, 16 августа.

Алхимова М., Нестерова К, Цветкова В. В угоду сенсации // Литературная Россия. 1989, 18 августа.

Гофф И. На белом фоне // Октябрь. 1989, № 10.

Булатова С, Корчагина И., Токарева В. Зачем толкаться? Всем места хватит // Неделя. 1989, декабрь, № 52.

Демидова А. Высоцкий, каким знаю и люблю. — М.: СТД РСФСР, 1989.

Чижков Д. Отражение. — М.: МПИ. 1989.

Рязанов Э. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. — М.: Искусство, 1989.

Володарский Э. Как мы писали сценарий… — «Венские

каникулы». — М.: ВО «Союзинформкино» Госкино СССР, 1989.

Владимир Высоцкий. Человек, поэт, актер. Сб. — М.: Прогресс. 1989.

Влади М. Владимир, или Прерванный полет. — М.: Прогресс. 1989.

Сердобольский О. Марина Влади примеряет корону // Вечерняя Алма-Ата. 1990, 9 ноября.

Шуткевич В., Ольбрыхский Д. Сезон «Охоты на волков» в Варшаве // Комсомольская правда. 1990, 29 декабря.

Гомцян Н., Высоцкий А. Напишу об отце, когда улягутся страсти//Труд. 1991, 1 марта.

Струженцов Д., Влади М. Не отчаиваться и не опускать руки // Труд. 1991, 14 марта.

Федорова М. Образ смерти в западноевропейской культуре // Человек. 1991, № 5.

Канчуков Е. Самоволка. Дневник Владимира Высоцкого // Октябрь. 1991, № 6.

Вадим Р. Три самые прекрасные женщины // Искусство кино. 1991, № 6.

Фомина Л. Один за всех. Все — за одного // Московская правда. 1991, 16 июля.

Бродский И. Улица должна говорить языком поэта // Независимая газета. 1991, 23 июля.

Гейко Ю. Я жив, двенадцать лет тобой храним // Комсомольская правда. 1992, 4 января.

Перевозчиков В. Живая жизнь. — М.: Петит, 1992.

Утевский А. На Большом Каретном. — М.: Имидж, 1992.

Резанов-Хорошилова. Черный волк // Комсомольская правда. 1993, 19 октября.

Коваленко Ю., Влади М. Моя театральная карьера только начинается // Известия. 1993, 13 ноября.

Дымарский В. Марина Влади написала роман // Аргументы и факты. 1993, № 20.

Кохановский И. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». — М.: Физкультура и спорт, 1993.

Павлов А., Высоцкий Н. Во сне я о чем-то спрашиваю отца, но он в ответ лишь улыбается… // Комсомольская правда. 1994, 3 декабря.

Высоцкий В. Собр. соч. в 7-ми тт. — М.: Вельтон. Б.Б.Е, 1994.

Светлов Ю. Ярославские ребята в песне очень хороши // Росая. 1995, № 2, 24 января.

Поспелов Ю., Влади М. Я никогда не занималась карьерой, я занимаюсь своей жизнью… // Домовой. 1995, № 20, 4 апреля.

Маркарян К., Ольбрыхский Д. Постельные сцены в моем

возрасте уже противопоказаны // Комсомольская правда. 1995, 13 сентября.

Моисеева Л., Шубарин В. Я станцевал «ча-ча-ча» и сразу же стал невыездным // Вечерний клуб. 1995, 2 декабря.

Крепак Б., Туров В. О дружбе с Высоцким я молчал шестнадцать лет // Культура. 1996, № № 42–50.

Флам Л. Вики. Вера Оболенская. — М.: Русский путь, 1996.

Нагибин Ю. Дневники. — М.: Книжный сад, 1996.

Влади М. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 1997, 19 марта.

Резанов-Хорошилова, Ахмадулина Б. Я жила взаперти, как огонь в фонаре // Комсомольская правда. 1997, 4 апреля.

Рассказова Т., Дыховичный И. Высоцкий не был артистом, но хотел им быть // Неделя. 1997, 15 сентября.

Шевченко Д. Как я посадил Параджанова // Совершенно секретно. 1997, № 12.

Капшеева П. Этюды Семена Чертока — natura.peoples.ru. 1997, декабрь.

Ртищева Н. Морфий для поэта // Московский комсомолец.*1998, 25 января.*

Вергелис О., Перфилов Л. Эра немилосердных // Киевские ведомости. 1998, 26 января.

Гик Е. Математика на шахматной доске // Спортивная жизнь России. 1998, № 1.

Крымова Н. Работа Высоцкого — это было прекрасно! // Новая Сибирь (Новосибирск) 1998, № 84 (3–283), 2 февраля.

Корунова М., Влади М. Карьера — не главное в моей жизни… // 24 часа. 1998, № 2.

Дардыкина Н. Бумбараш в роли Маркиза // Московский комсомолец. 1998, 25 февраля.

Желтое В. Короткие встречи. Прерванный концерт // (СПб) Стрела. 1998, № 28.

Матизен В. Ромадин, который перепел Высоцкого, дружил с Тарковским и выставляется у герцогини Альба // Новые Известия. 1998, № 129, 15 июля.

Доронина Т. Русский вечер в Париже // Огонек. 1998, № 52.

Аросева О., Максимова В. Без грима. — М.: Центрполиграф, 1998.

Дардыкина Н. У любви веселое лицо // Московский комсомолец. 1999, 10 января.

NN — «Театральное трио: Чехов, Карден и Марина Влади» // Сегодня (Киев), 1999, 10 февраля.

Чикин М… Влади М. Не хочу видеть нищую Россию // Комсомольская правда. 1999, 16 марта.

Сычевский В., Бортник И. Роль Промокашки была без слов // Семья. 1999, № 16, апрель.

Деревянко Т. В Болонье, на кинофоруме исследователей // Независимость (Киев). 1999, 17 августа.

Солдатенков П. Владимир Высоцкий. — М.: Олимп, 1999.

Голованов Я. Заметки вашего современника // Комсомольская правда. 1999, 13 февраля.

Лунина Л. Высоцкая любовь // Карьера. 1999, № 7.

Ванденко А, *Церетели З.* В Тбилиси я делал грандиозную свадьбу Высоцкого и Марины Влади // Факты и комментарии (Киев). 1999, 7 декабря.

Кончаловский А. Возвышающий обман. — М.: ТОО «Совершенно секретно», 1999.

Асламова Д. Новые приключения дрянной девчонки. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.

Ковальская Л., Бенкендорф Э. Леонид Ильич Брежнев просил брать в каждую программу цыган и оперетту // Факты и комментарии (Киев). 2000, 14 января.

Белова О. Немузейный экспонат // Версии. 2000, 25 января.

Гейко Ю. Тихо! — орал Депардье по-русски // Комсомольская правда. 2000, 25 января.

Грабенко Л. Судьба — как эпоха // Зеркало недели (Киев). 2000, 29 января.

Минина Е. Алла сваталась к Косте Кинчеву… // Экспресс-газета. 2000, № 3.

Косинчук Э. Вдова Николая Гринько: «Тридцать лет мы прожили с Колей и просили Бога только о том, чтобы не отнял у нас любовь» // Факты и комментарии (Киев). 2000, 27 апреля.

Муха Ф. Мне есть что спеть, представ перед Всевышним // Советская Белоруссия (Минск). 2000, 22 июля.

Гавриш А., Высоцкий Н. Уберите фамилию Высоцкий из воспоминаний об отце — и вы будете читать о скучном человеке, который был наделен диким количеством пороков // Факты и комментарии (Киев). 2000, 25 июля.

Меркулова И. Горячие интервью, Шемякин М. // Эхо Москвы. 2000, 25 июля.

Горский В. Луи Армстронг еврейского разлива // Урал. 2000, № 8.

Юнгвальд-Хилькевич Г, Юнгвальд-Хилькевич Н. За кадром. — М.: Центрполиграф, 2000.

Майстер В. Почему Высоцкий не хотел ребенка от Влади // Собеседник. 2001, 25 января.

Сабурова О. Перевернули стол с едой и напитками // Собеседник. 2001, 25 января.

Васенина Е., Хмельницкий Б. Почаще сидите за столом с умными людьми… // Новая газета. 2001, 29 января.

Жуковская Н. Художник Михаил Шемякин: Однажды я понял, что слишком много неприятностей приношу окружающим // Век (Москва). 2001, 30 марта.

Гусев Д. Инвалид, алкоголик, бабник? // Московский комсомолец. 2001, 28 апреля.

Попова Л. Высоцкий и Магомаев — чемпионы любви по телефону // Комсомольская правда. 2001, 10 июня.

Владимирова О., Губенко Н. При нашей свободе с человеком могут сделать что угодно // Нижегородская правда (Н.Новгород). 2001, № 77, 17 июля.

Гордон Д., Ургант Н. Пять утра, звонок в дверь. На пороге Миронов, Ширвиндт и хромой Гердт в чем мать родила… // Бульвар (Киев). 2001, № 35, (305), август.

Голованова Н. Интрига игры на вылет // Персона. 2001, № 06–07, 18 августа.

Васюхин В. Лакировка действительности // Огонек. 2001, № 38.

Кислинская Л. О бедном гусаре замолвите слово // Совершенно секретно. 2001, № 8.

Видова Г., Влади М. Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин // Сегодня (Киев). 2001, 10 декабря.

Муромская Т., Церетели З. Все женщины похожи на цветы // Человек & Карьера. 2001, № 13, 24 декабря.

Шахназаров Г. С вождями и без. — М.: Вагриус, 2001.

Демидова А. Бегущая строка памяти. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

Смехов В. Театр моей памяти. — М.: Вагриус, 2001.

Яхонтов А. С Новым годом! // МК-Квартирный вопрос. 2002, № 1,4 января.

Брускин Г. Настоящее продолженное // Знамя. 2002, № 2.

Розварзин П. Граф де Пейрак, выходец из Туркестана // Время новостей. 2002, 19 марта.

Боброва Н. Болдинская осень // МК-Бульвар. 2002, 15–21 апреля.

Розварзин П. Пессимист, полный жизни // Время новостей. 2002, № 47, 30 июня.

Садчиков М., Ургант Н. Высоцкий был для меня просто Володей // Труд. 2002, 23 июля.

Костанян Л., Влади М. Я хотела написать, почему Володя умер в сорок два года… // Российские вести. 2002, № 25, 24 июля.

Шарунов А, *Щуплов А.* Струны вещие // Российская газета. 2002, 25 июля.

Амелькина А. Высоцкий мечтал о многоженстве // Комсомольская правда. 2002, № 133./30, 26 июля.

Толстой И. Записывая Высоцкого // Русский базар. 2002, 27 июля.

Романенкова К., Алексеева Т., Абдулов В. Пять браков — это не предел // Экспресс-газета. 2002, 30 июля.

Садальский С. Выпивавшие на кухне у Высоцкого друзья связали его… // Факты и комментарии (Киев). 2002, 23 октября.

Николаев А., Кобзон И. Найдите мои бордели — подарю! // Столица-С (Саранск). 2002, № 44, 30 октября.

Шемякин М. Треугольник Высоцкого // Аргументы и факты. 2002, № 47, ноябрь.

Рязанов Э. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. — М.: Вагриус, 2002.

Золотухин В. Секрет Высоцкого. — М.: Алгоритм, 2002.

Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Между словом и славой. — М.: Захаров, 2002.

Рябинина О., Высоцкий Н. Образ отца — это бешено несущийся автомобиль // АиФ. Суперзвезды. 2003, № 2 (08), 20 января.

Дьшарский В. Меня сегодня бес водил по городу Парижу // Российская газета. 2003, 24 января.

Болтянская М. Особое мнение: персонально ваш В. Дымарский // Эхо Москвы. 2003, 24 января.

NN. Если бы Высоцкий был жив // Комсомольская правда. 2003, № 14 (1553/22959), 25 января.

Невежина Е. Песни из спецхрана // День (Москва). 2003, 25 января.

Кунгурцева О., Лужина Л. Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью // Бульвар (Киев). 2003, № 3 (377), январь.

Аплетаев В., Любимов Ю. Мне неприятны мемуары Марины Влади… // Час. 2003, 30 января.

Боброва Н., Ярмольник Л. Никто не изменит людей // МК-бульвар. 2003, 10 февраля.

Косинчук Э., Евграшина М., Инин А. Я понял, что женщины просто… ненавидят деньги // Факты и комментарии (Киев). 2003, № 30 (1335), 15 февраля.

Смирнова Е., Высоцкий Н. Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету // Факты и комментарии (Киев). 2003, № 32 (1337), 19 февраля.

Хрусталева С, Мессерер Б. У нас с Беллой тридцатилетняя война // Комсомольская правда. 2003, 1 7 марта.

Громов В., Конкин В. Когда у Высоцкого не хватало аргументов, он… открывал свою луженую глотку // Факты и комментарии (Киев). 2003, № 54 (1359), 25 марта.

Алексеев В., Казанский К. Пойте, цыгане! // Независимая газета, «НГ-Антракт». 2003, № 13 (56), 11 апреля.

Цыганова Л., Золотухин В. Дружба с Высоцким — это пожизненная честь и каторга // Экономика и жизнь — Калмыкия (Элиста). 2003, № 13, 3 апреля.

Славуцкий А., Дыховичный И. Быть в хорошем настроении — обязанность человека // Новая газета. 2003, № 35, 19 мая.

Зайчик И., Митта А. Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венику // Караван историй. 2003, № 6.

Серков В., Фурман Л. Тайна семьи Абдуловых // АиФ. Суперзвезды. 2003, 2 сентября.

Плотников В. История одной фотографии // Потребитель (Санкт-Петербург). 2003, 20 октября.

Гордон Д., Ольбрыхский Д. Когда террорист-шизофреник схватился за ручку кабины… // Бульвар Гордона (Киев). 2003, № 48 (ноябрь).

Ртищева Н., Барышева И., Головенко А., Щуплов А., Володарский Э. Как нас с Высоцким в Склиф везли // Родная газета. 2003, № 35, 25 декабря.

Рубинштейн И. Французский сон // РТР, 2003.

Ласкари К. Импровизации на тему. — М.: Олма-Пресс, 2003.

Дворников Е. Шербурские зонтики с Малой Грузинской // Московская среда. 2004, 21 января.

Драбкина Н. В Москве есть все: Мавзолей, зоопарк, Ярмольник // Вечерняя Москва. 2004, № 12, 22 января.

Сажнева Е., Карапетян Д. Я любил Высоцкого, как мужчина женщину // Московский комсомолец. 2004, 24 января.

Желтое В. Высоцкий подрался из-за Марины Влади // Смена (СПб). 2004, 26 января.

Кудрявое Б., Нисанов В. Высоцкому подсыпали яд в шампанское! // Экспресс-газета. 2004, 30 января.

Якушева Т. Родственники Марины Влади живут по всей Амурской области // «Комсомольская правда» в Приамурье. 2004, 10 февраля.

Медведев Ф. Судьба Вероники // Версия. 2004, № 6 (279), 16–22 февраля.

Косинчук Э. Николай Гринько, актер Тарковского // 2000 (Киев). 2004, 9 апреля.

Мельман Д. Исповедь Промокашки // Московский комсомолец. 2004, 17 апреля.

Рязанкин А., Шибаева Т. Зовите меня — кузькина мать //

СПИД-инфо. 2004, № 8, 19 апреля.

Фукс *О., Золотухин В.* Я сорок лет вхожу в эти двери // Вечерняя Москва. 2004, № 76, 23 апреля.

Желтое В. Высоцкий с лицом ребенка // Смена (Санкт-Петербург). 2004, 27 октября.

Дардыкина Н. Седце Булата // Московский комсомолец. 2004, 8 мая.

Добрюха Н. Как Кобзон поссорился с Мариной Влади // Комсомольская правда. 2004, 20 июля.

Белый А. Экс-директор Театра на Таганке Николай Дупак // Новые Известия. 2004, 22 июля.

Иванов В. Концерт Высоцкого для всей Одессы // Совершенно секретно. 2004, № 9, сентябрь.

Хорошилова Т., Ярмольник О. Я хотела обвенчаться с Высоцким // Российская газета. 2004, 5 ноября.

Владимир Высоцкий. Белорусские страницы, Сб. Вып. 12. Минск: АльфаПресс, 2004.

Стеблов Е. Против кого дружите? — М.: ЭКСМО, 2005.

Свиридов А. 25 января — день рождения В.С.Высоцкого // Воронежская правда. 2005, 19 января.

Сажнева Е. Парижский суслик // Московский комсомолец. 2005, 24 января.

Буккер И. Владимир Высоцкий и XXI век. Никита Высоцкий об отце // Правда. ги. 2005, 25 января.

Садчиков М. Ни дожить не успел, ни допеть… // Труд. 2005, 27 января.

Веселова Е. В жизни Высоцкий говорил другим голосом // Покровка, 7. 2005, № 2 (159), 27 января — 3 февраля.

Коваленко Ю. Новая автобиография Марины Влади, 24 кадра в секунду // Русский базар. 2005, № 6 (459), 3–9 февраля.

Коваленко Ю., Влади М. Он вихрем ворвался в мою жизнь… // Русский базар. 2005, 3–9 февраля.

Максимова Э., Горяева Т. Признаюсь, я не ожидала увидеть такую Влади // Известия. 2005, 11 февраля.

Косинчук Э., Шебаршина Н., Гринько А. Его сходство с Чеховым было поразительным! // Комсомольская правда. 2005, 20–26 мая.

Светлова Е. Трудности перевода // Московский комсомолец. 2005, 30 мая.

Фурманская Э. Годы и роли Николая Гринько // TV-парк. 2005, № 22.

Сажнева Е. Парижский суслик // Московский комсомолец. 2005, 24 июня.

Семененко Н. На сочинской горе Малый Ахун Владимир Высоцкий пел для «узкого круга» // Агентство национальных

новостей. 2005, 22 июля.

Пастернак Б., Влади М. Каждая моя книга — это как хороший удар кулаком // Время новостей. 2005, 25 июля.

Ртищева Н. Они убили Высоцкого! // Родная газета. 2005, 29 июля.

Седых И., Золотухин В. Влади написала о Высоцком неинтересно! // Комсомольская правда в Черноземье. 2005, 22 октября.

Митрофанов А. По обе стороны кремлевского занавеса. — М.: ЭКСМО, 2005.

Коваленко Ю., Влади М. От самоубийства меня спасли мои собаки // Известия. 2006, 22 мая.

Вергелис О. Папа Карло в стране «чудаков». Две судьбы Николая Гринько // Зеркало недели (Киев). 2006, 8 июля.

Прокофьев В. Марина Влади: сон номер семь // Труд. 2006, 27 июля.

Левченко А. Харьковские корни Марины Влади // Вечерний Харьков. 2006, 30 октября.

Гордон Д., Жванецкий М. Всю жизнь я мечтал ездить на «Мерседесе» и лечь в постель с красивой женщиной // Бульвар Гордона (Киев). 2006, 21 ноября.

Март М., Абдулова Ю. Родителей познакомил Высоцкий // АиФ. Суперзвезды. 2006, 11 декабря.

Перевозчиков В. Ну здравствуй, это я!. — М.: Вагриус, 2006.

Гладилин А. Первая попытка мемуаров // Октябрь. 2007', № 6.

Лебедина Л., Губенко Н. Нашу дружбу оборвала Марина Влади… // Труд. 2007', 25 июля.

Гордон Л., Демидова А. Марина Влади открыла мне дверь с дрелью в руках… // Бульвар Гордона (Киев). 2007', № 47.

Кудрявое Б. Тайная любовь Высоцкого. — М.: Алгоритм, 2007.

Александров К. Степной волк // Российская газета. 2008, 18 января.

Чижиков М. В Париже Высоцкого хотели забрать в полицию за воровство // Комсомольская правда. 2008, 24 января.

Александров К., Влади М. Мы летим по небу вместе с Володей // Российская газета. 2008, 25 января.

Ларина К., Гладилин А. Книжное казино // Эхо Москвы. 2008, 1 7 февраля.

Вахрамов В. Русская парижанка // Новый Взгляд. 2008, № 5.

Бахарева Т., Оссейн Р. Марину Влади я любил искренне и беззаветно. А что испытывала ко мне она, для меня осталось загадкой // События (Киев). 2008, 16–23 июня.

Садков П. Марина Влади сама сняла посмертную маску с Высоцкого // Комсомольская правда. 2008, 25 июля.

Ямпольская Е., Влади М. Все мои мужчины были людьми уникальными // Известия. 2008, 1 сентября.

Шендерова А., Влади М. Старые демоны еще при вас // Коммерсантъ. 2008, 1 сентября.

Шигарева Ю., Влади М. Отдам России свою личную жизнь… // Аргументы и факты. 2008, 3 сентября.

Саид-Шах М. Марина Влади живет в гараже // Экспресс-газета. 2008, 28 ноября.

Тумаркина И., Демидова А. Когда у Высоцкого с Влади еще не было своей квартиры в Москве… // События и люди (Киев). 2008, 22–29 декабря.

Беляков А. Чуть левее наклон… // Огонек. 2008, № 52.

Кудрявок Б. Страсти по Высоцкому. — М.: Алгоритм, 2008.

Перевозчиков В. Возвращение к Высоцкому. — М.: Вагриус, 2008.

Прокофьев В. Высоцкая нота // Российская газета. 2009, 22 января.

Коваленко Ю., Влади М. Увидев, как живут немцы, Высоцкий проплакал всю ночь // Известия. 2009, 22 января.

Егошина О. Вдох глубокий до изнеможения // Новые известия. 2009, 11 февраля.

Ларина К, Влади М. Дифирамб // Эхо Москвы. 2009, 15 февраля.

Бойченко М., Влади М. Я и сейчас танцую с Володей во сне // Смена (СПб). 2009, 16 февраля.

Адриан А. Марина Влади. Нестерпимая боль матери // France Dimanche (Париж). 2009, 23–29 октября.

Коваленко Ю., Влади М. Со спектаклем о Высоцком я могла бы выступать всю жизнь // Известия. 2009, 2 ноября.

Бахарева Т. Марина Влади лишь ускорила уход Володи Высоцкого из жизни… // Факты и комментарии (Киев). 2009, 26 ноября.

Кизилова Т. Марину Влади наказали за Робера Оссейна // Экспресс-газета. 2009, 9 декабря.

Оберемко В. Как изгоняли Тарковского // Аргументы и факты. 2009, 24 декабря.

Аксенов В. Таинственная страсть. — М.: Семь дней, 2009.

Нечаев А., Юнгвальд-Хилькевич Г. Неправильно обвинять в том, что жизнь Высоцкого пошла наперекосяк, Марину Влади // Комсомольская правда. 2010, 22 июля.

Яхонтов А. Тени Дома литераторов. — Московский комсомолец. 2010, 19 августа.

Евтушенко Е. Иван-царевич с гитарой // Новые известия. 2010, 29 октября.

Парфенов В., Влади М. Я была и остаюсь бойцом… //Русский очевидец. 2010, 11 ноября.

Жоли Е. Первый муж Марины Влади Робер Оссейн: «Великолепно готовлю борщ и пожарские котлеты есть». // Комсомольская правда. 2010, 31 декабря.

Аксенов В. Ожог. — М.: ЭКСМО, 2010.

Демидова А. Письма к Тому. — М.: АСТ, Зебра Е, Полиграфиздат, 2010.

Коваленко Ю. Тайная жизнь Высоцкого // Известия. 2011, 24 января.

Катаева В. Высоцкого сгубил мощнейший приворот! // Желтая газета. 2011, № 3, 27 января.

Гордон Д., Говорухин С. Марина Влади встала передо мной на колени и взмолилась… // Бульвар Гордона (Киев). 2011, № 13–15, март — апрель.

Гордон Д. Личный переводчик Хрущева, Брежнева и Горбачева Виктор Суходрев… // Бульвар Гордона. 2011, № 49, 6 декабря.

Перевозчиков В. О Высоцком — только самые близкие. — М.: Алгоритм, 2011.

Сайд Шах М. Трагический роман Андрея Соколова и Марины Влади // Собеседник. 2012, 5 марта.

Пешков Н., Влади М. Я расскажу о настоящем Владимире Высоцком // Новости Петербурга. 2012, 13 марта.

Козлова Ю., Оссейн Р. Не уверен, что Марина Влади любила меня так же сильно, как я ее // iringoloskov.blogspot. 2012, 18 марта.

Пономарева Т., Сизова М., Влади М. Мы никогда не были идеальной парой // Пермские новости. 2012, 30 марта.

Садчиков М., Влади М. Слушать самого Высоцкого намного полезней для души, чем смотреть ужасное коммерческое кино // Фонтанка (СПб). 2012, 12 апреля.

Липченко М. Квинтэссенция любви // Суббота (Рига). 2012, 18 апреля.

Костицина Н. Марина Влади // Эхо Москвы. 2012, 24 апреля.

NN Марина Влади лишилась девственности ради первой роли // Собеседник. 2012, № 18, 16 мая.

notes

Примечания

1

Могай Леонид (1899–1976) — французский режиссер, сценарист, продюсер. Уроженец Санкт-Петербурга. Автор к/ф «Дай мне шанс», «Мужчины хотят жить» и др.

2

Мастроянни Марчелло (Марчелло Винсенто Доменик) (1924–1996) — итальянский актер. Роли в кино: «Сладкая жизнь», «Ночь», «Развод по-итальянски», «Восемь с половиной», «Дни любви», «Брак по-итальянски» и др. Кавалер ордена «За заслуги перед Итальянской республикой».

З

Де Сантис Джузеппе (1917–1997) — итальянский режиссер, сценарист, основатель течения «неореализм». Участник Сопротивления, член ИКП. Автор к/ф «Рим, 11 часов», «Нет мира под оливами», «Дни любви», «Они шли на Восток» и др. Лауреат Венецианского МКФ.

4

Брандо Марлон (1924–2004) — американский киноактер. Роли в к/ф — «Трамвай „Желание“», «Крестный отец», «Последнее танго в Париже», «Супермен», «Апокалипсис сегодня» и др. Лауреат премий «Оскар», «Золотой глобус», «Эмми», Каннского МКФ.

5

Вадим Роже (Племянников Владимир Игоревич) (1928–2000) — французский режиссер, сценарист, актер. Автор к/ф «И Бог создал женщину», «Ювелиры лунного света», «Опасные связи», «Дон Жуан-73» и др. Первая жена — Б. Бардо, французская киноактриса.

6

Мишель Андре (1910–1989) — французский режиссер, актер. Автор к/ф «Колдунья», «Без семьи», «Все дети мира» и др.

7

Феррери Марко (1928–1997) — итальянский режиссер, сценарист, актер. Автор к/ф «Женщина-обезьяна», «Сука», «Прощай, самец», «Большая жратва», «Диллиджер мертв» и др. Лауреат премии «Золотой медведь» на МКФ в Берлине.

8

Уэллс Орсон (1915–1985) — американский актер, режиссер, сценарист, продюсер. Автор к/ф «Гражданин Кейн», «Макбет», «Отелло» и др. Лауреат премий «Оскар», «Золотая пальмовая ветвь» МКФ в Каннах. Работал в США, Европе.

9

Каплер Алексей Яковлевич (1904–1979) — советский сценарист, актер, ведущий т/передачи «Кинопанорама» (1966–1972). Автор сценариев к/ф «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Полосатый рейс», «Человек-амфибия» и др. Лауреат Сталинской премии (1941). Жена — Друнина Юлия Владимировна (1924–1991). Советская поэтесса. Лауреат Госпремии РФ. Была народным депутатом СССР. Покончила жизнь самоубийством.

10

Годар Жан-Люк (1930) — французский режиссер, сценарист, актер, продюсер. Автор к/ф «На последнем дыхании», «Презрение», «Две или три вещи, которые я знаю о ней», «Уикэнд», «Маленький солдат» и др. Лауреат премий «Оскар», «Золотой медведь», «Золотой лев» и др.

11

Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) — советский кинорежиссер. Нар. арт. СССР, лауреат Госпремий, Герой Социалистического Труда. Постановщик к/ф «Человек с ружьем», «Отелло», «Ленин в Польше», «Сюжет для небольшого рассказа», «Ленин в Париже» и др.

12

Евтушенко Евгениий Александрович (1932) — советский поэт, прозаик, режиссер. Автор книг «Нежность», «Идут белые снеги», «Взмах руки», «Братская ГЭС», к/ф «Детский сад», «Похороны Сталина» и др. Лауреат Госпремий СССР, РФ, кавалер орденов. Был народным депутатом СССР. С 1991 года работает в университетах США.

13

Чампи Ив (1921–1982) — французский режиссер, сценарист, продюсер. Автор к/ф «Перфекционист», «Небо над головой», «Кто вы, доктор Зорге?», «Тайфун над Нагасаки» и др.

14

Малюгин Леонид Антонович (1909–1968) — советский драматург, сценарист. Автор пьес «Старые друзья», «Насмешливое мое счастье», «Жизнь Сент-Экзюпери», сценариев «Поезд идет на Восток», «Сюжет для небольшого рассказа» и др. Лауреат Сталинской премии (1946).

15

Гринько Николай Григорьевич (1920–1989) — советский актер театра и кино. Роли в к/ф «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Сюжет для небольшого рассказа», «Опасные гастроли», «Солярис», «Зеркало» и др. Народный артист УССР.

16

Гладилин Анатолий Тихонович (1935) — русский писатель. Автор книг «Хроника времен Виктора Подгурского», «История одной компании», «ФССР (Французская Советская Социалистическая Республика)», «Меня убил скотина Пелл» и др. С 1976 года живет во Франции.

17

Аксенов Василий Павлович (1932–2009) — русский писатель. Автор книг «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Затоваренная бочкотара», «Ожог», «Московская сага», пьесы «Всегда в продаже» и др. С 1980 года в эмиграции. Работал в университетах США.

18

Абдулов Всеволод Осипович (1942–2002) — советский и российский актер театра и кино. Работал во МХАТе. Роли в к/ф «Контрабанда», «Место встречи изменить нельзя», «Трест, который лопнул». Отец — народный артист РСФСР О.Н. Абдулов.

19

Агранович Евгениий Данилович (1918–2010) — кинодраматург, автор песен, в том числе «Одесса-мама», «Я в весеннем лесу пил березовый сок…».

20

Дыховичный Иван Владимирович (1947–2009) — советский и российский актер, режиссер, сценарист, продюсер. Работал в Театре на Таганке. Автор к/ф «Черный монах», «Прорва», «Копейка», «Деньги» и др. Был главным режиссером телеканала «Россия».

21

Романов Алексей Владимирович — председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР (1963–1972).

22

Церетели Зураб Константинович (1934) — советский российский художник, скульптор. Нар. художник СССР, академик Академии художеств, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

23

Туров Виктор Тимофеевич (1936–1996) — советский кинорежиссер, сценарист. Автор к/ф «Через кладбище», «Я родом из детства», «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой» и др. Нар. артист СССР, лауреат Госпремий СССР, Белоруссии.

24

Лапин Сергей Георгиевич (1912–1990) — советский партийный и государственный деятель. Председатель Гостелерадио СССР (1970–1985). Герой Социалистического Труда.

25

Тарковский Андрей Арсеньевич (1932–1986) — советский режиссер, сценарист. Автор к/ф «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение» и др. Нар. арт. РФ. Лауреат премий «Золотой лев» (Венеция), «Золотые ворота» (США), ФИПРЕССИ (Канны) и др. Гражданство — СССР, Италия, Франция. Умер в Париже.

26

Говорухин Станислав Сергеевич (1936) — советский российский режиссер, сценарист, актер. Автор к/ф «Вертикаль», «Место встречи изменить нельзя», «В поисках капитана Гранта» и др. Нар. арт. РФ, был депутатом Госдумы России.

27

Chantier interdit — строить запрещено.

28

Синьоре Симона (Симона-Анриэтта Шарлотта Каминкер) (1921–1985) — французская актриса. Роли в к/ф «Путь наверх», «Корабль дураков», «Вся жизнь впереди» и др. Лауреат премии «Оскар». Автор книг «Ностальгия уже не та», «Прощай, Володя». Второй муж Ив Монтан (Ливи Иво) (1921–1991). Французский актер, певец. Роли в к/ф «Врата ночи», «Займемся любовью», «Признание», «Салемские колдуньи», «Жить, чтобы жить» и др.

29

Депардье Жерар (1948) — французский актер, винодел. Роли в кино — «Сирано де Бержерак», «Невезучие», «Беглецы», «Папаши» и др. Кавалер ордена Почетного легиона, лауреат премий «Золотой глобус», «Сезар» и др.

30

Барышников Михаил Николаевич (1948). Советский и американский артист балета, балетмейстер. В эмиграции с 1974 года.

31

Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — русский и американский поэт, переводчик, эссеист. В эмиграции с 1972 года. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1987).

32

Брук Питер (1925) — английский режиссер театра и кино. Работал в США, Франции. Автор к/ф «Повелитель мух», «Марат/Сад», «Король Лир», «Вишневый сад», «Махабхарата» и др.

33

Форман Милош (Ян Томат) (1932) — чешский и американский кинорежиссер. В эмиграции с 1968 года. Автор к/ф «Отрыв», «Пролетая над гнездом кукушки», «Волосы», «Амадей», «Народ против Ларри Флинта» и др. Лауреат премии «Оскар», Гран-при Каннского МКФ и др.

34

Суходрев Виктор Михайлович (1932) — советский дипломат, личный переводчик Н.Хрущева, Л.Брежнева, М.Горбачева. Автор книги «Язык мой — друг мой».

35

Спасибо, Марина Владимировна. Этот самодельный двухтомник автор подарил В.С.Высоцкому весной 1978 года. На втором экземпляре автор сделал дарственную надпись: «Юрию Михайловичу Сушко с уважением к его настойчивости и терпению. В.Высоцкий. Запорожье, 1978 г.».

36

Жан-Пьер Сантье (1940–1995) — французский режиссер, сценарист, художник, актер. Автор к/ф «Сократ», «Прощай, Барбара», «Юдифь», «Судья и убийца», «Допрос» и др.

37

«Д жек Дэниэлс» — популярная марка американского виски.

38

Скола Этторе (1931) — итальянский режиссер, сценарист, продюсер. Автор к/ф «Терраса», «Мы так любили друг друга», «Сплендор» и др. Лауреат МКФ в Каннах, Москве, премии «Сезар».

Сегодня предложенные Л. Шварценбергом нововведения — норма во французской медицине.